

Санкт-Петербургский Государственный Университет

На правах рукописи

Мержва Ян Александрович

Политическая мысль

Анджея Максимилиана Фредро

специальность 07.00.03 Всеобщая история (новая история)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель

Д. и. н., доцент Аржакова Л. М.

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Фредро в польской историографии.....	14
Глава 2. Сеймовые речи 1648 и 1652 гг.	43
Глава 3. «История поляков в правление Генриха Валуа» (1652).....	68
Глава 4. «Поговорки разговорного языка» и «Политико-нравственные предостережения».....	100
Глава 5. «Фрагменты писем о мире и войне».....	121
Заключение.....	148
Список использованных источников и литературы.....	153

Введение

Актуальность темы исследования История политической мысли Речи Посполитой уже давно находится в поле внимания исследователей. Нельзя, однако, не отметить, что значительно чаще предметом исследования становились произведения авторов XVI, иногда – первой половины XVII века, в то время как политическая публицистика второй половины XVII – начала XVIII века долгое время оставалась в тени. Происходило это, в значительной степени, в связи с господствующими представлениями об этом периоде как времени неуклонного упадка и деградации (в том числе интеллектуальной), характерных для состояния Речи Посполитой. Представления эти, окончательно оформившиеся в период позитивизма, в дальнейшем весьма неохотно подвергалось ревизии. Такое отношение к указанному периоду неизбежно привело к тому, что между «серебряным веком» Речи Посполитой и эпохой Просвещения появилась своеобразная лакуна, заполнение которой началось относительно недавно, в середине XX века. Между тем, несмотря на то, что исследование данной эпохи заметно продвинулось вперед, история политической мысли продолжала оставаться на периферии научных интересов. Изыскания в этой области активизировались только в самом конце XX – начале XXI века. К этому же времени относится оживление интереса и к наследию Анджея Максимилиана Фредро, одной из незаурядных политических фигур и выдающихся публицистов Речи Посполитой второй половины XVII в. О повышении интереса к творчеству львовского каштеляна свидетельствуют не только многочисленные научные статьи, но также переводы и переиздания его трудов в 1999, 2014 и 2015 годах в двуязычном (латино-польском) формате, выходявшие один за другим после долгого перерыва. Нельзя не отметить, что подчеркнутое внимание к политической мысли Речи Посполитой в целом и принадлежащей перу Фредро в частности, в немалой степени было связано с процессом демократизации в Польше после 1989 года, который привлек

внимание польского общества к отечественным демократическим традициям и их месту в европейском наследии. В настоящее время политическая мысль и практика второй половины XVII века является одной из наиболее активно развивающихся областей исторического знания в Польше.

Хронологические рамки исследования Хронологические рамки определены периодом активной политической и публицистической деятельности Анджея Максимилиана Фредро, начало которой относится к 1648 году, а завершение – к 1679, году смерти львовского каштеляна.

Объектом исследования являются труды Анджея Максимилиана Фредро в той их части, в которой они дают возможность говорить о политических представлениях львовского каштеляна, как о государственном устройстве Речи Посполитой, так и о месте короля в этом устройстве.

Предметом исследования являются взгляды наиболее яркого представителя польской общественно-политической мысли середины – второй половины XVII века Анджея Максимилиана Фредро на роль короля и королевской власти в Речи Посполитой, в которых наиболее ярко выразились политические воззрения львовского каштеляна, а также его представления о государственном устройстве польско-литовского государства.

Степень научной изученности темы Тема представлений о королевской власти, исследование которой предпринимались в исторической науке достаточно давно¹, особенно активно развивается с середины XX века. Плодотворные изыскания на данную тему были проведены, прежде всего, на западноевропейском, в частности, французском материале: так, в отечественной науке особенно выделяются труды Н. А. Хачатурян², эта проблематика не остается без внимания и в последние годы³; в свою очередь,

---

¹ См., напр.: Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль: Типография губернского правления, 1910. 121 с.

² Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 314 с. См. также: Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. Под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. 542 с.

³ Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.; Польская С. А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX-XV вв.). М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.

в зарубежной историографии новый взгляд на развитие представлений о королевской власти в Новое время предложил Н. Хеншелл⁴. В польской исторической науке данной проблематике также был посвящен ряд исследований, как сборники статей⁵, так и монографии: например, королевской власти в XVII веке посвящена монография У. Аугустыняк⁶. Что же касается историографии, посвященной Анджею Максимилиану Фредро и его взглядам, их рассмотрению посвящена отдельная глава настоящей диссертации. Вместе с тем, стоит отметить, что тема королевской власти в публицистике Фредро ранее не становилась объектом самостоятельного исследования ни в польской, ни в иноязычной литературе. В российской историографии творчество львовского каштеляна затрагивалось эпизодически – в основном, в общих и обзорных работах, посвященных истории польской литературы⁷.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы, собрав и систематизировав источники, позволяющие провести комплексный анализ политических взглядов Анджея Максимилиана Фредро как важнейшего представителя польской политической мысли второй половины XVII века, решить следующие задачи, а именно:

- комплексно изучить публицистическое наследие Анджея Максимилиана Фредро
- реконструировать взгляды Анджея Максимилиана Фредро как наиболее видного польского политического писателя второй половины XVII века на королевскую власть в целом, а также на права и обязанности монарха в Речи Посполитой.

---

⁴ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб: Алетейя, 2003. 272 с.

⁵ См., напр.: Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy. Kraków: Nowa Galicja, 2003; Faworycy i opozycjoniści. Król a elity polityczne w Rzeczypospolitej XV-XVII wieku. Atelier Design Rafał Nowak, 2006; Król a prawo stanów do oporu. Krakow: PAZAX, 2010.

⁶ Augustyniak U. Wazowie i „królowie rodacy”. Studium władzy królewskiej w Rzeczypospolitej XVII wieku. Warszawa: Semper, 1999.

⁷ См., напр.: История польской литературы. Том I. М.: Наука, 1968. С. 104-105; Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002; Липатов А.В. Литература в кругу шляхетской демократии. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993; Николаев С. И. Польский гуманизм XVI-XVII вв.: взгляд из Московской Руси // Slavia Orientalis. Tom LVIII, nr 3, 2009. С. 273.

- выявить и проанализировать особенности в отражении темы королевской власти, характерные для Фредро в каждом из его произведений
- дать сравнительную характеристику взглядов Фредро и наиболее видных из его предшественников на проблемы Речи Посполитой и пути их решения в свете представлений о королевской власти.

Научная новизна диссертации состоит в комплексном анализе всех опубликованных к настоящему времени трудов Анджея Максимилиана Фредро под углом его представлений о монархе и его власти. Сама эта тема затрагивалась в предшествующей историографии лишь эпизодически и никогда ранее не рассматривалась на основании всего творческого наследия львовского каштеляна ни в польской, ни в российской исторической науке. Впервые предпринято специальное исследование, посвященное детальному разбору своеобразия политической мысли Фредро, вплоть до настоящего времени во многом остававшейся в тени и не привлекавшей к себе особого внимания историков, несмотря на то, что как польская, так и иноязычная историографическая традиция центральное место в общественно-политической мысли Речи Посполитой второй половины XVII в. отводит именно Анджею Максимилиану Фредро. Сравнительный анализ произведений Анджея Максимилиана Фредро и произведений его предшественников и современников, в которых затрагивались аналогичные вопросы, позволяет говорить об определенных параллелях, свойственных польской политической литературе, а также акцентировать свойственную Фредро специфику подходов к проблематике королевской власти, что подтверждено наблюдениями над текстами Фредро.

В ходе диссертационного исследования впервые осуществлен комментированный перевод с польского и латинского на русский язык значительных по объему фрагментов произведений Анджея Максимилиана Фредро, расширяющих наши представления о масштабе и характере развернувшихся в Речи Посполитой середины – второй половины XVII в. политических дискуссий о короле и королевской власти.

Практическая значимость диссертации состоит в углублении понимания политических воззрений одного из наиболее влиятельных публицистов второй половины XVII века, чрезвычайно популярных среди шляхты и дающих представление о политической культуре и настроениях граждан Речи Посполитой. Предпринятые в диссертации наблюдения и сформулированные выводы могут быть использованы специалистами в области социокультурной истории, а также историками общественной мысли. Достигнутые в диссертационном исследовании результаты могут быть учтены при составлении различных учебных курсов – лекционных и практических занятий, касающихся как истории Центрально-Восточной Европы в целом, так и Польши в частности. Фрагменты произведений Фредро, переведенных на русский язык, могут быть использованы в ходе семинарских занятий по истории политической мысли Речи Посполитой раннего нового времени.

Методология диссертации опирается на основные принципы исторической науки: объективность, историзм и комплексность. Методологическую основу диссертации составили метод ретроспективной реконструкции взглядов Анджея Максимилиана Фредро, сравнительно-исторический, историко-генетический и проблемно-хронологический метод, а также методы социокультурного и историко-антропологического анализа и герменевтического анализа источников, совокупность применения которых продиктована заявленной темой диссертационного исследования.

Источниковую базу диссертации составляет комплекс опубликованных на данный момент трудов Фредро, а именно: сеймовые речи⁸, «История поляков в правление Генриха Валуа» в переводе Владислава Сырокомли⁹, «Поговорки разговорного языка»¹⁰, «Политико-нравственные

---

⁸ Ostrowski-Daneykowicz J. Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. Tom I. Lublin: Drukarnia J.K.M. Collegium Societatis JESU, 1745. S. 10-20.

⁹ Jędrzeja Maksymiliana Fredro, Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyuszem, królem Polskim a potem Francuzkim. Petersburg i Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1852. 156 s.

¹⁰ Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne Andrzeja Maksymiliana Fredry, Kasztelana Lwowskiego, potem Wojewody Podolskiego. Sanok: Nakład i Druk Karola Pollaka, 1855. 90 s.

предостережения» в переводе Яна Игнация Янковского¹¹, «Фрагменты писем о мире и войне» в переводах Ягоды Хмелевской¹² и Франтишека Вуйтевича¹³, а также такие трактаты, как «Рассуждение об избрании на Королевство Польское при жизни короля Яна Казимира IV»¹⁴ и «Письмо другу»¹⁵. За рамками диссертационного исследования оставлены лишь те немногочисленные труды Фредро (в частности, недавно переизданное сочинение «О военных делах»¹⁶), которые не касаются кардинальной для его политической мысли темы королевской власти.

Структура работы

Структура диссертации обусловлена заявленными в исследовании целями и задачами. Диссертация состоит из введения, в котором раскрывается актуальность исследования, обозначены цели и задачи работы; пяти глав, заключения и списка источников и литературы.

В первой из глав представлен подробный историографический обзор, в котором охарактеризована старая и новая литература, посвященная Анджею Максимилиану Фредро и его творческому наследию. Отмечены тенденции и особенности восприятия львовского каштеляна и его трудов на разных этапах развития польской историографии. Каждая из последующих четырех глав посвящена одному из рассматриваемых в диссертации произведений львовского каштеляна, которые в полной мере отражают картину его политических воззрений.

Вторая глава – «Сеймовые речи» – посвящена мало изученным на настоящий момент выступлениям Фредро на сеймах 1648-1652 гг., которые являются, по сути, панегириками – умершему Владиславу IV,

---

¹¹ Fredro A. M. *Monita Politico-Moralia. Przestrogi Polityczno-Obyczajowe*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN, Stowarzyszenie „Pro Cultura Litteraria”, 1999. 368 s.

¹² Fredro A. M. *Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. 848 s.

¹³ Fredro A. M. *W obronie liberum veto; Od czego zależy trwałość Rzeczypospolitej // Filozofia i Myśl Społeczna XVII Wieku*. Tom I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 301-319.

¹⁴ Fredro A. M. *Dyskurs o mianowanie na Królestwo Polskie za żywota Króla Jmci Jana Kazimierza IV // Ochmann-Staniszevska S. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648-1668: Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały*. Tom 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989. S. 249-255.

¹⁵ Fredro A. M. *Epistola ad Amicum // Vir consilii...* Leopoli: Typis Collegij S.J., 1730. S. 540-555.

¹⁶ Fredro A. M. *Militarium I*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2015. 844 s.

триумфующему после битвы под Берестечком Яну Казимиру, а также положению короля в Речи Посполитой в целом.

Третья глава посвящена «Истории поляков в правление Генриха Валуа» – единственному в полном смысле слова историческому сочинению нашего автора. В главе рассматривается проблематика жанрового определения произведения, нередко становившаяся предметом рефлексии историков, а также вытекающий из специфики произведения взгляд на королевскую власть.

В четвертой главе рассматриваются два афористические произведения Фредро, близкие по своей структуре и тематике – «Поговорки разговорного языка» и «Политико-моральные предостережения». Являясь наиболее популярными как у читателей, так и исследователей, эти труды хотя и не посвящены исключительно монаршей власти, все же содержат общие взгляды Фредро на вопросы управления и подчинения в государстве.

Наконец, в пятой главе анализируются первый и пятый разделы «Фрагментов писем о мире и войне» – произведения, изданного в момент политического противостояния 1660-1661 гг., вызванного королевскими планами реформ. Именно в указанных разделах «Фрагментов» Фредро выступил против основных элементов этих реформ – элекции *vivente rege* и отмены *liberum veto*.

В заключении подведены общие выводы и итоги проведенного исследования политической мысли Анджея Максимилиана Фредро.

Положения, выносимые на защиту

1. Вопреки сложившемуся в историографии штампу, Фредро не являлся догматиком и доктринером, напротив, его чрезвычайно интересовала именно практическая сторона политической деятельности при едва ли не полном равнодушии к теории. Фредро мог менять свои взгляды, он, например, ставит под сомнение некоторые элементы устройства польско-литовского государства.

2. Именно в представлениях Фредро о королевской власти нашли свое ярчайшее выражение его политические взгляды на государственное устройство Речи Посполитой.
3. Для Фредро была чрезвычайно важна «педагогическая» функция монарха, его роль как образца для сограждан, так и «учителя», воспитывающего своих подданных и направляющего их по пути блага Речи Посполитой. Это касается разных сфер деятельности монарха – военной, нравственной, религиозной, раздаче должностей и т.д.
4. Основным принципом, которым, согласно Фредро, должен руководствоваться монарх, является принцип умеренности, «золотой середины», при этом он должен склоняться к более мягкому образу правления.
5. Монарх, согласно Фредро, является воплощением и гарантом государственного порядка, общественного согласия и гражданского единства. Вместе с тем чрезвычайное усиление его власти воспринимается как угроза и нарушение того же государственного порядка, который должен охраняться гражданами, в случае нарушения королем своих компетенций – посредством *liberum veto*.
6. Для Фредро большую роль играли этические (для него – де-факто религиозные) нормы, соблюдение которых монархом он считал необходимым. Фредро прямо отвергал макиавеллизм.
7. Фредро опирается на сформированный как нормативными документами, так и его предшественниками политический дискурс, одновременно испытывая влияние европейских идей – прежде всего, неостоицизма и гуманизма. В своей публицистике он объединяет гражданские и монархические, традиционные и актуальные, теоретические и практические элементы.
8. Если в диагностике проблем Речи Посполитой Фредро во многом сходилась со своими оппонентами, то способ их решения, предлагаемый

львовским каштеляном – соблюдение законов Речи Посполитой и ее политических традиций, разительно отличался от рецептов регалистов.

Положения диссертации были опубликованы в изданиях, рецензируемых Высшей Аттестационной Комиссией (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации, а именно в следующих статьях:

1. Мержва Я. А. Анджей Максимилиан Фредро о *liberum veto* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. №1. С. 132-138.
2. Мержва Я. А. Образ Анджея Максимилиана Фредро в современной польской исторической науке // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. №2. С. 113–124.
3. Мержва Я. А. Образ Анджея Максимилиана Фредро в старой польской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2016. №4. С. 196-208.
4. Мержва Я. А. «Идеальный монарх» в сеймовых речах Анджея Максимилиана Фредро // Петербургский исторический журнал. 2017. №4. С. 205-219.

Основные положения диссертации были апробированы на международных конференциях: студенческо-докторантская конференция „*Memoria Scripti. Piśmiennictwo wieków średnich i epoki nowożytnej*” (31 мая 2014 г., Университет им. Адама Мицкевича, Познань), VII польско-российская школа (21 октября 2014 г., Центр исследований Восточной Европы Варшавского Университета), «Исторические портреты деятелей общей истории России и Польши» (22 мая 2015 г., Институт истории СПбГУ).

***

Как известно, политическая система Речи Посполитой окончательно сформировалась с принятием в 1573 г. Генриковых артикулов,

регламентировавших полномочия короля, сената и посольской избы, составляющих сейм, регулярно собираемый королем каждые два года, а также в исключительных для государства случаях. Сенат состоял из высших сановников и епископов, а посольская изба – из депутатов (послов), избранных на местных собраниях шляхты – сеймиках. При этом сеймики вручали послам на вальный (общий) сейм инструкции, которым те были обязаны следовать во время дебатов и принятия решений¹⁷. Король должен был получать разрешение сейма на начало и завершение войны, а также введение новых налогов, без согласия граждан Речи Посполитой невозможно было и изменение политического устройства польско-литовского государства. Еще одной характерной чертой этого устройства была избираемость королей – выбор совершался всей шляхтой, прибывавшей на элекционный сейм только после смерти или отречения предыдущего монарха. При этом в артикулах закреплялось право граждан на бунт (рокош) против короля в случае нарушения им условий документа¹⁸.

Не раз польские монархи пытались изменить такое положение дел. Первая значительная попытка усиления королевской власти относится к правлению Сигизмунда III (1586–1632), стремившегося установить наследственность престола и значительно урезать полномочия сейма, превратив его в совещательный орган. Такая политика вызвала рокош Зебжидовского (1606–1609), и королю пришлось отказаться от своих идей. При вступлении на престол Яна Казимира, совпавшим по времени с началом активной политической карьеры Анджея Максимилиана Фредро, вновь были предприняты попытки создания лояльной придворной партии, на которую монарх мог бы опираться при проведении своей политики, что было крайне негативно воспринято в шляхетской среде. Во время шведского «потопа» 1655–1660 гг. появились новые замыслы по изменению государственного

---

¹⁷ См., напр.: Krieger W. *Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1991.

¹⁸ Godek S., Wilczek-Karczewska M. *Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. Wybór źródeł*. Warszawa: PWN, 2006. S. 94.

устройства Речи Посполитой. Монарх, а также сплотившаяся к тому времени вокруг него королевская партия (деятелями которой были такие влиятельные политики, как королева Людовика-Мария Гонзага, коронный канцлер Миколай Пращмовский, литовский канцлер Кшиштоф Пац), мотивируя свои стремления желанием укрепления обороноспособности страны, вновь предложили программу реформ, предусматривавшую усиление королевской власти¹⁹. Первоначально одной из основных целей реформы было упразднение *liberum veto* и введение в сейме голосования большинством, однако, как проницательно заметил Роберт Фрост, принцип единогласия ослаблял сейм, тем самым способствуя укреплению позиции монарха²⁰. Видимо, поэтому вскоре основные усилия королевской партии были направлены на введение избрания короля при жизни предшественника – *vivente rege*, что позволяло живущему монарху непосредственно влиять на процесс избрания наследника, а по сути фактически низводило вольную элекцию до уровня ритуала. Позже, в 1665–1666 гг., эти попытки вызовут рокош Любомирского.

В таких политических обстоятельствах пришлось жить и действовать маршалу первого сейма 1652 года, львовскому каштеляну, подольскому воеводе, послу и сенатору, Анджею Максимилиану Фредро.

---

¹⁹ Markiewicz M. *Historia Polski. 1492-1795*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 541-546.

²⁰ Frost R. *After the Deluge*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. S. 135.

Глава 1. Фредро в польской историографии

Анджей Максимилиан Фредро (ок. 1620-1679) особенно ярко выделяется среди польских политических публицистов второй половины XVII века. Известно²¹, что родился он в семье пшемысльского стольника Ежи Фредро. Во второй половине 1630-х гг. обучался в Краковской академии. Рано начал политическую карьеру, на первых порах пребывая при дворе Владислава IV. С 1646 г. многократно избирался послом на сейм, в том числе исполняя функции маршала, уже в 1654 г. стал львовским каштеляном и сенатором. В период «потопа» остался верен королю Яну II Казимиру, встал во главе посполитого рушения Львовского воеводства, а во время рокоша Ежи Любомирского стремился к примирению сторон. В 1672 г. Фредро возглавлял посполитое рушение русинских земель в войне против Турции, в 1678 г. был назначен королем Яном III Собеским в состав королевского совета, позже стал подольским воеводой. Умер в Пшемысле 15 июня 1679 г. Даже столь краткая информация демонстрирует, что Фредро не был лишь сторонним наблюдателем политических процессов, проходивших в Речи Посполитой, напротив, львовский каштелян был их непосредственным участником, прекрасно понимавшим механизмы государственного устройства Польши.

Будучи активным политическим деятелем, Фредро оставил после себя также и богатое литературное наследие. Наследие это достаточно разнородно. В 1652 г. Фредро опубликовал первый труд, монографию «История поляков в правление Генриха Валуа» – свое единственное историческое сочинение, первую часть так и не реализованной «Истории поляков под пятью королями». В 1658, 1659, 1660 и 1664 гг. в свет выходят четыре издания его «Поговорок разговорного языка» – сборника, в который вошли как действительно существующие поговорки, так и афоризмы и

---

²¹ Andrzej Maksymilian Fredro (ok. 1620-1679) // Bibliografia literatury polskiej „Nowy Korbut”. Т. 2. Piśmiennictwo staropolskie. А-М. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. S. 157-160.

сентенции авторства самого Фредро. «Поговорки» – его единственное произведение, написанное на польском языке, остальные труды Фредро писал на латыни. В критический момент попыток двора изменить устройство Речи Посполитой Фредро издает «Фрагменты писем и замечания о мире и войне» (1660), в которых выступает защитником этого устройства – наиболее известен этот труд стал благодаря аргументам львовского каштеляна в пользу *liberum veto*. В 1664 г. Фредро опубликовал известный как в стране, так и за рубежом сборник советов для политиков «Политико-моральные предостережения». В 1668 г. выходит первый том трактата «О военных делах, или советы, пригодные в военное и мирное время» (второй том был опубликован лишь в 1757 г.) – произведения, затрагивавшего вопросы не только военного дела, но и экономики и государственного устройства. Также после смерти Фредро, в 1730 г., львовскими иезуитами был издан его учебник риторики «Советник», над которым автор работал в последние годы. Несколько писем и речей Фредро были опубликованы в 1670 г. Франтишеком Глинкой в сборнике «Сад единорогов», глава из которого – «Необходимые размышления о военном порядке и посполитом рушении» – была позже издана отдельной книгой.

Несмотря на столь обширное наследие, Фредро и в настоящее время остается автором малоизученным. Тем интереснее пронаблюдать, каким образом менялось представление о нем как публицисте и политике на протяжении веков в старой польской историографии.

Отзывы современников о Фредро весьма благожелательны. Так, в посвящении королю Яну Казимиру, написанному к первому изданию «Истории поляков...» 1652 г., постоянный гданьский издатель Фредро Георг Форстер отмечает, что публикует «исторический труд знаменитого в Речи Посполитой мужа», а в согласии на публикацию Ян Брожек утверждает, что

книга «написана с особым благоразумием и в изысканном стиле»²². В свою очередь, ксендз Станислав Янушкевич в предисловии к третьему изданию «Поговорок разговорного языка» в 1664 г., обращаясь к львовскому каштеляну, писал: «ты, который поляков учишь говорить на польском языке, который (в жизни и прекрасных делах не менее чем в золотых своих сочинениях) воскресил и поддерживаешь старопольскую добродетель»²³, воздавая таким образом должное и политической деятельности Анджея Максимилиана, и изысканности его единственного написанного по-польски крупного произведения.

Вообще же, современники проявляли интерес, прежде всего, к политической активности Фредро, а не к его литературному творчеству. Так, например, особого внимания заслуживает сборник «Сад единорогов», т.к. в своей части, написанной Франтишеком Глинкой, является настоящим гимном и роду Фредро, и лично Анджею Максимилиану: «Ты, всевозможных добродетелей отражение, слава благородных предков, украшение своего века, великолепие своих потомков, всем пример подаешь своей жизнью»²⁴. Глинка в своем сборнике издал не только сочинения и речи львовского каштеляна, но и историю рода Фредро, известные ему исторические документы, касающиеся рода (по его словам, случайно найденные им в «одном приграничном великопольском замке» во время «потопа»), а также поэму о роде, содержащую подробные биографии его представителей. Стоит также упомянуть еще один панегирик, посвященный Фредро, – «Политическое солнце» авторства Войцеха Згурского, вышедший в Кракове в 1669 г.²⁵

---

²² Цит. по: Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro: Portret literacki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1980. S. 26. См. также: Fredro A.M. Gestorum populi Poloni sub Henrico Valesio, Polonorum postea vero Galliae Rege. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652.

²³ Januszkiewicz S. Dedykacja i przedmowa // Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne Andrzeja Maksymiliana Fredry, Kasztelana Lwowskiego, potem Wojewody Podolskiego. Sanok: Nakład i Druk Karola Pollaka, 1855. S. XI.

²⁴ Glinka F. Dedicatio // Zwierzyniec Jednorozcow. Lwów: Drukarnia Collegium Societatis, 1670.

²⁵ Zgórski W. Słońce Polityczne Na Horyzoncie Ruskim osadzone. Kraków: Drukarnia Dziedziców Krzysztofa Schedla, 1669.

Современники, прежде всего, подчеркивают преданность Фредро Речи Посполитой и ее государственному устройству. Так, гусар Якуб Лощ, будущий сторонник Ежи Любомирского и рокошанин, писал: «Один только бессмертной славы достойный пример польской добродетели, сенатор Анджей Максимилиан из Плешовиц Фредро, каштелян львовский, воспротивился этому адскому бешенству, чем подверг свое здоровье опасности (т.к. ему угрожали после многих предупреждений от королевы). Однако Господь Бог, который есть правда вечная, любящего правду сенатора, отъезжающего с сейма лишь со своей маленькой свитой, защитил и нетронутым оставил; этот же сенатор, выехав после протеста, остановил и отдалил неудавшуюся попытку избрания [viventе rege – авт.] на престол так, что до нее до сих пор не дошло и – дай Бог – никогда более не дойдет»²⁶. Альбрехт Станислав Радзивилл отмечал в своем дневнике под 10 июня 1651 г. с одобрением, что: «шляхтич Фредро даровал королю сотню всадников, вооруженных на его средства, но вместе с ними был выслан в посольство к Ракоци»²⁷ (об этом факте упоминает в своем дневнике и Станислав Освенцим²⁸). Подробно описывал сеймовые выступления Фредро (впрочем, не только его) и выпады еще молодого посла против сенаторов в 1648 г. в своих записках Якуб Михаловский²⁹. В свою очередь, Миколай Емеловский представляет львовского каштеляна как автора идеи избрания на престол Яна Собеского³⁰. Говоря о смерти Фредро, Емеловский отмечает, что умерший был «мудрым человеком»³¹. Именно такой образ – мудрого, благородного, красноречивого и не боящегося говорить неудобную для двора правду – вырисовывается из упоминаний Фредро в современных ему источниках.

---

²⁶ Łoś J. Pamiętniki Łosia towarzysza chorągwi pancерnej Władysława margrabi Myszkowskiego, wojewody krakowskiego, obejmujące wydarzenia od 1646 r. do 1667 r., z rękopisu współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim, wydane. Kraków: Nakładem Księgarni Friedleina, 1858. S. 72-73.

²⁷ Radziwiłł A.S. Pamiętniki Albrychta Stanisława x. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego. Tom II. Poznań: U braci Scherków, 1839. S. 440.

²⁸ Oświęcim S. Stanisława Oświęcima Dyaryusz. 1643-1651. Kraków: Akademia Umijętności, 1907. S. 299.

²⁹ Michałowski J. Księga Pamiętnicza. Kraków: Drukarnia C.K. Uniwersytetu, 1864. S. 104, 252, 256, 257, 264-266, 269, 272, 277, 302, 356.

³⁰ Jemiołowski M. Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego, towarzysza lekkiej chorągwi, ziemianina województwa bełzkiego, obejmujący dzieje Polski od roku 1648 do 1679 spółcześnie, porządkiem lat opowiedziane. Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego Ossolińskich, 1850. S. 237.

³¹ Ibid. S. 287.

Вторым этапом в формировании образа Фредро стала эпоха Просвещения. Несмотря на более позднюю репутацию консерватора и обскуранта, будто бы противоречившему самому духу эпохи, именно на вторую половину XVIII – начало XIX века приходится всплеск интереса к нашему автору. Как уже упоминалось, еще в 1730 г. во Львове впервые выходит «Советник», а в 1757 г. в Лейпциге, также впервые – второй том «О военных делах...». В предисловии к последнему изданию Гиацинт Пянецкий утверждал: «Труды эти такого значения и почтения, что, честно говоря, фельдмаршалы Империи и маршалы Франции и сейчас могут их читать и многому из них научиться»³².

Одновременно с развитием Просвещения рос и интерес к трудам Фредро, выходили новые издания «Поговорок разговорного языка» (1769, 1802, 1809), а также «Политико-моральных предостережений» (1765, 1781, последнее издание – первый и единственный на настоящий момент полный перевод «Предостережений» на польский язык, выполненный Яном Игнацием Янковским), в 1789 г. коллегия пиаров в Варшаве публикует переиздание «Необходимых размышлений о военном порядке и посполитом рушении». В отличие от большинства прижизненных изданий, все вышеперечисленные по понятной причине предварялись предисловиями и / или посвящениями. Собственно говоря, практически все суждения о Фредро в эпоху Просвещения представлены в таких предисловиях.

Варшавское, еще латинское издание «Предостережений» 1765 г. сопровождается предисловием Лоренца Кристофа Мицлера. Предисловие это, кроме биографии львовского каштеляна, содержит также и суждения о трудах и даже стиле автора (так, например, Мицлер критикует Фредро за отступления от классической латыни³³). Вышедшие через четыре года «Поговорки...» предварялись предисловием Франтишека Богомольца: «Не

---

³² Piiancki H. J. [Dedykacja] // *Militarium, seu axiomatum belli ad harmoniam togae accommodatorum libri duo. Liber II.* Lipsiae: Typis Iacobaeerianis, 1757.

³³ Głębocka E.J. *Wprowadzenie do lektury // Fredro A.M. Monita Politico-Moralia.* Warszawa: Instytut Badań Literackich, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 13. См. также: Mizlerus de Kolof L. *Praefatio, Vita // Monita Politico-Moralia.* Varsaviae: Typis Mizlerianis, 1765. S. V-XV, 1-25.

знаю, почему автор дал им название поговорок, в то время как справедливей их можно было бы назвать нравственной философией. Ведь такие настолько глубокие для представителей каждого сословия науки в столь коротком сборнике заключаются, что из них и политик, и придворный, и гражданин, и помещик, и солдат, и купец многому могут научиться»³⁴. Вроцлавское издание «Поговорок» 1802 г. предваряется посвящением Адаму Чарторыйскому авторства Ежи Самуэля Бандтке, в котором последний объяснял мотивы нового издания необходимостью доказать, прежде всего, польской молодежи, существование польской литературной традиции³⁵. В переиздании 1809 г. Бандтке уже приводит краткую биографию Фредро и перечень его трудов, отмечая, что «недостойн называться поляком, по крайней мере, ученым поляком, тот, кто этих избранных максим отечественного писателя не читал, разве что не умеет, не хочет или не может читать по-польски»³⁶. Достаточно обширную апологетическую характеристику Фредро оставил и анонимный пиар в предисловии к изданию «Необходимых размышлений» 1789 г., отмечая его ученость, преданность Отчизне, религиозность, писательскую и просвещенческую деятельность³⁷. Интересно, что даже неприязнь автора предисловия к *liberum veto* не сказалась на его положительном мнении о Фредро. В свою очередь, позитивное отношение Фредро к принципу единогласия не помешало знаменитому деятелю польского Просвещения Станиславу Конарскому в сочинении «О действительной форме проведения советов», направленном против *liberum veto*, воспользоваться авторитетом львовского каштеляна, приводя его цитаты о тяжелых последствиях срыва сеймов (в разделе

---

³⁴ Bohomolec F. Dedykacja i przedmowa // Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne Andrzeja Maksymiliana Fredry, Kasztelana Lwowskiego, potem Wojewody Podolskiego. Sanok: Nakład i Druk Karola Pollaka, 1855.S. IX.

³⁵ Bandtke J.S. [Dedykacja] // Andrzeja Maximiliana Fredra, kasztelana lwowskiego, Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne. Wrocław: Drukiem Sukcess. Grassa, i Bartha, 1802. S. V-VI.

³⁶ Bandtke J.S. Przedmowa // Andr. Maximil. Fredra Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne. Wrocław: U Wilhelma Bogumiła Korna, 1809. S. IV.

³⁷ Życie Andrzeja Maxymiliana Fredra // Andrzeja Maxymiliana Fredra, kasztelana lwowskiego, Potrzebne konsyderacje około porządku wojennego i pospolitego ruszenia... Warszawa: U XX. Sebolarum Piarum, 1789.

«Мнения разумных поляков»), нарушения законов, а также о привилегированной позиции магнатов³⁸.

Интерес к фигуре львовского каштеляна понятен в контексте активных архивных изысканий, общей заинтересованности отечественными древностями, характерной для эпохи Просвещения (и сохранившейся в эпоху романтизма). Как мы видим, в XVIII веке фокус пишущих о Фредро несколько смещается с его фигуры как политика, на Фредро-писателя. Общее позитивное отношение современников к львовскому каштеляну сохраняется и в эпоху Просвещения. При этом стоит отметить и то, что для авторов XVIII века Фредро является, прежде всего, автором «Поговорок разговорного языка» и «Политико-моральных предостережений», наиболее популярных при его жизни произведений, остальные его труды издаются лишь эпизодически и не удостоиваются более пространных оценок.

Третий этап в восприятии Фредро пришелся на первую половину – середину XIX века, эпоху романтизма, хотя его отголоски мы можем изредка наблюдать и во второй половине века. Анджей Максимилиан все чаще фигурирует не в предисловиях к изданиям своих работ (которых для этого периода не так уж и много), но в обобщающих трудах по истории польской литературы, словарях, энциклопедиях и т.д.

Редким исключением – не словарной или энциклопедической статьей, а сравнительным анализом «Поговорок» Фредро и «Максим» Ларошфуко стала анонимная рецензия, вышедшая в журнале „Pamiętnik Naukowy” в 1819 году³⁹. Начиная с данной статьи, за работами Фредро закрепилась слава «польских “Максим”». Интересно, что, если анонимный автор рецензии сравнивает с «Максимами» «Поговорки», то более поздние исследователи найдут больше сходства в «Предостережениях» Фредро. При этом автор статьи явно отдает предпочтение сочинениям львовского каштеляна,

---

³⁸ Konarski S. O skutecznym rad sposobie, albo o utrzymaniu ordynaryinych Seymów . T. II. Warszawa: Drukarnia J. K. Mci y Rzpltey u xx. Sholarum Piarum, 1761. S. 70, 61, 219.

³⁹ O tłumaczeniu Maxym i uwag moralnych Xięcia de la Rochefoucauld, w Wilnie nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1812, w małym formacie, str. 132 // Pamiętnik Naukowy. Tom I. Warszawa: U N. Glucksberga, Księgarnia i Typografia Królewskiego Uniwersytetu, 1819. S. 30-86.

превознося черты его характера и достоинства биографии, а также более оптимистичный взгляд Фредро на человеческую природу. В один ряд со Станиславом Хераклиушем Любомирским и Станиславом Лещинским ставил Фредро в своих лекциях о польской литературе (1822) Казимир Бродзинский⁴⁰, который также уделил внимание исключительно «Поговоркам» и их сравнению с «Максимами» Ларошфуко, также в пользу львовского каштеляна⁴¹, что, вкупе с дословными повторами в текстах, может свидетельствовать о его авторстве вышеупомянутой рецензии. Упоминает о Фредро в «Словаре ученых поляков» и Игнацы Ходыницкий⁴², излагая в общих чертах его биографию (базируясь при этом на краткой биографической заметке Бандтке).

Важным событием стал выход в Петербурге в 1855 г. перевода на польский язык монографии «История поляков...» авторства Владислава Сырокомли с его предисловием, где отмечается, что «Фредро является историком-моралистом, а его книга – скорее размышлением, чем описанием»⁴³. При этом Сырокомля не сомневался, что «наш автор имел несомненное право на тройной венок славы»⁴⁴. Сообщая скудные биографические сведения о львовском каштеляне, переводчик сетует, на то, что «тот, кто так хорошо чувствовал важность призвания историка, <...> именно этот автор не дождался биографа, который <...> очертил бы в одном труде сенаторские, рыцарские и литературные заслуги Фредро»⁴⁵. Подобное сожаление звучит практически во всех работах, посвященных Фредро, вплоть до сегодняшнего дня.

---

⁴⁰ См., например, редкое свидетельство внимания к нему в российской историографии: Филатова Н. М. От Просвещения к романтизму. Исторический лексикон Казимежа Бродзиньского. М.: Индрик, 2004.

⁴¹ Pisma Kazimierza Brodzińskiego. Tom IV. Proza. Literatura Polska (1822-1823). Poznań: Skład Główny w Księgarni Gedethnera i Wolffa, 1872. S. 146-147.

⁴² Chodynicki I. Dykcjonarz uczonych Polaków. Tom I. Lwow, 1833. S. 146-147.

⁴³ Syrokomla W. Od tłumacza // Jędrzeja Maksymiliana Fredro, Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyszem, królem Polskim a potem Francuzkim. Petersburg i Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1852. S. V.

⁴⁴ Ibid. S. I.

⁴⁵ Ibid. S. I.

Пожалуй, первым исследователем, обратившим внимание на речи Фредро, был Кароль Мехежиньский, который, в частности, отмечал, что «речь Фредро была сильна и искрометна, когда сопутствующие обстоятельства пробуждали в нем энтузиазм и вдохновение»⁴⁶.

Автор краткой статьи о Фредро во Всеобщей энциклопедии Оргельбранда, Казимир Вуйчицкий, так резюмировал его литературное наследие: «Как описанием польской истории продемонстрировал он высокие способности историка, так и поговорками и наставлениями – одного из глубоких мыслителей XVII века. Его труды о военном искусстве являются важным источником для изучения старой стратегии нашей»⁴⁷. Александр Зданович, говоря о польской философии второй половины XVII века, отмечает, что «один только труд философско-нравственного содержания заслуживает в этот период почетного упоминания. Автором его является Анджей Максимилиан Фредро»⁴⁸. Разумеется, речь идет о «Поговорках...», хотя в посмертно изданных записках Здановича встречаются упоминания и о других работах львовского каштеляна. Так, например, невысоко оценивая достоинства «Истории поляков...», Зданович вместе с тем отмечает важность «Предостережений»⁴⁹. Наконец, заслуживает внимания предисловие авторства Владислава Скшидыльки к парижскому изданию «Поговорок...» (1867), где автор обосновывает необходимость изучения данного труда Фредро, во-первых, стремлением к познанию «народа и его практического разума», а во-вторых, ценностью афоризмов львовского каштеляна для исследования нравов того времени, в которое ему довелось жить⁵⁰.

Подводя итог развитию образа Фредро в польской историографии эпохи романтизма, стоит отметить, что в этот период сохранилось

---

⁴⁶ Mecherzyński K. Historia wymowy w Polsce. Tom III. Kraków: Nakładem księgarza Józefa Czecha, 1860. S. 194.

⁴⁷ Wójcicki K. Fredro // Encyklopedia Powszechna Orgelbranda. Tom IX. Warszawa: Nakład, druk i własność S. Orgelbranda, 1862. S. 300.

⁴⁸ Zdanowicz A. Rys Dziejów Literatury Polskiej. Tom I. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1874. S. 716.

⁴⁹ Ibid. S. 739-740.

⁵⁰ Skrzydyłka W. Do czytelnika o wydaniu niniejszem // Przysłowia Mów Potocznych Alex.Max.Fredra. Tom 1. Paryż: Księgarnia Luxemburska, 1867. S. I-III.

позитивное восприятие его и как политического деятеля, и как публициста. Особенно высоко оценивались его рассудительность и независимость. Вместе с тем, как и в эпоху Просвещения, внимание пишущих о львовском каштеляне концентрировалось, прежде всего, на его «Поговорках...». Однако в этот период происходит и существенное изменение – ухудшается восприятие эпохи, в которой писал Фредро. Все чаще вторая половина XVII века представляется несчастливой для Речи Посполитой, бедным на таланты и личности временем. Поэтому в историографии Фредро приобретает черты романтического героя, противопоставленного – в зависимости от акцентов, расставляемых исследователем – абсолютистским замыслам двора или аморфной шляхетской массе. Безусловно, согласно романтической историографии, Фредро – человек своего времени, но при этом является его лучшим, выдающимся и мудрым представителем. Иначе обстояло дело с образом львовского каштеляна на следующем этапе.

Начало позитивистского (для формирования образа Фредро – уже четвертого) этапа польской историографии принято относить к 1860-м годам. В это же время формируется краковская историческая школа, характеризующаяся скептическим отношением к тем элементам государственного устройства, которые в своих трудах защищал львовский каштелян. Это приводит и к новой трактовке трудов Фредро. Уже в 1864 г. глава краковской исторической школы Юзеф Шуйский писал: «Наделенный выдающимися способностями, воспитанный на древних классиках, польский шляхтич душой и телом, Фредро является оптимистом без границ, доктринером и философом польской свободы и польской формы правления»⁵¹. Шуйский также отмечает, что «им обычно восхищаются как представителем шляхетской мудрости и философии, т.к. судят о нем по широко известным «Поговоркам разговорного языка», никто не заметил, каким исключительным примером коварства и глупости шляхетских умов он служит <...> Отрывки из «Латинских записок», главного произведения

---

⁵¹ Szujski J. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Tom 3. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1864. S. 490.

Фредро, производят грустное впечатление и показывают, как далеко шляхетский дух и его философ, политик, систематизатор, погрузились в софизмы и предрассудки»⁵². Подобное мнение почти слово в слово повторил в своей классической работе главный представитель краковской школы Михал Бобжиньский. Демонстрируя обилие публицистических сочинений в поддержку реформ устройства Речи Посполитой, он отмечал: «Однако тогдашнее общественное мнение представлял только Анджей Максимилиан Фредро, большой доктринер, который изучал историю первого бескоролья и написал ее даже, чтобы обновить и живейшим образом развить губительную теорию шляхетской свободы, высказанную впервые Замойским. В своих многочисленных политических работах объяснял Фредро одурманенным умам шляхты, переходя от софизма к софизму, что только золотая свобода, избрание королей, *liberum veto*, упадок городов, притеснение народа, отказ от войн и полное отстранение от заграницы способны спасти Польшу от проблем и обеспечить ей нерушимый покой»⁵³. Таким образом, в сочинениях позитивистов Фредро превращался из доблестного гражданина в идеолога заблуждений своей эпохи.

Первой крупной научной работой, затрагивавшей творчество Фредро в целом, является эссе Станислава Тарновского «Анджей Максимилиан Фредро: Литературная характеристика». Отношение автора к творчеству Фредро противоречиво: с одной стороны, Тарновский не может не отметить глубины и мудрости наблюдений, содержащихся в «Поговорках разговорного языка» и «Политико-моральных предостережениях», с другой – весьма критично отзывается о его политических и исторических сочинениях («как в людях того времени, несмотря на ложные понятия об Отчизне и своих по отношению к ней обязанностях, встречались и рассудок, и патриотизм, и доброта, и временами героизм, так у него рядом с парадоксами, софизмами и

---

⁵² Ibid. S. 490-491.

⁵³ Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Tom 2. Kraków: Nakład G. Gebethnera i Spółki, 1890. S. 242-243.

нелепостями есть и разум, и рассудок, и иногда политическое чутье»⁵⁴). Тарновский же является автором двух тезисов, которые надолго закрепились в представлениях о Фредро – тезис о внутренней противоречивости взглядов львовского каштеляна («Как понять этот удивительный ум, который то изумит мудростью, то возмутит кричащей нелепостью? Как согласовать эти противоречия в представлениях, в мнениях и самой природе разума? Из всех польских писателей ни один не противоречит себе так неустанно и полностью, как Фредро. Будучи умнее многих, он говорит и защищает нелепости более, чем кто-либо другой»⁵⁵), а также тезис об индивидуализме Фредро («Второго такого представителя и беззаветного защитника раздробленности <интересов> народа на интересы личностей нет в нашей литературе»⁵⁶). Объяснение и тому, и другому Тарновский находит во влиянии времени, в которое жил львовский каштелян: «А когда мы ищем причину, которая бы объяснила непонятные противоречия его разума и представлений, нельзя найти ничего другого, как то, что он был сыном и отображением своего народа и эпохи»⁵⁷. Именно с эссе Тарновского, пожалуй, берет начало и тенденция восприятия Фредро скорее не как выдающегося гражданина и философа, но, в большей степени, как типичного представителя своей эпохи. Между тем, исследователь почти не анализирует политическую ситуацию времен Фредро, а все влияние эпохи сводит к якобы критическому состоянию умов во второй половине XVII века. При этом нельзя не отметить, что эссе Тарновского является первой попыткой создания портрета Фредро на основе всего его литературного наследия (за исключением, пожалуй, писем и сеймовых речей).

Противоречивое отношение к Фредро наблюдаем и в статье Петра Хмелевского, написанной для XXIII тома «Большой всеобщей

---

⁵⁴ Tarnowski S. Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. Tom IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 261.

⁵⁵ Ibid. S. 257-258.

⁵⁶ Ibid. S. 261.

⁵⁷ Ibid. S. 261.

иллюстрированной энциклопедии», вышедшего в 1899 году. Описав гражданские заслуги Фредро, Хмелевский критикует его за поддержку *liberum veto* («Фредро как государственный деятель, а в особенности, как политический публицист, принес Польше тем больший вред, чем большим пользовался уважением за признаки «благородного» характера. Именно он был маршалом посольской избы на памятном сейме 1652 года <...> никогда впоследствии не выступал против безумного *liberum veto*, наоборот – обосновывал его в речах и политических сочинениях»⁵⁸).

Между тем, достаточно скоро в историографии второй половины XIX века возобладала резко негативная оценка политической деятельности Фредро. Причем характерна она была для историков не только краковской, но и варшавской школы. Так, виднейший представитель варшавской исторической школы Тадеуш Корзон отвергает аргументацию львовского каштеляна в пользу принципа единогласия как средства объединения интересов разных провинций обширной Речи Посполитой: «Немного бы стоила и недолго бы существовала такая республика, в которой общие вопросы решались бы не осознанием гражданских обязанностей, но подавлением местных сепаратизмов, угрозой срыва вальных сеймов; однако же в новом изложении любимого *liberum veto* заслуживает отличия стремление к объединению воеводств, к поддержке национальных интересов»⁵⁹. Видимо, такая оценка исходит, скорее всего, из скептического отношения к *liberum veto*, чем из реального анализа аргументации Фредро, которая вовсе не предполагает «подавления сепаратизмов», а заключается в стремлении обеспечить соблюдение интересов всех провинций в единой Речи Посполитой. Невысоко ценит Корзон и военные сочинения львовского каштеляна. Вообще, отношение Корзона к Фредро снисходительно и протекционально: «можно признать выздоровление Фредро от безумных

---

⁵⁸ Chmielowski P. Fredro Andrzej Maksymilian // Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana. Tom XXIII. Warszawa: Drukarnia Biblioteki Dzieł Wyborowych, 1899. S. 211, 212.

⁵⁹ Korzon T. Dola i Niedola Jana Sobieskiego. 1629-1674. Tom 2. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1898. S. 139.

иллюзий, какие он выписал в своем известном 10-ом фрагменте, жаль, что он не осудил их решительнее, или не выкупил и не уничтожил вредной книжечки своей рукой»⁶⁰.

Однако наиболее негативной оценкой публицистики львовского каштеляна отличается монография Владислава Конопчиньского „*Liberum veto*” (1918). Сам факт публикации «Фрагментов...» на латыни в Гданьске является для исследователя достаточным основанием для повторения за Шуйским и Бобжиньским сомнительного обвинения Фредро в доктринерстве и желании «похвастаться своей верой и философией перед всем миром»⁶¹ (похожие обвинения выдвигал в своей «Истории литературы независимой Польши» (1906) Игнацы Хшановский: «Писал Фредро свои труды на латыни, в милой иллюзии, что будет их читать, по крайней мере, вся Западная Европа, чтобы учиться мудрости. Он ошибался. Европа их не читала»⁶². Как мы знаем, ошибался скорее Хшановский: почти все работы Фредро издавались в Европе, некоторые – по несколько раз, примером чему могут служить хотя бы многочисленные зарубежные издания «Политико-моральных предостережений» – во Франкфурте-на-Майне (1679, 1684, 1687, 1694, 1696, 1698, 1703, 1719), в Кельне (1700), в Везеле (1700), в Ингольштадте (1701), в Вене (1748), в Трнаве (1751, 1763), в Гейдельберге (1766)). Еще одним выпадом Конопчиньского по адресу Фредро является осуждение пацифистской позиции львовского каштеляна. Не убеждает Конопчиньского и обоснование принципа единогласия как средства объединения провинций: с его точки зрения, интересы провинций должны быть подчинены интересам большинства, а не учитываться при принятии решения консенсусом.

На фоне таких негативных отзывов ведущих историков-позитивистов неудивителен тот образ Фредро, который вырисовывается из

---

⁶⁰ Ibid. S. 139.

⁶¹ Konopczyński W. *Liberum veto*. Kraków: Krakowska Drukarnia Nakładowa, 1918. S. 292.

⁶² Chrzanowski I. *Historia Literatury Niepodległej Polski*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. S. 332.

многочисленных энциклопедических статей и кратких упоминаний имени и трудов львовского каштеляна в исторических и литературоведческих исследованиях второй половины XIX – начала XX века. Так, Виктор Чермак в статье о попытках реформ Яна Казимира отмечал: «Важнейшее произведение Фредро «Фрагменты писем и замечания о мире и войне» выпадает временем написания и издания на середину пятнадцатилетия, которое открывает 1652 год сеймом, сорванным Сициньским, а закрывает рокош Любомирского. Дух политических событий совпадает с духом политической литературы так точно, как никогда прежде: выражением обоих был апофеоз анархии»⁶³. Немного внимания посвящает Фредро такой выдающийся историк литературы, как Александр Брюкнер, однако его характеристика львовского каштеляна также исчерпывающа: «сеймовый маршал оплакивал горючими слезами поступок посла из Упиты, но от республиканских доктрин не отступил ни на волос, более того, в *liberum veto*, элекции *viritim* и всех недостатках анархии видел упорно тайну успеха шляхетской Польши – не без основания, если имел в виду только шляхетскую и недолговечную»⁶⁴. Несколько более сложное, но все же, без сомнения, негативное восприятие Фредро характерно для «Истории польской литературы» Казимира Круля и Яна Нитовского: «Ослепленный защитник шляхетских привилегий и вольной элекции, хотя при этом известный своей щедростью на общественные цели и безупречностью характера. Защитником тогдашнего полного изъянов устройства Речи Посполитой является Фредро не только в жизни, но и в литературе <...> Вообще был заядлым консерватором и провозглашает в этом духе действительно поражающие своей наивностью взгляды <...> Фредро является также не последним оратором: его польские сеймовые речи отличаются достоинством и силой слова»⁶⁵. Однако даже дар красноречия за львовским каштеляном готовы

---

⁶³ Czermak W. Próba Naprawy Rzeczypospolitej za Jana Kazimierza // Biblioteka Warszawska. Tom I. Warszawa: Druk E. Lubowskiego i S-ki, 1891. S. 522.

⁶⁴ Brückner A. Dzieje literatury polskiej w zarysie. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1908. S. 261.

⁶⁵ Król K., Nitowski J. Historia literatury polskiej. Warszawa: Nakładem i drukiem M. Arcta, 1906. S. 152-153.

были признать далеко не все: Михал Яник в своей статье, посвященной риторике XVII-XVIII веков, так писал о «Советнике» – учебнике риторики нашего героя: «Не приносит он [учебник] Фредро большой славы, т. к. является грустным доводом дилетантизма, когда желающий серьезно выглядеть воевода подольский соревнуется с профессорами риторики в иезуитских коллегиях»⁶⁶.

Более снисходителен оказался Станислав Добжицкий: оценивая интеллектуальный упадок, характеризовавший, по его мнению, вторую половину XVII века, ученый замечает: «Мы знаем только двоих писателей в этой эпохе, которых с определенными ограничениями можно было бы назвать мыслителями. Это – Анджей Максимилиан Фредро и Станислав Хераклиуш Любомирский. В их трудах мы встречаем достаточно часто указания на то, что эти люди умели задумываться и мыслить, умели всматриваться в мир обобщений, а в особенности в человеческую душу. <...> Вместе с этим, к сожалению, они чрезвычайно крепко связаны всей своей духовной сущностью с современным им польским миром, так что их глубокие мысли, свидетельства большего ума и более глубокого, чем у современников, разума смешаны с вещами ничтожными и слабыми, с понятиями и предубеждениями, типичными для каждого «рядового» шляхтича того времени»⁶⁷.

Как видим, позитивистский этап характеризуется практически полным отрицанием заслуг и значимости произведений Фредро. Все статьи и упоминания о нем (кроме единственного хвалебного отзыва Людвика Кубалы⁶⁸ – отголоска романтического взгляда на львовского каштеляна) пронизаны в лучшем случае изумлением, в худшем – неприкрытым издевательством и насмешками. При этом, по сравнению с предыдущими этапами, Фредро стал восприниматься не как выдающийся, но как типичный

---

⁶⁶ Janik M. Z dziejów wymowy w wieku XVII i XVIII // Pamiętnik Literacki. Z. 4. Lwów: Nakładem Towarzystwa Literackiego im. A. Mickiewicza, 1908. S. 435.

⁶⁷ Dobrzycki S. Z dziejów literatury polskiej. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska w Krakowie, 1907. S. 296.

⁶⁸ Kubala L. Szkice historyczne II. Lwów: Nakładem Księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1880. S. 83.

деятель своей эпохи. Правда, типичность его весьма сомнительна, если учесть, что редко когда его имя оказывалось вписано в ряд других публицистов: таким образом типичные взгляды, как оказалось, выражались практически одним-единственным автором. На первый план выходят суждения Фредро, высказанные им во «Фрагментах писем...». Позитивистам, усматривавшим источник всех несчастий Речи Посполитой в ее государственном устройстве, достаточно было того, что Фредро был защитником этого устройства, чтобы посчитать его заурядным и не заслуживающим внимания автором. В этот период не было издано ни одно произведение львовского каштеляна, и никто из историков или литературоведов (за исключением Станислава Тарновского) не произвел глубокий анализ хотя бы одного его труда. Но даже в анализе Тарновского, как верно замечает Катажина Шевчик-Хааке, автор «не ограничивается резюмированием тезисов писателя XVII века, но начинает с ними дискутировать, в пылу политической полемики практически выходя из роли ученого и переходя на позиции идеолога»⁶⁹.

Пятый этап формирования образа Фредро приходится на межвоенный период. Важнейшими событиями в это время стали издание монографии Людвика Косиньского о «Поговорках разговорного языка» в 1929 году и выход статьи Франтишека Стопы «Писатель с двумя лицами» в 1931.

Косиньский отмечал, по крайней мере, выдающиеся литературные способности нашего публициста: «литературный облик Фредро производит впечатление определенной обособленности. Мы говорим «литературный», т. к. при этом Фредро является все же продуктом своей эпохи, страны и окружения. В своей повседневной жизни, частной и публичной, он такой же, как и его соседи, друзья, родственники, как вся тогдашняя образованная шляхта, разделяет ее достоинства и недостатки, ее любовь к Отчизне и эгоизм, ее здравый рассудок в повседневных вещах и непоследовательность в

---

⁶⁹ Szewczyk-Haake K. „Czasy ginącego piękna”. Pozytywistycznej historii literatury kłopoty z barokiem // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka 19 (39). Poznań, 2012. S. 41-42.

в делах наиважнейших. Среди магнатов, безусловно, отличается большей политической честностью, не является ни сумасшедшим, ни князьком, но, в конце концов, относится к тому же типу, что и остальные. Когда, однако, мы приглядимся к его литературной деятельности, тогда поражает нас его обособленность. Не во всех трудах она присутствует: «Советник», например, является типичным для тогдашней литературы произведением. Эта разница становится видна, когда мы сравним его «Поговорки» и «Предостережения» с остальной тогдашней польской литературой»⁷⁰. Сравнивая творчество Фредро с трудами де Лабрюйера и Ницше, Косиньский отдает предпочтение последним, однако, не подвергает сомнению то, что «Поговорки» являются выдающимся произведением польской литературы второй половины XVII века. В целом, его суждение близко суждению Станислава Добжицкого, но высказывается оно в более мягкой, несколько даже оправдательной форме. Стоит отметить, что мнение и самого Добжицкого о Фредро в межвоенный период несколько смягчилось. В своей «Истории польской литературы», изданной в 1927 г., Добжицкий пишет: «От других польских писателей этого времени Фредро весьма интересно отличается. Возникает впечатление, что он как бы представляет другой тип ума, в сравнении с господствующим тогда более высокий и глубокий. С другой, однако, стороны, и он не избежал влияния эпохи и ее настроения»⁷¹.

Статья Франтишека Стопы «Писатель с двумя лицами», написанная по следам издания Косиньского, также сосредотачивается на «Поговорках разговорного языка». В ней автор утверждает, что реальные взгляды Фредро содержатся именно в польскоязычных «Поговорках», в то время как латиноязычные сочинения, апологетические по отношению к польскому государственному устройству, рассчитаны на зарубежного читателя. Стопа, в том числе, сомневается и в том, что Фредро был сторонником *liberum veto*. Сомнение основывается, впрочем, на весьма общих афоризмах львовского

---

⁷⁰ Kosiński L. A. M. Fredro jako pisarz i moralista // Księga pamiątkowa ku uczczeniu trzydziestoletniej pracy naukowej i nauczycielskiej Stanisława Dobrzyckiego. Poznań: Drukarnia Uniwersytetu Poznańskiego, 1928. S. 186.

⁷¹ Dobrzycki S. Historia Literatury Polskiej. Tom I. Poznań: Drukarnia Uniwersytetu Poznańskiego, 1927. S. 286.

каштеляна: «Один глупец испортит, тысяча мудрецов не исправит», «Преступник сожжет город, король его едва отстроит. Упрямец может сорвать сейм, все мудрецы с ним не справятся», «Малое добро большого зла не украсит, малое зло большое добро испортит. Достаточно немного полыни, чтобы испортить бочку напитка. Даже маленький человек легко навредить, легко помешать может». Исходя из данных «Поговорок», мы можем лишь сказать, что Фредро был противником злоупотребления правом *liberum veto*, но никак не противником самого права и устройства Речи Посполитой в принципе. Стопа же видел во львовском каштеляне чуть ли не политического реформатора: «Поэтому не был Фредро таким «каменным консерватором», которым его считают на основании его латинских произведений. Он понимал и глубоко чувствовал необходимость реформ, но в современной ему Польше не видел способа их реализации»⁷². Пожалуй, Стопа был единственным исследователем, рискнувшим предположить, что Фредро «был в глубине своих убеждений врагом анархии и сторонником сильной королевской власти»⁷³. В его глазах этот факт должен был «реабилитировать» львовского каштеляна, поставить его имя в ряд публицистов-реформаторов. Следует отметить, что признание «Поговорок» и скептическое отношение к латинским политическим трактатам Фредро вообще достаточно типично для этого периода⁷⁴. Вместе с тем, в работе Лукаша Курдыбахи «Старопольский воспитательный идеал» Фредро рассматривается уже не как моралист, историк и политик, но и как педагог⁷⁵: впоследствии эта тенденция получит свое развитие в монографии Хенрыка Барыча.

Подводя итог этого недолгого этапа, можно сказать, что, несмотря на настороженное отношение к политическим трактатам львовского каштеляна,

---

⁷² Stopa F. Pisarz o dwóch obliczach (Andrzej Maksymilian Fredro) // *Przegląd Współczesny*. T. XXXIX. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1931. S. 405.

⁷³ *Ibid.* S. 410.

⁷⁴ Piszczkowski M. *Staropolska Literatura Moralna* // *Ruch Literacki*. N 6. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1931. S. 228; Piszczkowski M. *Moralisci staropolscy*. Lwów: Drukarnia Urzędnicza, 1933. S. 123; Bystroń J. S. *Przysłowia polskie*. Kraków: Nakład PAU, 1933. S. 41; Sternbach L. *Paremiografia Polska w XVII Wieku* // *Sprawozdania PAU*. Cz. II, N 3. Kraków: Nakład PAU, 1933. S. 6.

⁷⁵ Kurdybacha Ł. *Staropolski ideał wychowawczy*. Lwów: Skł. Gł. w Księg. A. Krawczyńskiego, 1938.

его образ по сравнению с позитивистским этапом, несколько улучшился, прежде всего, благодаря «Поговоркам разговорного языка», однозначно признанным выдающимся произведением польской литературы. Именно «Поговорки», как и до середины XIX века, вновь оказались в центре внимания пишущих о творчестве львовского каштеляна. Вторая половина XVII века продолжала восприниматься как период упадка Речи Посполитой, но Фредро уже был не заурядным рядовым публицистом, а выдающимся писателем-моралистом, несущим на себе отпечаток своего времени.

Период наиболее интенсивного изучения творческого наследия Фредро в польской историографии начинается только в середине XX века, с выходом монографии Хенрыка Барыча «Анджей Максимилиан Фредро и вопросы воспитания» (1948) – первой научной монографии, всецело посвященной творчеству львовского каштеляна.

Появление этого труда вызывает особый интерес также и потому, что до той поры педагогическая тематика в творчестве Фредро практически никогда не становилась предметом специального исследования. При этом Барыч весьма высоко оценил педагогическую мысль львовского каштеляна, подчеркнув: «Его главной заслугой останется то, что старую форму и содержание воспитания он умел приспособить к новым течениям эпохи, смог опереть ее на ведущих современных культурных стремлениях, а также оживить собственной самостоятельной мыслью, создавая, возможно, не завершенную в деталях, но самостоятельную и оригинальную педагогическую систему»⁷⁶.

Значительный вклад в изучение биографии Фредро внес Владислав Чаплиньский. Историк так характеризовал молодого маршала в монографии «Два сейма в 1652 году»: «Решительный защитник существующего порядка, противник всяческих реформ в духе западного абсолютизма, он видел, однако, слабые стороны польского устройства и позднее выступил с

---

⁷⁶ Barycz H. Andrzej Maksymilian Fredro wobec zagadnień wychowawczych. Kraków: Nakładem PAU, 1948. S. 59.

программой интервенции государства в экономические отношения в духе умеренного меркантилизма»⁷⁷. Как видим, Чаплинский не сомневается в консерватизме львовского каштеляна, между тем, он допускал, что «Фредро не был таким фанатичным сторонником свободного «не позволяю»⁷⁸. Доказательством тому, с точки зрения исследователя, можно считать случай, произошедший на сеймике 1656 г., когда Фредро прямо заявил, что «не может один возражать от имени всех». Впрочем, данный эпизод свидетельствует, скорее, о том, что львовский каштелян, даже будучи сторонником *liberum veto*, отнюдь не приветствовал излишнего злоупотребления этим принципом. Чаплинский также обращает внимание на политическую ситуацию времен написания работ Фредро о принципе единогласия, предполагая особенную полемическую заостренность его тезисов в контексте борьбы против планов двора.

Со временем образ Фредро приобретал в польской историографии новые черты. Теперь Фредро становится сторонником не политических, но социально-экономических реформ, на чем настаивал в своей статье «А. М. Фредро – идеолог промышленной культуры»⁷⁹ Эдвард Липиньский. В центр внимания автором фактически впервые был поставлен труд «О военных делах», а именно та его часть, где Фредро пишет об экономических преобразованиях. И здесь наблюдаем полное преображение: по мнению Эдварда Липиньского, во второй половине XVII века «почти единственным выражением реформаторских устремлений являются труды Фредро»! Липиньский приводит в качестве примера проекты, предлагаемые львовским каштеляном, касающиеся, прежде всего, развития экономики на основе идей меркантилизма. При этом исследователь никак не комментирует и, по-видимому, не замечает того противоречия между политическими и

---

⁷⁷ Czaplinski W. Dwa Sejmy 1652 Roku. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 64-65.

⁷⁸ Czaplinski W. Andrzej Maksymilian Fredro // Polski Słownik Biograficzny. Tom 7. Kraków, Wrocław: PAU, Zakład im. Ossolińskich, 1958. S. 114-116.

⁷⁹ Lipiński E. A. M. Fredro — Ideolog Kultury Przemysłowej // Studia nad historią polskiej myśli ekonomicznej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956; См. также: Lipiński E. Historia polskiej myśli społeczno-ekonomicznej do końca XVIII wieku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975.

социально-экономическими взглядами Фредро, которое усматривали впоследствии другие авторы, указывавшие на трудности в реализации социально-экономических предложений львовского каштеляна без реализации политических реформ. Социально-экономическую тематику в трудах Фредро продолжали исследовать такие авторы, как Тереза Зарембска (вопросы урбанистики)⁸⁰ и Казимир Пшибощ (проект денежной реформы)⁸¹.

Впрочем, Казимир Пшибощ не ограничивался интересом к денежному проекту Фредро. Историк является автором ряда статей, освещающих элементы биографии⁸², а также политические⁸³, литературоведческие⁸⁴, экономические аспекты творчества А.М. Фредро. При этом из всех исследователей, писавших о львовском каштеляне в этот период, Пшибощ сохранил по отношению к нему, пожалуй, наиболее критическое отношение: для него Фредро – скорее типичный представитель своей эпохи, чем выдающийся публицист: «Обеднение шляхты сопровождалось психологической депрессией, застоём понятий, отсутствием воли к действию, теснотой горизонтов в экономической политике. Это влияло также на взгляды Фредро»⁸⁵.

Между тем, переоценке подверглись и военные трактаты Фредро. Переломным моментом в их изучении стал выход в 1965 г. статьи Яна Виммера «А.М. Фредро как автор проектов военных реформ»⁸⁶, в которой

---

⁸⁰ Zarębska T. Początki polskiego piśmiennictwa urbanistycznego. Warszawa, Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. S. 367-375.

⁸¹ Przyboś K. Projekt Reformy Pieniądza Andrzeja Maksymiliana Fredry z 1666 Roku // Przemyskie Zapiski Historyczne. R. VI-VII. Przemyśl: Polskie Towarzystwo Historyczne w Przemyślu, 1990. S. 223-238.

⁸² Przyboś K. Fredrowie herbu Bończa domus antiqui moris virtusisque cultrix // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. T. III (XIV). Warszawa: Wydawnictwo DIG, 1997. S. 75-116; Przyboś K. Andrzeja Maksymiliana Fredry "rachunek opieki" z lat 1659–1664 // Studia Historyczne. Tom 45, z. 1. Kraków: Wydawnictwo PAN, 2002. S. 69-78.

⁸³ Przyboś K. Kandydatura Piasta w literaturze politycznej w bezkrólewiu po abdykacji Jana Kazimierza // Studia Historyczne. R. XIV, z. 4. Kraków: Wydawnictwo PAN, 1971. S. 493-508.

⁸⁴ Przyboś K. Propaganda w Służbie Rokoszu Lubomirskiego. W Sprawie Autorstwa "Echa Żałosnego" z 1666 Roku // Przemyskie Zapiski Historyczne. R. VI-VII. Przemyśl: Polskie Towarzystwo Historyczne w Przemyślu, 1990. S. 121-138. См. также: Przyboś K. Propaganda w Służbie Rokoszu Lubomirskiego: Czy Andrzej Maksymilian Fredro Był Autorem „Echa Żałosnego” z 1666 roku? // Ruch Literacki. T. 42, z. 4. Kraków: Wydawnictwo PAN, 2001. S. 553-565.

⁸⁵ Przyboś K. Projekt Reformy Pieniądza Andrzeja Maksymiliana Fredry z 1666 Roku // Przemyskie Zapiski Historyczne. R. VI-VII. Przemyśl: Polskie Towarzystwo Historyczne w Przemyślu, 1990. S. 229.

⁸⁶ Wimmer J. Andrzej Maksymilian Fredro jako projektodawca reform wojskowych // O naprawę Rzeczypospolitej XVII–XVIII wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. S. 109-124.

автор, отмечая определенные недостатки военных сочинений львовского каштеляна, вызванные, по его мнению, в т.ч., его консервативными политическими взглядами, дает им достаточно высокую оценку и рекомендует к дальнейшему изучению. Его примеру последовали военные историки Кароль Олейник⁸⁷ и Богуслав Дыбас⁸⁸. Интересно, что недавно даже была высказана мысль о пользе сочинений Фредро для анализа современных военных конфликтов⁸⁹.

Как и на предыдущих этапах, творчество Фредро становилось предметом изучения не только историков, но и филологов. Так, Юлиан Кшижановский в «Истории польской литературы» писал о Фредро: «Львовский каштелян не был сарматским тупым и слепым обскурантом... его консерватизм был результатом компромисса с распространенным среди отсталых соотечественников мнением»⁹⁰. В свою очередь, Бронислав Надольский первым из исследователей признал достоинства учебника риторики Фредро «Советник»⁹¹.

Особое внимание литературным достоинствам произведений Фредро в своей обзорной статье, посвященной польско-латинской прозе, уделил Тадеуш Беньковский⁹². А Юлиуш Новак-Длужевский даже предположил⁹³ авторство Фредро известной политической поэмы «Печальное эхо», направленной против королевских планов реформ, несмотря на то, что нам неизвестны другие поэтические сочинения львовского каштеляна.

Однако среди тех филологов, кто внес наиболее существенный вклад в изучение литературного наследия Фредро, выделяется, прежде всего,

---

⁸⁷ Olejnik K. *Rozwój polskiej myśli wojskowej do końca XVII wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1976. S. 89-96.

⁸⁸ Dybas B. *Problem Budowy i Funkcjonowania Fortyfikacji Stałych w Rzeczypospolitej w Okresie Wojen w Połowie XVII Wieku* // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia*. T. XXVIII. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, 1993. S. 13-33.

⁸⁹ Stankiewicz W. *O małym pospolitym ruszeniu: kilka współczesnych refleksji* // *Zeszyty Naukowe Akademii Obrony Narodowej*. N 1 (98). Warszawa: Wydawnictwo Akademii Obrony Narodowej, 2015. S. 182-204.

⁹⁰ Krzyżanowski J. *Historia Literatury Polskiej*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. S. 276-277.

⁹¹ Nadolski B. *Wybór mów staropolskich*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. S. 175.

⁹² Bieńkowski T. *Proza polsko-łacińska 1450–1750* // *Problemy literatury staropolskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. S. 153.

⁹³ Nowak-Dłużewski J. *Poezja Związku Święconego i rokосу Lubomirskiego*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1953. S. 137-138. Именно полемике с этим утверждением была посвящена вышеупомянутая в прим. 66 статья К. Пшибоца.

Збигнев Рындух. В 70-е гг. он опубликовал ряд статей⁹⁴, посвященных разным сочинениям львовского каштеляна, а итогом его исследований стала вышедшая в 1980 году монография «Анджей Максимилиан Фредро: Литературный портрет». Больше внимание Рындух уделял глубокому и подробному анализу литературного стиля и способа аргументации публициста в каждом его труде, нежели реконструкции его политических взглядов. Между тем, его выводы помогают нам лучше понять мировоззрение Фредро: «Как для всей эпохи барокко, так и для А.М. Фредро, как во взглядах и действиях, так и в творчестве, одной из характерных доминант было противоречие, контраст, жонглирование антитезами, наконец, наслаждение в размышлении и обсуждении вопросов по принципу «за и против». <...> Не был ему чужд практический рационализм, жизнь в согласии с природой, наконец, чувство, что должны наступить какие-то изменения и прогресс в хозяйственной и производственной сфере»⁹⁵.

По понятным причинам, наибольшим вниманием среди филологов продолжали пользоваться «Поговорки» и «Предостережения» Фредро. Нет поэтому ничего удивительного в том, что именно эти два сочинения положили начало полному переизданию произведений львовского каштеляна: «Поговорки» вышли в 1980 г. с предисловием Лешека Кукульского⁹⁶, «Предостережения» – в 1999 г. с предисловием Эвы Иоланты Глембицкой⁹⁷.

---

⁹⁴ Rynduch Z. Ze studiów nad twórczością Andrzeja Maksymiliana Fredry // Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Prace Historyczno-literackie. N1. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1972. S. 5-23; Rynduch Z. Andrzeja Maksymiliana Fredry "Vir consilii" jako podręcznik retoryki barokowej // Pamiętnik Literacki. LXVI, z. 3. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. S. 176-190; Rynduch Z. Poezja i proza w prozie - Z zagadnień sztuki prozy Andrzeja Maksymiliana Fredry // Poezja. N 5/6. Warszawa: RSW "Prasa-Książka-Ruch", 1975. S. 174-178; Rynduch Z. Sądy o języku i stylu w twórczości Andrzeja Maksymiliana Fredry // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Polska XVI. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, 1979. S. 163-174; Rynduch Z. Funkcja Przysłów w Prozie Andrzeja Maksymiliana Fredry // Retoryka a Literatura. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. S. 153-165.

⁹⁵ Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro (Portret literacki). Gdańsk, Wrocław: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980. S. 206-207.

⁹⁶ Kukulski L. Wstęp // A. M. Fredro. Przysłowia Mów Potocznych. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. S. 5-10.

⁹⁷ Głębińska E. J. Wprowadzenie do lektury // A. M. Fredro. Monita Politico-Moralia. Przestrogi Polityczno-Obyczajowe. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN, Stowarzyszenie „Pro Cultura Litteraria”, 1999. S. 5-15.

Кроме многочисленных статей⁹⁸, посвященных этим двум трудам львовского каштеляна, особого внимания заслуживает монография Мачея Эдера «У истоков польской афористики»⁹⁹, в которой автор провел всесторонний анализ «Поговорок»: литературоведческий, источниковедческий, а также политический: последняя глава монографии посвящена попытке реконструкции политических взглядов нашего публициста. Впрочем, интересовали филологов не только «Поговорки» и «Предостережения». Так, Ежи Старнавский изучал влияние древнеримской прозы на творчество львовского каштеляна¹⁰⁰. Также Старнавский уделял особое внимание «Саду единорогов» Ф. Глинки и, в особенности, его саге о роде Фредро¹⁰¹. Анализу двух речей львовского каштеляна из «Сада единорогов» посвящены и недавние статьи Кристины Плахчиньской¹⁰².

В свою очередь, Эва Иоланта Глембicka пришла к выводу, что нашего публициста трудно, как это делали позитивисты, назвать доктринером: «Фредро, если был убежденным сторонником демократии, то не на основе идеализированного ее образа. <...> Он лично и многократно убедился, как трудно убедить толпу в самых верных постулатах. Никогда, однако, он не усомнился, что именно это – единственная дорога: тем или иным способом

---

⁹⁸ См., напр.: Wiśniewska H. Intelktualizacja językowa w "Przysłowiach // przestrozach" Andrzeja Maksymiliana Fredry (1620-1679) // *Rocznik Przemyski*. T. 29/30. Przemysł: Polskie Towarzystwo Historyczne w Przemysłu, 1994. S. 315-327; Gałaj R. Wojsko w siedemnastowiecznych przysłowiach polskich zebranych przez Salomona Rysińskiego i Andrzeja Maksymiliana Fredrę // *Szczecińskie Studia Historyczne*. N 12. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 2000. S. 53-67; Partyka J. Czy Autor Przysłów Mów Potocznych Był Sarmatą? // *Napis*. Seria VIII. Warszawa: Wydawnictwo DIG, 2002. S. 25-35; Głębińska E. J. Polskie Realia w Monita Politico-Moralia Andrzeja Maksymiliana Fredry // *Świt i Zmierzch Baroku*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2002. S. 243-253 и др.

⁹⁹ Eder M. *U źródeł aforystyki polskiej: Studium o "Przysłowiach..." Andrzeja Maksymiliana Fredry*. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Atut, 2008.

¹⁰⁰ Starnavski J. Kilka uwag o oddziaływaniu Salustiusza na dawnych pisarzy polskich; Z dziejów sławy Tacyty w dawnej Polsce // *Antyk w Polsce*. Cz. 1. Łódź: Wydawnictwo UŁ, 1992.

¹⁰¹ См. подробнее: Starnavski J. Wierszowana Saga Rodu Fredrów z 1670 r. // *Rocznik Przemyski*. Literatura i Język. T. 42, z. 3. Przemysł: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemysłu, 2006. S. 39-55; Starnavski J. Chór muz greckich na chwałę Andrzeja Maksymiliana Fredry // *Rocznik Przemyski*. Literatura i Język. T. 43, z. 3. Przemysł: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemysłu, 2007. S. 53-58; Starnavski J. Franciszka Glinki Anagrammata ku czci Andrzeja Maksymiliana Fredry // *Rocznik Przemyski*. Literatura i Język. T. 43, z. 3. Przemysł: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemysłu, 2007. S. 59; Starnavski J. Zapomniany konterfekt Andrzeja Maksymiliana Fredry // *Rocznik Przemyski*. Literatura i Język. T. 44, z. 2. Przemysł: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemysłu, 2008. S. 51-52.

¹⁰² Płachcińska K. Jak obiecywać, by nie obiecać — odpowiedzi Andrzeja Maksymiliana Fredry udzielone delegatom wojsk na sejmie w 1652 roku // *Acta Universitatis Lodziensis, Folia Litteraria Polonica*, 3(25). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. S. 153-164; Płachcińska K. Retoryka lekceważania – odpowiedź Andrzeja Maksymiliana Fredry posłom kozackim na sejmie w 1652 roku // *Retoryka w Polsce: wiek XVII. Część I*. Warszawa: DIG, 2015. S. 27-38.

необходимо добиваться одобрения народа, склонять его и привлекать, необязательно обращаясь к разуму. Однако никакие негативные проявления демократической системы управления не были, по мнению Фредро, так чувствительны, чтобы убедить его в необходимости абсолютной власти»¹⁰³.

Если ведущим филологом-специалистом по творчеству Фредро был Збигнев Рындух, то ведущим историком, изучавшим наследие львовского каштеляна – Збигнев Огоновский, автор поворотного в восприятии принципа единогласия эссе «Над сочинениями А. М. Фредро в защиту *liberum veto*»¹⁰⁴.

Огоновский согласен с мнением, высказанным еще Владиславом Чаплиньским, что в некоторой степени защита вето была связана с противостоянием планам двора, однако это вовсе не означает, что Фредро, отстаивая принцип единогласия, кривит душой: львовский каштелян выступит в его защиту не только в 1660, но и 1669 (т.е. уже после отречения Яна Казимира и краха проектов двора). Основными вопросами, на которые, однако, пытается ответить Огоновский, это вопрос о совместимости приверженности *liberum veto* и экономических реформ, предлагаемых львовским каштеляном в трактате «О военных делах», а также вопрос о возможности использования вето неразумными гражданами. Первый вопрос остается фактически неразрешенным: «наиболее правдоподобна гипотеза, согласно которой Фредро не видел противоречия между политической системой, господствующей в Польше (в т.ч. институтом вето), и возможностью реализации программы экономических реформ. Стоит ли в этой позиции видеть черты утопического мышления, или она составляет мнимую психологическую загадку – мнимую потому, что не хватает нам какой-то идейной предпосылки, очевидной для Фредро, – покажут

---

¹⁰³ Głębińska E. J. Pojęcia „Populus” i „Libertas” w politycznych traktatach Andrzeja Maksymiliana Fredry // Łacina jako język elit. Warszawa: OBTA, Wydawnictwo DIG, 2004. S. 120.

¹⁰⁴ Ogonowski Z. Nad Pismami A.M. Fredry w Obronie Liberum Veto // Człowiek i Światopogląd. Warszawa: RSW "Prasa-Książka-Ruch", 1975. Nr 4, s. 59-87. Nr 5, s. 83-106. См. также: Ogonowski Z. Nad Pismami A.M. Fredry w Obronie Liberum Veto // Filozofia Polityczna w Polsce XVII Wieku i Tradycje Demokracji Europejskiej. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1992. S. 9-57.

дальнейшие фундаментальные исследования»¹⁰⁵. Что же касается второй проблемы, то, по-видимому, для львовского каштеляна важнее сохранение политического устройства Речи Посполитой в том виде, в котором оно сложилось к середине XVII в., чем стремление к его реформированию или потенциальному улучшению: «Существенную опасность Фредро видел не в том, что сейм разойдется, ничего не приняв, но в том, что может принять что-то, что нарушало бы сложившийся порядок вещей. <...> угрожает не вето, так как оно не может ничем нарушить существующего порядка, но именно принцип большинства»¹⁰⁶.

Несколько писем и речей Фредро были опубликованы в трехтомной антологии «Политические сочинения времен правления Яна Казимира»¹⁰⁷ под редакцией Стефании Охманн-Станишевской. Сама Охманн-Станишевска так отзывалась о Фредро: «Ему удавалось соединить ”республиканскую“ идеологию с определенной независимостью как от двора, так и от радикальной оппозиции, со стремлением поднять на более высокий уровень функции и политический ранг сейма»¹⁰⁸.

Фредро упоминается практически в любом современном исследовании по истории Речи Посполитой третьей четверти XVII века¹⁰⁹. В настоящее время данная эпоха становится все более популярной среди исследователей, что частично объясняется отсутствием фундаментальных работ о ней в прошлом. Новые монографии, хотя и не ставят своей целью изучение биографии именно Фредро, зачастую предоставляют сведения, которые понемногу расширяют наши знания о политической деятельности львовского

---

¹⁰⁵ Ogonowski Z. Nad Pismami A.M. Fredry w Obronie Liberum Veto // *Filozofia Polityczna w Polsce XVII Wieku i Tradycje Demokracji Europejskiej*. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1992. S. 57.

¹⁰⁶ Ibid. S. 35.

¹⁰⁷ Ochmann-Staniszevska S. *Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648-1668: Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały*. Tomy 1-3. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989-1991.

¹⁰⁸ Ochmann-Staniszevska S., Staniszevski Z. *Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana Kazimierza Wazy. Prawo – doktryna – praktyka*. Tom 1. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. S. 119.

¹⁰⁹ См., напр.: Stolicki J. *Wobec wolności i króla. Działalność polityczna szlachty ruskiej, ukraińskiej i wołyńskiej w latach 1673-1683*. Kraków: Historia Iagellonica, 2007; Sokalski M. *Między królewskim majestatem a szlachecką wolnością. Postawy polityczne szlachty małopolskiej w czasach Michała Korybuta Wiśniowieckiego*. Kraków: Historia Iagellonica, 2002; Krakowiak P. *Dwa sejmy w 1666 roku*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2010; Kołodziej R. *"Ostatni wolności naszej klejnot": Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana III Sobieskiego*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2014 и др.

каштеляна. Заметен интерес как к биографии, так и к трудам Фредро и среди молодых ученых¹¹⁰.

Настоящим событием стало издание в 2014 году первого полного перевода «Фрагментов писем» на польский язык. Предполагается, что публикация должна положить начало серии, посвященной польской политической публицистике XVII века. Безусловно, при условии реализации, такой проект в значительной степени поспособствует развитию научного интереса к творческому наследию львовского каштеляна. В обширном предисловии Марек Трач-Трынецкий предпринимает интересную попытку на основе «Фрагментов» систематизировать взгляды Фредро на государство, право, религию и т. д., исходя из концепции республиканизма, которая, по его мнению, помогает объяснить противоречия в политической мысли публициста. Марек Трач-Трынецкий полагает, что «творчество нашего автора одновременно и продолжает традиции свободы польской мысли, и является доводом ее эволюции». По наблюдениям современного историка, «это является <...> [результатом] опыта функционирования республиканского устройства Речи Посполитой, основанного на Генриковых артикулах, на протяжении нескольких десятков лет»¹¹¹.

Подводя итоги изучения наследия Фредро во второй половине XX – начале XXI века, можем отметить две тенденции. Во-первых, отношение к львовскому каштеляну в значительной степени улучшилось: он уже не воспринимается как доктринер, фанатик, оторванный от практики теоретик. По мере все более глубокого изучения трудов Фредро, исследователи все чаще подчеркивают его умеренность, рассудительность, стремление избегать крайностей, глубокое знание политической практики. Во-вторых, единый

---

¹¹⁰ См., напр.: Góralik S. Życie i działalność polityczna Andrzeja Maksymiliana Fredry // Per Aspera Ad Astra. Materiały z XVI Ogólnopolskiego Zjazdu Historyków Studentów. Tom V. Historia Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Kraków: AT Group, 2008. S. 101-122; Rysiewicz M. Sarmacki Republikanizm Inaczej Odczytany. Andrzej Maksymilian Fredro Jako Obrońca Liberum Veto // Studia z Filozofii Polskiej. Tom 5. Bielsko-Biała, Kraków: Scriptum, 2010. S. 281-299; Skrodzki M. Andrzej Maksymilian Fredro - polski Machiavelli? // Nowożytnicze Zeszyty Historyczne. Z. 3. O kształt Europy Środkowo-Wschodniej. Materiały z III Ogólnopolskiej Studenckiej Konferencji Naukowej Historyków Nowożytników. Kraków: AT Group, 2011. S. 77-92 и др.

¹¹¹ Tracz-Tryniecki M. Wstęp // A. M. Fredro. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 113.

образ Фредро как будто «рассыпался»: разные исследователи интересовались или Фредро-афористом, или Фредро-политиком, или Фредро-педагогом, или Фредро-военным теоретиком, или Фредро-экономистом и т. д. Такая дифференциация для удобства изучения вполне понятна, но в результате привела к отсутствию единого и цельного образа львовского каштеляна как писателя и государственного деятеля. Вероятно, издание всех трудов Фредро на польском языке будет способствовать преодолению сложившейся в историографии раздробленности его образа и позволит взглянуть на наследие львовского каштеляна в целом. Не исключено, что мы стоим на пороге нового этапа в изучении сочинений и биографии Анджея Максимилиана Фредро.

Как мы видим, в историографии (особенно позитивистской) Фредро как политический мыслитель воспринимался, прежде всего, противником усиления королевской власти и сторонником *liberum veto* (при этом исследователи часто подчеркивали как необходимость первого, так и вредоносность второго). Для того, чтобы понять, насколько такое представление соответствует действительности, целесообразно рассмотреть отражения этих двух, часто противопоставляемых, и вместе с тем – наиболее обсуждаемых (и современниками, и потомками) элементов государственного устройства польско-литовского государства в сочинениях Анджея Максимилиана, чтобы попытаться понять, как видел львовский каштелян их место в своей Речи Посполитой.

Глава 2. Сеймовые речи 1648 и 1652 гг.

Если принципу единогласия Фредро посвятил сравнительно небольшую часть своего обширного публицистического наследия, то тема короля и его власти является одной из ведущих, буквально – сквозных, во всех трудах львовского каштеляна. Роль монарха в государстве, его функции, качества, способ избрания – все это вопросы, к которым Фредро постоянно возвращается в своих трудах.

Впервые данную тему Анджей Максимилиан затрагивает еще в своих ранних сеймовых речах 1648 и 1652 гг., дошедших до нас в составе сборника Франтишека Глинки «Сад единорогов»¹¹², а в 1745 году перепечатанных Яном Островским-Данейковичем в первом томе его «Польского и латинского красноречия»¹¹³. Отдельные высказывания Фредро на сеймах дошли до нас также в диариуше элекционного сейма 1648 г.¹¹⁴, а также в записках люблинского войскового Якуба Михаловского (1612-1662)¹¹⁵. Однако речи эти не дождались на данный момент самостоятельного комплексного исследования, удостоиваясь лишь упоминания или краткой характеристики. Так, Кароль Мехежиньский отмечает, что «В сеймовых речах, дышащих большим спокойствием, отличался [Фредро] ясной и редкой у современных ему ораторов умеренностью»¹¹⁶. Тексты некоторых речей приводит в своем цикле статей о Фредро Владислав Скшидылька, оставляя их, однако, практически без комментария¹¹⁷. Казимир Круль и Ян Нитовский, несмотря на скептическое отношение к Фредро, признают, что «его сеймовые речи

---

¹¹² Glinka F. Zwierzyniec Iednorozcow. Lwów: Drukarnia Kollegium Societatis IESV, 1670. S. 147-181.

¹¹³ Ostrowski-Daneykowicz J. Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. Tom I. Lublin: Drukarnia J.K.M. Collegium Societatis JESU, 1745. S. 10-20. Единственной речью, не перепечатанной Островским-Данейковичем из «Сада единорогов», является ответ Фредро послам войска Великого княжества Литовского.

¹¹⁴ Diariusz sejmu elekcyjnego 1648 roku. Pod red. J.S. Dąbrowskiego. Kraków: Historica Iagellonica, 2013.

¹¹⁵ Michałowski J. Księga Pamiętnicza. Kraków: Drukarnia C.K. Uniwersytetu, 1864.

¹¹⁶ Mecherzyński K. Historia wymowy w Polsce. Tom III. Kraków: Nakładem Józefa Czecha, 1860. S. 194.

¹¹⁷ Skrzydyłka W. Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 329-342; Skrzydyłka W. Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy) // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 6. Lwów, 1873. S. 426-432.

отличаются достоинством и необыкновенной силой слова»¹¹⁸. Кратко резюмирует речи Владислав Чаплинский в своей классической монографии «Два сейма в 1652 году»¹¹⁹, в свою очередь, Бронислав Надольский характеризует их как «обычно краткие, чрезмерные в выражении чувств (например, после смерти Владислава IV), часто обращающиеся к примерам из истории, заключающие в себе много философским максим, испещренные латынью»¹²⁰. Интерес к речам несколько возрос в последние годы: в 2005 году одну из них, приветствие короля маршалом, опубликовали с комментарием Ежи Старнавский и Роберт Завадский¹²¹, а в 2014-2015 гг. вышли две статьи Кристины Плахчиньской, анализирующие ответы Фредро послам коронного и литовского войск, а также казаков¹²².

Начальный этап карьеры будущего львовского каштеляна (1648-1652), к которому относятся большинство дошедших до нас речей, совпал со смертью короля Владислава IV и началом восстания Хмельницкого, положившего конец «серебряному веку» Речи Посполитой и открывшего эпоху внешне- и внутривосточных конфликтов, ярко отразившихся в творчестве Анджея Максимилиана.

Принимая во внимание тот факт, что сеймовые речи писались и оглашались в конкретных исторических обстоятельствах и предназначались (первоначально) для воздействия на слушателей «здесь и сейчас», естественным кажется вопрос: насколько те условия, в которых находилась Речь Посполита во время их произнесения, определяли то внимание, с которым Фредро относился к тем или иным функциям и качествам короля? К тому же, в контексте специфики публичного выступления, правомерен

---

¹¹⁸ Król K., Nitowski J. Historia literatury polskiej. Warszawa: Nakładem i drukiem M. Arcta, 1906. S. 153.

¹¹⁹ Czaplinski W. Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 73, 83.

¹²⁰ Nadolski B. Wybór mów staropolskich. Wrocław, Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. S. XCVI.

¹²¹ Starnawski J., Zawadzki R. Witanie Króla J. Mci Jana Kazimierza imieniem Koła Poselskiego po ekspedycyjej i zwycięstwie beresteckim // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. Tom 41, zeszyt 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyślu, 2005.

¹²² Płachcińska K. Jak obiecywać, by nic nie obiecać — odpowiedzi Andrzeja Maksymiliana Fredry udzielone delegatom wojsk na sejmie w 1652 roku // Acta Universitatis Lodzianis, Folia Litteraria Polonica, N 3(25), 2014. S. 153-164; Płachcińska K. Retoryka lekceważenia — odpowiedź Andrzeja Maksymiliana Fredry posłom kozackim na sejmie w 1652 roku // Retoryka w Polsce: Wiek XVII. Część I. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. S. 27-38.

вопрос, насколько на речи Фредро влияла ораторская традиция, т.е. не являются ли упоминания некоторых качеств данью этой традиции? Наконец, служат ли упоминаемые Фредро свершения Владислава IV и Яна Казимира примером их заслуг перед Речью Посполитой, восхвалением их личных качеств, призывом к конкретным действиям или являются иллюстрацией обязательных и универсальных функций монарха?

Первым обращением Фредро к фигуре монарха является его самая ранняя известная нам речь¹²³ от 16 июля 1648 года на конвокационном сейме, собравшемся после смерти Владислава IV. Посольская изба поручила тогда Фредро сообщить сенаторам об избрании маршалом сейма генерального старосты великопольского Богуслава Лещинского. Большую часть речи занимает панегирик умершему королю, цитаты из нее Кароль Шайноха приводил как яркий пример повсеместной скорби после смерти Владислава IV¹²⁴, который предстает в данной речи идеальным монархом¹²⁵: «Отчизна наша всегда будет должна благодарить и чтить память такого великого правителя, тем более что то, что доселе редко или вовсе не видано в веках, – а разное видели или желали видеть у себя народы – то наш век, наша единственная Отчизна видела, нашла, лелеяла и (жаль вспомнить) потеряла в ушедшем великом Владиславе». Таким образом, данная речь обретает признаки не только славословия почившему монарху, но и портрета идеального короля.

Несмотря на «покой», главные заслуги умершего, упоминаемые Фредро, – военные, причем несравнимые с заслугами полководцев прошлого: «Пусть отступят те, которых называли некогда *portenta belli* [чудом войны]. Видел наш век в правителе своем нечто большее у холодного Септемтриона,

---

¹²³ *Oznaymienie Marzałka Poselskiego obranego, y Condolentia Imieniem Poselskiey Izby do Panow Senatorow, na Seymie Conuocationis Die 16. Iulii. A.D. 1648. Po Smierci Krola Władysława Czwartego* // Glinka F. *Op. cit.* S. 147-150; *Mowa I.W.IMP. Andrzeia Maximiliana Fredra, potym Kastelana Lwowskiego, na ostatek Woiewody Podolskiego, oznajmując obranie Marszałka Poselskiego Senatowi na Seymie Convocationis po śmierci Krola Imści Władysława Czwartego. 1648* // Ostrowski-Daneykowicz J. *Op. cit.* S. 10.

¹²⁴ Szajnocha K. *Dwa lata dziejów naszych. 1646. 1648. Tom II. Część I.* Warszawa: Nakładem redakcji Gazety Polskiej, 1900. S. 164-165, 192.

¹²⁵ О восприятии Владислава IV современниками см., напр.: Czapliński W. *Władysław IV i jego czasy.* Warszawa: Wiedza Powszechna, 1976. S. 381-383.

когда не *in montium saltu* [в горном ущелье], как где-то *in Caudino*¹²⁶, не войско, но целый народ с малой горстью людей в своей же осадил земле, обезоружил и видел брошенные с позором к его ногам побежденного народа знаки. Поразился бы, если бы встал из мертвых, и сам *pullus fortunae* [дитя удачи], великий победитель персов и мира, деяниям великого нашего Владислава, ибо не войска, но *diluvies quaedam virorum* [потоп воинов] под Хотин¹²⁷, *in armis visa* [в полном вооружении], не Дарий *cum grege feminarum* [с сонмом женщин] в своем лагере, но гроза мира Турок, недавно побежденных христианских народов неся с собой *manubias* [трофеи] к устрашению нашему, но привел [Владислав] *in triumphum* [к триумфу]». Об иных достоинствах умершего монарха Фредро говорит вскользь: «Не достаточно ли того, о чем я лишь упомянул, не говоря уже *ad Sagum, togam et purpuram* [иносказательно: о военных, мирных и гражданских заслугах]».

Как же сообразуется упомянутый «покой» с этим гимном военной доблести? Действительно ли Фредро считает важными только и исключительно военные способности короля? Означает ли это, что гражданские заслуги Фредро ценит меньше, чем военные? На первый взгляд, принимая во внимание огромную долю трудов на военную тематику в литературном наследии львовского каштеляна, трудно не согласиться с этим тезисом. С другой стороны, помня о том, какой вес Фредро придавал и гражданским добродетелям в своих позднейших трудах, думается, что столь яркое выделение военных заслуг Владислава IV все же было связано с текущей ситуацией, в которой находилась Речь Посполита – распространения

---

¹²⁶ Имеется в виду сравнение с битвой в Кавдинском ущелье 321 г. до н.э., произошедшей в ходе Второй Самнитской войны, в результате которой римляне потерпели поражение, попав в ловушку самнитов в узком горном проходе. Победа самнитов, достигнутая хитростью, противопоставляется здесь открытому сражению, а именно, осаде Владиславом IV лагеря Шеина в ходе Смоленской войны в 1633-1634 гг. См.: Czapliński W. Władysław IV i jego czasy. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1976. S. 165-166.

¹²⁷ Речь идет о победоносной для Речи Посполитой битве под Хотин^{ом} (1621 г.), завершившей т.н. Хотинскую войну с Турцией. Хотя Владислав, будучи в то время еще королевичем, формально всего лишь командовал отдельным корпусом, он все же сыграл значительную роль в координации войск ввиду болезни и последующей смерти великого гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича, а также недоверия литовской армии к заменившему его подчасшему коронному Станиславу Любомирскому. Владислав Чаплинский отмечает: «Владислав <...> не отстранился во время сражения польских войск с превосходящим неприятелем, и часть славы, возможно, слишком большая в сравнении с заслугами, пала и на него» (Czapliński W. Władysław IV i jego czasy. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1976. S. S. 65).

восстания Хмельницкого, а также с определенной данью традиции. Также не без значения остается тот факт, что добрый нрав и соблюдение прав и обычаев Речи Посполитой Владиславом IV еще были свежи в памяти у всех слушателей выступления Фредро в 1648 году, в то время как молодой посол стремился напомнить о военных заслугах почившего короля, крупнейшие из которых относились к 1621 (еще в бытность Владислава королевичем) и 1634 годам (в самом начале его правления).

Оборонительный характер упомянутых Фредро победоносных кампаний ясно указывает на то, что «покой» для всех граждан Речи Посполитой обеспечивается, прежде всего, способностью монарха защитить целостность своего государства – как от внутренних, так и потенциальных внешних угроз. В минуту возрастающей опасности Фредро, таким образом, косвенно напоминал о необходимости избрания такого короля, который смог бы справиться с восстанием. При этом, однако, нельзя однозначно причислять Фредро к «партии войны»: согласно приведенному в статье Славомира Гуралика фрагменту находящегося в рукописи в библиотеке Чарторыйских диариуша конвокационного сейма 1648 года, Анджей Максимилиан «произнес большую речь, не был противником амнистии [участникам восстания], однако же, как говорят, *cum armato sua nisi armat sub coquaris* [против вооруженных нет лучшего оружия, чем готовность], необходимо, прежде всего, собрать войско. *Interea* [в то же время] нам надо искать *authorem belli* [виновника войны] и прочел инструкцию земли своей хелмской, в которой предписано было ему, чтобы узнал, кто булаву Хмельницкому послал, кто его гетманом запорожским назначил, кто давал ему деньги на челны»¹²⁸. Отметим, что уже здесь проявились характерные для Фредро политический реализм и стремление к компромиссу, способному удовлетворить обе стороны конфликта.

---

¹²⁸ Góralik S. *Życie i działalność polityczna Andrzeja Maksymiliana Fredry // Per aspera ad astra. Materiały z XVI ogólnopolskiego zjazdu historyków studentów. Tom V. Kraków: Koło Naukowe Historyków Studentów UJ, 2008. S. 105.*

Присутствовал Анджей Максимилиан и на следующем, элекционном сейме. На нем Фредро прославился, прежде всего, своими горячими призывами к пожертвованиям на оборонительные цели, но на заседании 7 ноября высказался, в том числе, и в пользу скорейшего избрания монарха, так аргументируя свое мнение: «Хороши рацта, хороша защита, но плохо то, когда *fit scisura animorum nostrorum* [наши души разделены], ибо хотя мы и проголосовали за оборону, кто же будет нас защищать, если нет у нас правителя, хоть мы и обсудим рацта, кому же мы их предложим, а если нам одна только *bellum civile* [гражданская война] с нашими крестьянами приносит вред, что будет далее, когда и вторая между нами разгорится? Так и соседи недоброжелатели, ваши милости, не позаботятся о нас, но только и ждут, как мы отсюда разъедемся, если в согласии – то слава Богу, *sin minus* [если же нет], начнут нас задирать со всех сторон; *conciliatis* [примиренными] тогда *animis* [душами] к избранию правителя приступим же *data fide* [доверившись] его милости ксендзу примасу, что он, как обещает, назначать правителя не будет, пока рацта *conventa* не будут обговорены, и все, что *maxime exorbitatum est in Republica* [наиболее испорчено в Речи Посполитой], будет исправлено, *tandem* [в конце концов] и возжелаем скорее *sentire mala postra* [плохого самочувствия], но не гибели для всех нас»¹²⁹. Якуб Михаловский так резюмирует выступление Фредро: «В том тут вопрос, правителя ли раньше избрать или оборону сначала обсудить. Если правителя не будет, на оборону, *consideratis considerandis* [принимая все во внимание], надежда слабая. Когда правитель будет, нет никаких сомнений, что защита будет обеспечена. Убеждал тогда, чтобы *ante omnia* [прежде всего] поставили себе целью избрание правителя»¹³⁰.

В этом выступлении речь уже идет не столько о военных способностях будущего монарха, необходимых для установления внутреннего мира, сколько о его символическом значении для Речи Посполитой, олицетворении

---

¹²⁹ Diariusz sejmu elekcyjnego 1648 roku. Pod red. J.S. Dąbrowskiego. Kraków: Historica Iagellonica, 2013. S. 143.

¹³⁰ Michałowski J. Księga Pamiętnicza. Kraków: Drukarnia C.K. Uniwersytetu, 1864. S. 302.

им государственного порядка, общественного согласия и гражданского единства – вне зависимости от его личных качеств. Формальное верховное командование, придающее легитимность действиям армии, соблюдение договоренностей между наивысшей властью и политическим народом (*pacca conventa*), а главное – роль арбитра, примирение и сглаживание противоречий, нахождение компромиссов и мудрых решений в политических спорах – вот основные функции короля, отмечаемые Фредро. Такое понимание вполне соответствует духу, выраженному еще в 1573 году в Генриховых артикулах: «Посему Мы и наши потомки ничего не должны решать своей властью, а должны как можно скорее постараться, чтобы все пришли к одному мнению, принимая во внимание все, что бы отвечало правам и вольностям Посполитым и большей пользе Речи Посполитой и не противоречило бы всем правам, вольностям и свободам, дарованным землям. А если бы Мы не смогли привести их к одному общему мнению, то наше решение должно быть на стороне тех, кто ближе всего склоняется к вольностям, правам и обычаям, согласно праву каждой земли, и благу Речи Посполитой, за исключением сеймовых дел, которые надлежит решать обычным порядком – с ведома и соизволения всех сословий»¹³¹.

Период бескоролья воспринимается здесь, в определенном смысле, как разрыв существующего правового порядка и чрезвычайная ситуация, что неудивительно, принимая во внимание то, что король в политической системе Речи Посполитой являлся отдельным сеймовым сословием, без которого невозможно принятие каких-либо постановлений (выходом из ситуации было утверждение принятых во время бескоролья решений вновь избранным монархом¹³²). Этот же мотив затронут и в начале уже упомянутой речи Фредро на конвокационном сейме: «Осиротел или полностью исчез

---

¹³¹ Godek S., Wilczek-Karczewska M. *Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. Wybór źródeł*. Warszawa: PWN, 2006. S. 94.

¹³² См., напр.: Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. *Historia ustroju i prawa polskiego*. Warszawa: PWN, 1998. S. 215-217; Markiewicz M. *Historia Polski. 1492-1795*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 34-35.

Маестат». Отношение к *interregnum* как к неизбежному, но опасному состоянию государства, сохранилось у Фредро и в дальнейшем.

Тема необходимости преодоления раздоров и установления согласия в польской политической публицистике не нова: ценность согласия отмечалась многими публицистами, во многих случаях становясь общим местом. «...Чтобы мы согласие и общее единство полюбили, а разделов и схизм, будучи в едином Христе связанными и объединенными, не совершали»¹³³ – так начинается третья из своих знаменитых «Сеймовых проповедей» (1597), целиком посвященную необходимости согласия, надворный проповедник польского короля Сигизмунда III Петр Скарга. «Полюбим же согласие, господу поляки, и давнюю искренность, если хотим нашу отчизну сохранить в целостности»¹³⁴ – призывал полвека спустя краковский каноник Шимон Старовольский в четвертой главе своей «Реформации польских нравов» (ок. 1650). Правда, если Скарга из согласия выводит необходимость единства в католической вере и послушания королю, Старовольский – обязанность совместной защиты от внешних врагов, то для Фредро необходимость согласия, хотя в данном случае и близка целям Старовольского, в будущем станет, например, одним из аргументов в пользу *liberum veto*. Принимая во внимание то, что разногласия среди многочисленных послов сейма при обсуждении важнейших государственных вопросов являются естественными и неизбежными, можно утверждать, что каждый из публицистов мог использовать недостижимое согласие как предлог реализации своей программы действий. Иными словами, каждый из политических писателей предлагал свою дорогу, которая позволила бы приблизиться к идеалу.

Ввиду постоянных несогласий роль короля как медиатора, а при этом символа единства и согласия необычайно возрастает. Король практически всегда мог рассчитывать на своих сторонников среди послов и опираться на них при принятии решений сеймом. Более того, такое положение вещей

---

¹³³ Skarga P. Kazania sejmowe. Wrocław: Oficyna Wydawnicza FOKA, 2010. S. 51.

¹³⁴ Starowolski S. Reformacja obyczajów polskich. Kraków: Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1859. S. 23.

воспринималось Фредро как неизбежное. Средство же, которое предотвратило бы излишнюю концентрацию власти в руках короля и перерождение Речи Посполитой в абсолютную монархию, наш автор укажет в своих трудах десятилетие спустя, выступив в защиту *liberum veto*.

Однако обстоятельства, сложившиеся к 1648 году, значительно отличались от тех, во время которых звучали призывы Скарги и Старовольского. Важнейшим внутренним конфликтом в Речи Посполитой на этот раз было восстание Хмельницкого, ось которого проходила не внутри шляхетского сословия (хотя некоторые представители шляхты и принимали в нем участие на стороне Хмельницкого), а между шляхтой, с одной, и казаками и крестьянами, с другой стороны. Сам Фредро, пребывая в своих владениях в Арламове, непосредственно столкнулся с восставшими и был вынужден обороняться в своей усадьбе¹³⁵. На элекционном сейме Фредро активно призывал к защите Речи Посполитой¹³⁶, в 1649 году снарядил за свой счет отряд из ста человек, а в июне 1651 года прибыл в королевский лагерь во главе такого же отряда. Однако лично принять участие в битве под Берестечком Фредро не смог, так как был отправлен Яном Казимиром с посольством в Трансильванию¹³⁷. При этом молодой посол, как мы видим, воспринимал восстание именно как «гражданскую войну с нашими крестьянами» (именно крестьянами официально считались нереестровые казаки). В позднейшей сеймовой речи 7 марта 1652 года¹³⁸ Фредро так отвечал послам казаков: «Не вашим же умом и могуществом вы сильны, но

---

¹³⁵ Łoziński W. *Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku*. Tom I. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1957. S. 360.

¹³⁶ *Diariusz sejmowi elekcyjnego 1648 roku*. Pod red. J.S. Dąbrowskiego. Kraków: Historica Iagellonica, 2013. S. 71-73, 81-84, 99-100.

¹³⁷ Radziwiłł A.S. *Pamiętniki*. Tom II. Poznań: U braci Scherków, 1839. S. 440; Oświęcim S. *Dyaryusz*. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1907. S. 299; Czaplinski W. *Andrzej Maksymilian Fredro // Polski Słownik Biograficzny*. Tom 7. Kraków, Wrocław. S. 114-116.

¹³⁸ Данная речь дождалась многочисленных публикаций (Przez tegosz. *Odpowiedz Posłom Kozaków Zaporozkich*. Imieniem Poselskiej Izby // Glinka F. *Op. cit.* S. 176-178; Tenże odpowiada Posłom Kozaków Zaporozkich Imieniem Poselskiej Izby // Ostrowski-Daneykowicz J. *Op. cit.* S. 19; Andrzej Maksymiliana Fredra odpowiedź posłom Kozaków Zaporozkich, imieniem poselskiej izby // Mecherzyński K. *Historia wymowy w Polsce*. Tom III. Kraków: Nakładem Józefa Czecha, 1860. S. 195-196; Skrzydyłka W. *Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy) // Przegląd Lwowski*. Rok 3, tom 5, zeszyt 6. Lwów, 1873. S. 427-428), а также недавнего исследования Кристины Плахчиньской: Płachcińska K. *Retoryka lekceważenia – odpowiedź Andrzeja Maksymiliana Fredry posłom kozackim na sejmie w 1652 roku // Retoryka w Polsce: Wiek XVII. Część I*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. S. 27-38.

властью того же Бога, который как нас (что мы покорно должны признать) хотел наказать, так вам ни должной, ни подобной пахарям прибавил мощи». Далее Фредро упрекает казаков в заключении союза с татарами-мусульманами, что привело к уводу в ясырь жителей украинских земель. Наконец, Фредро заключает: «В печали оставалась эта Речь Посполита, как госпожа ваша, от такой вас, ее жителей, пагубы, видя, что не вам, грекам, но всему ее имени был нанесен урон вашей погибелью. Ибо так как величие Речи Посполитой носит титул княжеств Руси, потому и ваши княжества за свои, не за чужие, обиталища принимала, и от их разорения она, а не кто другой, оплакивала утраты. А потому, хотя и с сожалением от утрат ваших, но при этом любезно из-за унижения вас и вашего гетмана под покровительство свое теперь принимая, выслушав ваше предложение, будет размышлять, чтобы, прежде всего, величию своего имени, а затем вашим правдам милостиво помочь».

Здесь ярко видно отличие от призывов к гражданскому единству внутри шляхетского сословия: Фредро обращается к казакам с поучительной речью, в самом начале фактически лишая их субъектности (приписывая их победы гневу Божию, воспринимая восстание скорее как стихийное бедствие), а в заключение ясно расставляя приоритеты, которыми Речь Посполита будет руководствоваться при решении казацкого вопроса. Кристина Плахчиньская даже считает, что «ответ казакам исходит явным презрением, нечасто присутствующим в сохранившихся источниках»¹³⁹, а обещания Фредро называет заранее нереализуемыми ввиду скорого окончания сейма. Однако такое суждение кажется слишком суровым. 7 марта Фредро еще мог не знать, что через два дня сейм ввиду вето Сициньского не будет пролонгирован. Обращение же к казакам-крестьянам само по себе является обращением неизмеримо выше стоящего над ними маршала посольской избы, поэтому трудно ожидать от него в этом случае той

---

¹³⁹ Płachcińska K. Retoryka lekceważenia – odpowiedź Andrzeja Maksymiliana Fredry posłom kozackim na sejmie w 1652 roku // Retoryka w Polsce: Wiek XVII. Część I. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. S. 29.

риторики, которой он воспользовался бы при обращении к равным или же к делегатам коронных и литовских войск на том же сейме (также, впрочем, скептически оцениваемой Плахчиньской)¹⁴⁰. Между тем, интересно отметить разницу в восприятии внутренних (внутригражданских и шляхетско-крестьянских) конфликтов.

Новый этап политической карьеры Анджея Максимилиана начался именно в 1652 г. В этом году Фредро был избран маршалом сейма, традиционно считающегося первым сеймом, сорванным из-за применения *liberum veto* (сейм продолжался с 26 января по 11 марта)¹⁴¹. Тогда же вышел первый опубликованный труд нашего героя – «История поляков в правление Генриха Валуа». Наибольший интерес с точки зрения понимания отношения Фредро к королевской власти представляет приветствие маршалом короля в начале сейма, 29 января¹⁴².

Свое приветствие Фредро начинает с не теряющей своей актуальности военной темы: «Непобедимый, милостью Божией Пресветлейший Король, Господин Наш Милостивый! От этого титула я должен начать, когда к Королю Польскому, от этого, когда к Яну Казимиру обращаюсь! Дала своим правителям гордая Испания титул *Catholici Regis* [католические короли], приписала славная Франция имя *Christianissimi* [христианнейшие], присвоила, хотя и под неверным предлогом, Англия прозвище *Defensoris Fidei* [защитник веры]. А прежде всего, при немалом величии, отдает

---

¹⁴⁰ Przez tegosz. Odpowiedz Posłom Woyska Koronnego Rzeczypospolitey, Imieniem Poselskiej Izby // Glinka F. Op. cit. S. 172-175; Tenże odpowiada Posłom Woyska Koronnego Imieniem Poselskiej Izby // Ostrowski-Daneykowicz J. Op. cit. S. 18-19, а также Przez tegosz. Odpowiedz Posłom Woyska Litewskiego. Imieniem Poselskiej Izby // Glinka F. Op. cit. S. 175-176. Анализ Кристины Плахчиньской: Płachcińska K. Jak obiecywać, by nic nie obiecać — odpowiedzi Andrzeja Maksymiliana Fredry udzielone delegatom wojsk na sejmie w 1652 roku // Acta Universitatis Lodzianensis, Folia Litteraria Polonica, N 3(25), 2014. S. 153-164.

¹⁴¹ См.: Czaplński W. Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 67-130; Ochmann-Staniszevska S., Staniszevski Z. Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana Kazimierza Wazy. Prawo – doktryna – praktyka. Tom I. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. S. 92-119; Markiewicz M. Op. cit. S. 513-514.

¹⁴² Przez tegosz Witanie Krola I. Meci Jana Kazimierza Imieniem Koła Poselskiego. Po Expedytyey y Zwyciestwie Beresteckim. // Glinka F. Op. cit. S. 152-166; Tenże wita No. Krola Imsci Jana Kazimierza Imieniem Izby Poselskiej po expedycy y Zwyciestwie Beresteckim na Seymie potym zerwanym // Ostrowski-Daneykowicz J. Op. cit. S. 12-16; Skrzydyłka W. Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 334-342; Starnawski J., Zawadzki R. Witanie Króla J. Meci Jana Kazimierza imieniem Koła Poselskiego po ekspedycyjej i zwyciestwie beresteckim // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. Tom 41, zeszyt 3. Przemysł: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemysłu, 2005.

Римское государство по сегодняшний день своим императорам *Nomen semper Augusti* [имя вечного Августа], одна только Польша, не будучи с давних времен бедна прекрасными титулами, а справедливее всего после страшной Хотинской войны мира с Турком, в силах своих оставшись несломленной, от наивысшего титулующего, Святого Отца, правителям своим обеспечив имя *Invictissimi Regis Poloniarum* [непобедимые короли поляков], при неудивительном (и старопольском) смирении, скорее приписывая это вечному Богу, до сих пор замалчивала столь высокий титул для своих правителей, или, по неведомому небесному распоряжению, придержала его имени Великого Вашего Королевского Величества. Предлагаем тогда (что уже так *auspicia* [предводительство] Вашего Королевского Величества *meruere* [заслужило]) к этому Величию, Непобедимый Король, этот известный на весь мир, а врагам грозный титул *Invictissimi* [Непобедимый]».

Далее Фредро приводит примеры польских побед, перечисляя военные успехи Болеслава Кривоустого и Владислава Ягелло, битву под Бычиной и пленение эрцгерцога Максимилиана, сражение под Кирхольмом, пленение Василия Шуйского. Использует он здесь и фрагменты своей речи на конвокационном сейме, упоминая битву под Хотинем и осаду лагеря Шеина. При этом интересно отметить, что если в случае победы в Смоленской войне Фредро восхищается, главным образом, военным маневром Владислава IV, позволившим осадить московский лагерь, то в случае Хотинской битвы подчеркивается массовость турецкого нашествия, сквозь которую просматривается опасение перед захватом османскими войсками всей Речи Посполитой. Таким образом, победа под Хотинем становилась не просто примером военной доблести и военного таланта, но примером спасения самого государства, что показывает, что Османская империя вызывала у

поляков куда большие опасения, чем другие соседи, и воспринималась как основная угроза Речи Посполитой¹⁴³.

То, что военная функция монарха находится в речи на первом плане, неудивительно. Частично это обусловлено текущим моментом – недавней (чуть более полугода) победой под Берестечком, тем более долгожданной после поражений под Желтыми водами, Корсунью и Пилявцами. Однако только ли в этом дело? Присмотримся к ряду титулов европейских монархов, перечисленных Фредро: все они имеют ярко выраженный религиозный оттенок. Фредро же настаивает на титуле «непобедимый», который далеко не так очевидно представляет польского короля как защитника католической религии. Маршал, кажется, не уделяет должного внимания тому, что недавние противники Речи Посполитой являлись в польском представлении язычниками, еретиками и схизматиками, что теоретически позволяло польскому монарху претендовать на роль настоящего «Defensor Fidei». Между тем, отсутствие такого мотива может указывать на то, что, возможно, военная доблесть и умение обеспечить обороноспособность страны в глазах Анджея Максимилиана является не менее существенным достоинством монарха, чем защита католической религии. Здесь, как и впоследствии, сказывалась, скорее всего, веротерпимость маршала, вытекающая не столько из личных убеждений (несомненно, Фредро был ревностным католиком), сколько из практического желания сохранения внутреннего мира в Речи Посполитой. Однако, как мы увидим впоследствии, это не означает равнодушия Фредро к религиозной стороне жизни короля.

От похвал военным качествам Яна Казимира Фредро переходит к общему описанию положения монарха в свободной Речи Посполитой, не забывая напомнить и о том, кому король обязан своим избранием: «Пресветлейший Милостивый Король, Господин Наш Милостивый! Благосклонная веками назначила *fata* [судьба], *Populi* [народ] же *Electoris*

---

¹⁴³ См., напр.: *Orzeł i półksiężyc. 600 lat polskiej publicystyki poświęconej Turcji*. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 2014.

Vota [голосами при избрании] возложил на голову Вашего Королевского Величества эту Корону. Когда говорю „fata” [судьба], тем самым, Ваше Королевское Величество, Magnam loquor virtutem [говорю о великой доблести], которая перед Богом заслужила такое назначение; когда Electorem Populum [избирателей] упоминаю, тем самым хочу сказать, что Ваше Королевское Величество правит Свободным Народом». Интересно, что одним из важнейших преимуществ положения короля польского и великого князя литовского является его безопасность по сравнению с иностранными монархами: «О насколько же правление Королей наших счастливее правления освобожденных от Верховенства Закона Монархов, их свобода – скорее неволя, скорее (так скажу) сомнительна их безопасность. Здесь же послушность родным законам ведет к Свободе и ничем не замутненному правлению. Короли, правители наши, единственные apertis ostiis sine lanitoribus, sine stipatoribus [с открытыми дверями, без привратников и без охраны] таким великим под солнцем народом править можете, при котором гвардия хотя и поставлена перед Вашими дверями, но по причине уважения к правителю, не из-за сомнений или ненавистного timor [страха]. Невиданны здесь ни ядом зараженные кубки, ни предательские кинжалы (чем похвастаться могут только лишь поляки). Каждый польский король своей собственной умер смертью, при трауре подданных и скорби». Коротко говоря, «что же в таком случае является причиной Вашей свободы? только свобода тех народов, которыми правите, свободны мы – будет пребывать безопасность при этом величии свободного правления».

Трудно представить себе публициста более далекого от взглядов Фредро, чем Петр Скарга, однако и он в «Сеймовых проповедях» с одобрением (правда, в вольной форме) цитировал подобную мысль Цицерона: «Избавленные от врагов, пользуемся мы свободой, и будем же своих прирожденных правителей, и справедливых законов, и должностных лиц рабами. Должностные лица и короли – это слуги законов, а судьи – их толкователи, а мы все будем же рабами законов наших, чтобы быть

свободными»¹⁴⁴. Такое совпадение вновь наталкивает на предположение о наличии в польской политической мысли общих теоретических предпосылок, творчески развиваемых публицистами разных ориентаций. Общим местом являются и слова о безопасности польского монарха, часто повторяемые политическими писателями. С одной стороны, нельзя не признать их правоту: действительно, ни один правитель Речи Посполитой не погиб от рук своих подданных, и немалая заслуга в этом принадлежит именно польскому государственному устройству. С другой стороны, вряд ли Ян Казимир всерьез воспринял уверения в своей безопасности, помня о единственном в своем роде покушении на его отца, Сигизмунда III, избежавшего смерти в значительной степени благодаря королевичу Владиславу¹⁴⁵.

Итак, благодаря законопослушности польских королей, им удается избегать цареубийства. В этих словах, однако, слышится не только восхищение устройством Речи Посполитой, но и предостережение Яну Казимиру, уже успевшему некоторыми своими действиями (например, попыткой обойти принцип пожизненности должностей или торговлей ими¹⁴⁶) вызвать неодобрение части шляхты. Трудно, однако, увидеть здесь и угрозу, нехарактерную для Фредро, скорее – благожелательное напоминание, о котором свидетельствует и сравнение Речи Посполитой с матерью, отбирающей опасную игрушку у ребенка: «Подобным образом поступила эта Речь Посполита, Великая Мать, с королями, как с сыновьями своими, когда им *absoluta potestatis ferrum* [орудие абсолютной власти] (на которой жаждущие правления монархи настаивают *curiosius, quam tutius* [старательнее, чем на безопасности]) вынув из руки, *mollius et discretum regimen* [более мягкое и разделенное управление] власть сладкой щедрости и величие подала взамен, чтобы народу, поверенному им Богом, увлекшись какой-либо ложной страстью, причинить вреда не могли, и таким образом,

---

¹⁴⁴ Skarga P. Op. cit. S. 124.

¹⁴⁵ О покушении и традиционных представлениях о королевской безопасности см., напр.: Ochmann-Staniszevska S. *Dynastia Wazów w Polsce*. Warszawa: PWN, 2006. S. 44-45.

¹⁴⁶ См., напр.: Markiewicz M. Op. cit. S. 508.

из-за раздражения народов, не уготовили бы себе какой опасности»¹⁴⁷. Кроме идеи ограничения королевской власти законом, здесь упоминаются и такие функции монарха, как вознаграждение граждан согласно их заслугам («власть сладкой щедрости»), к которой Фредро еще вернется на этом сейме, а также олицетворения величия Речи Посполитой (что перекликается с уже упомянутыми словами на элекционном сейме 1648 года). Вместе с тем, стоит отметить, что Фредро избегал (возможно, ввиду дипломатичности) категоричных формулировок, подобных той, которую озвучил на данном сейме серадзский мечник Стефан Замойский: «у нас *lex regnat, non rex* [закон правит, не король]», за которую маршал был вынужден принести извинения королю от лица посольской избы¹⁴⁸.

Со своей стороны, согласно Фредро, подданные должны подчиняться своему королю, что прямо выводится им из элекции *virutum*: «... как некто, превознося счастье свободно избираемого царствования над тяжким наследованием, говорил: «*Conferre ad securitatem imperantium, et obtemperantium constantiam, Regem per omnes eligi, bonos namque, malosve elegerint, non aliis, sed sibi imputari, et sine murmure quemque, laturi* [Для обеспечения старшинства и послушания подданных кажется правильным, чтобы все принимали участие в избрании короля, т.к. выберут ли хорошего или плохого – никого другого, только себя имея возможность в этом винить, беспрекословно слушать его будут]»¹⁴⁹. Взамен подданные вправе ожидать от короля соблюдения их интересов: «Поскольку так милостивым поступком Речи Посполитой короли, правители наши, хорошо обеспечены, что, как я уже сказал, меч верховной власти нам в ущерб (простите мне, Ваше

---

¹⁴⁷ Теодор Моравский ошибочно приписывает этому фрагменту речи защиту Радзеевского: Morawski T. *Dzieje narodu Polskiego w krótkości zebrane*. Tom III. Poznań: Nakładem Księgarni Jana Konstantego Żupańskiego, 1877. S. 472.

¹⁴⁸ Этот инцидент также был описан Владиславом Чаплиньским в монографии сейма: Czapliński W. *Dwa sejmy w roku 1652*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 110-113.

¹⁴⁹ Данная цитата принадлежит самому Фредро и является фрагментом находящейся в печати «Истории поляков в правление Генриха Валуа»: Fredro A.M. *Gestorum Populi Poloni sub Henrico Valesio. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652*. S.41. Интересно, что Фредро не считал нужным говорить здесь от своего имени, приводя еще не известную слушателям цитату под авторством «некто». Возможно, подобная ссылка призвана была повысить авторитетность суждения. О сроках выхода труда см.: Skrzydyłka W. *Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski*. Rok 3, tom 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 334, примечание 2.

Королевское Величество, что я говорю) использовать не можете. Чего же тогда, кроме как *meos amores* [чистой любви] от нас ожидаете? которая является наипрекраснейшим, наисчастливейшим и – добавлю – редко встречаемым украшением королевского величия».

Любопытно, что Фредро не выделяет источник королевской власти: «Наш Милостивый Король, или Небом, или природой, или каким-либо скрытым верховенством закона установлено это *reciprocus ordo* [взаимное соглашение], что свободными народами Вы свободно правите, а *multos timeat necesse est, quem multi timent, timent vero absolutum* [многих должен опасаться тот, кого опасаются многие, опасаются абсолютной власти – необозначенная дополненная цитата Децима Лаберия о Юлии Цезаре]». Отметим, что происхождение власти, по-видимому, не интересовало Фредро, в отличие от таких его современников как Лукаш Опалиньский и Арон Александр Олизаровский. Это может свидетельствовать об интересе Фредро, прежде всего, к практической, а не теоретической стороне государственной деятельности, о политической практике как основном источнике его политических представлений, что вступает в противоречие с восприятием львовского каштеляна в позитивистской историографии как доктринера и теоретика.

Затрагивает Фредро и вопрос наследования, который особенно обострится к началу 60-х гг. в связи с планами двора по реформе элекции¹⁵⁰. В отличие от элекции *vivente rege*, которая станет главным постулатом регалистов после «потопа», Фредро придерживается традиционного подхода к вопросу избрания сына монарха: «хотя у нас *Jus et Libertas Populorum eligit* [право и свобода народов избирают], но доблесть правящего *haereditat* [наследуется], когда заслужив чуткой опекой любовь этого народа, оставляют своим потомкам правление, которое выше наивернейшего наследования безусловной любовью народов».

---

¹⁵⁰ См., напр.: Markiewicz M. *Op. cit.* S. 543-546; Ochmann-Staniszevska S. *Dynastia Wazów w Polsce*. Warszawa: PWN, 2006. S. 98-100.

Мимоходом маршал приводит очередной аргумент в пользу распределения власти между королем и сеймом – невозможность решения всех государственных вопросов в одиночку: «Не так у нас происходит, как кто-то где-то непрерывно на правителя все сваливал, говоря: «*Omnium somnos eius vigilantia defendit, omnium quietem illius labor*» [«Его бдительность охраняет сон всех людей, для досуга всех – его работа» – необозначенная цитата из «Утешения к Полибию» Сенеки]. Этот аргумент также перекликается с Генриковыми артикулами: «Точно известно, что одна королевская особа не может справиться с со всеми делами так великих государств этого королевства, в результате чего Корона могла бы попасть в анархию и опасность...»¹⁵¹ Такая близость духу Генриковых артикулов была вызвана как общим апологетическим настроем речи Фредро по отношению к устройству, выраженному в артикулах, так, возможно, и недавно завершённой работой над «Историей поляков в правление Генриха Валуа», в которой автор уделяет значительное внимание документу 1573 года.

Еще одна важная функция монарха, согласно Фредро, – служить примером и образцом для своих подданных: «Совершаете Вы уже это, Ваше Королевское Величество, притягивая к себе сердца этих свободных народов, когда чутко как милый отец о своих детках заботясь *in Toga* [в тоге, тога – символ гражданских доблестей], когда *in Sago* [в сагуме – воинском плаще], почти свое величие правителя принижая, несли в военные ряды свою королевскую голову; <...> таким Ваше Королевское Величество правишь народом, который, подобен полированному мрамору или лежащим напротив зеркалам, изображающим цвета – так и он изображает правителей своих здоровые порывы усердия; или же, скажем, желает изображать на себе все прекрасные дела *pacis et belli* [мира и войны]». Отметим, что пример, который приводит Фредро, – опять же военный, все та же победа под Берестечком. Между тем, более важным кажется то, что король в таком представлении действительно несколько «снисходит» с позиции монарха до

---

¹⁵¹ Godek S., Wilczek-Karczewska M. Op. cit. S. 94-95.

роли образцового «первого гражданина». Впрочем, впечатление это спешно компенсируется: «Ваше Королевское Величество имеет в распоряжении нас, сынов этой Отчизны, ко всему готовых, но как доброму по природе коню мудрый всадник на ходу прибавляет духа, понукая его поводьями, рукой, голосом, так Ваше Королевское Величество, будучи нашим главой, и рачительно заботясь о нас при величии Господа, с той же рачительностью содействуешь спасению Отчизны или советом, или мановением руки».

С другой стороны, несколько иное звучание приобретает данная функция в характеристиках польских королей, приводимых Фредро: так, сравнивая Сигизмунда I Старого («король, великий в мире и на войне») и Сигизмунда II Августа („*luxu privato, plerumquae agens Principem*” [стремился государь, по большей части, к собственной роскоши]), Фредро отмечает, что их качества (в первом случае – положительные, во втором – отрицательные) передавались их подданным. Здесь же он цитирует (не называя источник) «Политику» Юста Липсия: «как при появлении или уходе высокого солнца на этом горизонте делается темно или светло, *sic a Principe apud subditos prava plerumque, aut recta* [таковы наилучшие и наихудшие деяния государя для его подданных]... *Ad virtutem Princeps praeit? sequimur. ad vita? inclinamus. Bene beateque agit? floremus. improspere? ruimus, aut labimur cum illo*” [Ведет ли государь к добродетели? Мы следуем за ним. К греху? Мы оступаемся. Исполняет ли он свои обязанности хорошо и успешно? Процветаем. Плохо? Слабеем и гибнем вместе с ним]. Таким образом монарх не просто должен быть образцом для подражания, но уже им является по факту занятия престола. Согласно этой логике, его личные качества непосредственным образом влияют как на состояние подданных, так, в конечном итоге, и на состояние государства. Такое понимание, однако, не так уж далеко от отождествления монарха и государства. И хотя Фредро, безусловно, совсем не близки подобные выводы, он не боится согласиться с постулатом регалиста Липсия, если считает его верным, что, опять же, по нашему мнению, свидетельствует против представления о Фредро как о догматике.

Отметим, что если прежде в своей речи маршал посвятил много внимания тем ограничениям, которые Речь Посполита накладывает на своих королей, то данный пассаж был направлен на утверждение одновременно и их могущества, и их ответственности. Видимо, именно такое сочетание и привлекло Фредро в приведенном отрывке. Впрочем, регалистские взгляды Липсия, что надо подчеркнуть, никогда не мешали польским политическим публицистам обращаться к его трудам¹⁵².

Отметим, что поражения в первых битвах восстания Фредро приписывает уже не королю, а гордыне поляков (вспомним его обращение к казакам, которых маршал назовет наказанием для Речи Посполитой), которым Бог таким образом напоминает о преходящем характере их (как и любого другого) государства: «эту мысль милостивый Бог не смертью же самой, но тяжелой Речи Посполитой раной начал исправлять, давая знать, что и слава этого народа, и сама Речь Посполита когда-нибудь должна будет, когда Богу это будет угодно, (*sed utinam sero*) *mortalis* [(в конце концов) погибнуть]». Может показаться, что Фредро избавляет короля от ответственности за поражения, однако впадение в гордыню и убеждение в собственной непобедимости маршал приписывает всем гражданам, не оговаривая при этом исключение из числа ответственных за ситуацию в государстве и самого монарха.

В завершение своей речи Фредро, просит у короля разрешения поцеловать его руку, так объясняя свою просьбу: «когда наши правители призывают нас к целованию своей руки, как бы давая знать возобновлением некоего соглашения или, скорее, примирения правителя с подданными, что если бы в постановлении Речи Посполитой *inter summum Dominium et summam Libertatem* [между верховной властью и верховной свободой] как *inter duo contraria* [между двумя противоположностями] легко ужасные в

---

¹⁵² См., напр.: Augustyniak U. *Wazowie i „królowie rodacy”*. Studium władzy królewskiej w Rzeczypospolitej XVII wieku. Warszawa: Semper, 1999. S. 22, 26-27. Подробнее о польских переводах Юста Липсия и их восприятии в Польше: Dąbkowska-Kujko J. *Justus Lipsjusz i dawne przekłady jego dzieł na język polski*. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010.

сердцах могли бы разгореться igniculi [пожары], антипатии, как будто, говорю, поданием Вашей руки hoc federe abluantur [этот пакт обновлялся], оставляя в святом для спасения Отчизны единстве». Таким образом, для Фредро верховная (королевская) власть и верховная свобода (выражением которой является участие шляхты в управлении государством), т.е. «монархический» и «народный» элементы устройства Речи Посполитой, будучи друг другу противопоставленными и находящимися в естественном противоборстве, вместе с тем являются одинаково неотъемлемыми и уравнивающими устройство польско-литовского государства, что вполне отвечало распространенным представлениям о Речи Посполитой как «смешанной монархии». Для сохранения этого равновесия необходимы, однако, добрая воля и взаимное доверие.

Одной из обозначенных в своей приветственной речи функций монарха – а именно, распределению должностей – Фредро посвятил в свою речь 31 января¹⁵³. Отметив в начале речи, что без перспективы вознаграждения подданство становится невыносимым («страшно бы было, если бы иногда милостиво не исходили погодные лучи щедрости, а только угрозы, страх, громы и молнии на милых подданных с этого спадали престола»), указав на то, что раздача вакансий усиливает лояльность монарху («из чего королевского престола крепчайшие возводились бы опоры, то есть ех атоги Civium [из любви граждан]»), маршал подчеркивает, что, в отличие от абсолютных монархий, в которых основную роль играет протекция, Речь Посполита дает возможность своим королям выбрать для награждения наиболее достойных благодаря сеймам (примером здесь служит карьера Яна Замойского при Стефане Батории). Владислав Чаплинский язвительно отмечает, что «будущий защитник утопически понимаемой шляхетской демократии рисовал перед избой какую-то идиллическую картину королевского величия, держащего в своих руках должности и владения как

---

¹⁵³ Przez tegosz: Wspomnienie się Vacantyi v Krola Iego Męci. Na tymże Seymie. Imieniem Poselskiej Izby // Glinka F. Op. cit. S. 166-171; Tenże upominając się o rozdanie Wakansow na tymże Seymie // Ostrowski-Daneykowicz J. Op. cit. S. 16-17.

награды для благородных и стимул для нерешительных»¹⁵⁴. Не обошел вниманием исследователь и тот факт, что Фредро предлагает назначать на должности не только магнатов, но и рядовых шляхтичей («а кто не из господ, достаточно того, милостивый король, что шляхтич»). Чаплинский объясняет этот факт тем, что Фредро «тогда еще солидаризировался со шляхтой» и «несомненно, выражал желания широких шляхетских кругов и не отдавал себе отчета в том, что не так воображали себе магнаты упорядочивание раздачи должностей». Трудно, однако, представить, что маршал сейма не ориентировался в целях и стремлениях магнатских группировок. В свою очередь, «солидарность со шляхтой» оказывается при ближайшем рассмотрении, скорее, приверженностью к внутрисословному равенству, характерному для Фредро на протяжении всей его политической и публицистической деятельности.

Наиболее интересным, однако, представляется то, что Фредро в раздаче должностей видит не только поощрительную роль монарха, награждающего уже заслуженных граждан, но и стимулирующую, когда король дарует должности и владения еще не отличившимся подданным: по его мнению, такие пожалования «ленивых из глубокого безделья подвигают к услугам Речи Посполитой». Здесь король, как и в предыдущей речи, выступает как вдохновитель и, в определенной степени, «воспитатель» для своих подданных, что может проявляться как в демонстрации примеров гражданских добродетелей или мужества на поле битвы, так и в их поощрении и стимулировании. Таким образом «распределительная» функция короля гармонично смыкается с военной, создавая целостный портрет идеального монарха. Неслучайно в этой речи вновь появляется уже знакомое по Юсту Липсию сравнение короля с солнцем («как солнце в глубокой земле богатые минералы, так и Ваше Королевское Величество из всего produces [создаешь] наилучшее»). Заметим, что для Яна Казимира, пытавшегося создать придворную партию, такой совет был вполне актуален, так как

---

¹⁵⁴ Czapliński W. Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 83.

открывал широкое поле для назначения своих преданных, но еще не отличившихся сторонников на государственные посты. Однако, по иронии судьбы, именно сейм 1652 года должен был рассмотреть дело опального бывшего королевского любимца Иеронима Радзеевского, являвшееся живой иллюстрацией провала такой политики¹⁵⁵.

Важность распределения королем должностей особенно акцентируется Фредро в его нападении о еще не розданных вакансиях риторическим восклицанием¹⁵⁶: «А что же могло достаться от милостивого неба этому престолу, на котором Ваше Королевское Величество заседаешь, прекраснейшего, чем, обладая *potestatis* [властью] на земле как *Vicariam Dei* [викарий Господа], так многих сынов Отчизны по щедрости своей Ваше Королевское величество насытить может хлебом». Исключительность права монарха распределять должности была подчеркнута также и в ходе заседаний сейма во время обсуждения вопроса назначения гетмана: несмотря на просьбы посольской избы, высказанные Фредро, не назначать нового гетмана до определения избой срока его полномочий, великий коронный канцлер Анджей Лещинский решительно возразил, что король не связан в этом вопросе никакими законодательными нормами, с чем маршал был вынужден согласиться¹⁵⁷.

Итак, мы рассмотрели сеймовые речи Анджея Максимилиана Фредро 1648 и 1652 годов, посвященные польским монархам и их власти. Какой же образ вырисовывается из первых публичных выступлений будущего львовского каштеляна? Важным представляется здесь, прежде всего, то, что для Фредро король является воплощением и гарантом государственного порядка, общественного согласия и гражданского единства (отсюда – негативное отношение к бескорольевым, характерное для Фредро на всех

---

¹⁵⁵ См.: Kersten A. Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PAN, 1988.

¹⁵⁶ Przez tegosz. Upomnienie się powtorne Wakansow ieszcze nie oddanych. Imieniem Poselskiej Izby // Glinka F. Op. cit. S. 171-172; Przez tegosz upomnienie się powtorne Wakansow ieszcze nie oddanych Imieniem Poselskiej Izby // Ostrowski-Daneykowicz J. Op. cit. S. 18.

¹⁵⁷ Czaplński W. Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 83-84.

этапах его публицистической деятельности, и призывы к скорейшему избранию монарха). Вместе с тем, две важнейшие функции, которым наш оратор уделяет наибольшее внимание, – военная и распределительная. При этом военная функция является двойкой: во-первых, это функция полководца, укорененная в традиции (упоминания об Александре Македонском, победах Болеслава Кривоустого и Владислава Ягелло и т.д.), но также весьма актуальная в существующих обстоятельствах (победы Владислава IV под Хотинем и Смоленском, а в особенности – Яна Казимира под Берестечком). Во-вторых, это функция воина, подающего своим согражданам пример мужества и военного искусства (здесь также как образец выступает Ян Казимир в битве с казаками). Реальным кажется предположение, что эта «подфункция» имеет свои истоки не столько в традиции или актуальных событиях, сколько в политической теории Речи Посполитой, в которой король выступает своего рода «первым гражданином», вдохновляющим своих не столько подданных, сколько сограждан. Столь же двойкой представляется и функция распределения должностей. С одной стороны, возможность получения должности должна служить стимулом для граждан Речи Посполитой, т.е. король выступает своеобразным источником гражданских добродетелей. С другой стороны, распределение должностей является традиционной королевской привилегией (что также подчеркивается маршалом).

Описывая положение польского монарха (роль медиатора, безопасность, необходимость вольной элекции *virutum*, гармонию между монархом и его подданными) Фредро, что неудивительно для автора официальных приветственных речей, опирается на уже сформированный как нормативными документами (Генриковыми артикулами), так и его предшественниками-публицистами (Скарга, Старовольский и др.) политический дискурс. При этом он объединяет гражданские и монархические, традиционные и актуальные, теоретические и практические элементы. Вернувшись к вопросам, поставленным в начале, можно отметить,

что на речи Фредро влияли и текущие события, которым он уделяет наибольшее внимание, и традиция, выражающаяся в обращении к историческим примерам и в скрытых цитатах, прежде всего, античных авторов, и политическая теория Речи Посполитой. Что же касается соотношения между чертами конкретных королей и идеального монарха, можно утверждать, что положительные качества Владислава IV и Яна Казимира служат в речах Фредро иллюстрацией представлений об идеальном короле. Кажется, что речи, вызванные конкретными историческими событиями, вышли за их пределы и выражали взгляды Анджея Максимилиана и в более поздние периоды его деятельности, о чем свидетельствует их издание в составе «Сада единорогов» почти два десятка лет после их произнесения.

Глава 3. «История поляков в правление Генриха Валуа» (1652)

В то самое время, когда Фредро вел беспокойные заседания сейма 1652 года, в гданьской типографии Георга Ферстера печатался его первый большой труд – «История поляков в правление Генриха Валуа, короля польского, затем французского»¹⁵⁸, который Фредро писал в течение нескольких лет. Согласно замыслу, изложенному в предисловии, работа должна была стать первой частью истории Речи Посполитой при пяти выборных королях, однако замысел этот так и не был реализован. Между тем, это не помешало Фредро получить славу «польского Тацита», а сам труд вскоре дождался переизданий в Гданьске в 1659 и 1660 годах, а в 1698 г. вышел в составе сборника Фредро в Амстердаме¹⁵⁹. Последним на данный момент изданием является перевод «Истории» на польский язык, вышедший в 1855 году из-под пера Владислава Сырокомли¹⁶⁰.

Прежде чем обратиться к тексту «Истории», проследим, каким образом воспринимался исторический труд нашего автора на протяжении веков. Вплоть до середины XIX века работа Фредро удостоивалась лишь общих похвал. Так, Ян Брожек в согласии на публикацию труда указывал, что «История» «написана с особым благоразумием и в изысканном стиле»¹⁶¹, а ректор Краковской академии Якуб из Устья утверждал: «Необходимо или так излагать историю, или не излагать ее вообще»¹⁶². Анонимный пиар, автор предисловия к изданию «Необходимых размышлений о военном порядке и посполитом рушении» 1798 года, также считал, что Фредро «историю нашего народа от смерти Сигизмунда Августа, то есть от 1572 до 1576 года, прекрасно и точно описал»¹⁶³. Казимир Бродзинский назвал труд

---

¹⁵⁸ Fredro A.M. *Gestorum Populi Poloni sub Henrico Valesio. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652.*

¹⁵⁹ Barycz H. *Barok // Historia nauki polskiej. Tom II. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1970. S. 168.*

¹⁶⁰ Fredro J.M. *Dzieje narodu polskiego pod Henrykiem Walezyuszem, królem polskim a potem francuskim. Petersburg, Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1855.*

¹⁶¹ Fredro A.M. *Gestorum Populi Poloni sub Henrico Valesio. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652.*

¹⁶² Skrzydyłka W. *Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 333.*

¹⁶³ *Życie Andrzeia Maxymiliana Fredra // Andrzeia Maxymiliana Fredra, kasztelana lwowskiego, Potrzebne konsyderacye około porządku woiennego i pospolitego ruszenia... Warszawa: U XX. Sebolatum Piarum, 1789.*

«уважаемой, прекрасным стилем написанной историей Генриха Валуа»¹⁶⁴, точно в таких же выражениях отзывался о нем Игнацы Ходыницкий¹⁶⁵. Казимир Вуйчицкий в своей энциклопедической статье также высоко оценивал способности Фредро как историка¹⁶⁶.

Первый содержательный отзыв на «Историю» представляет собой предисловие от переводчика, написанное Владиславом Сырокомлей в 1855 году. Сырокомля отмечает, что «будучи только отрывком [речь идет о плане написания истории до начала правления Яна Казимира], работа эта не может подвергаться строгой критике, так как автор, хотя и хорошо понимающий предназначение историописца, не мог в так малом объеме продемонстрировать свой талант историка»¹⁶⁷. Вместе с тем, Сырокомля указывает, что история недолгого правления Генриха Валуа представляет для Фредро интерес не столько сама по себе, но как источник размышлений о современной Речи Посполитой: «хотя хорошо знающий недостатки своего общества, хотя понимающий источник политического несчастья, в которое была погружена при нем Польша, Фредро, страстный сторонник духа отечественных законов, боится противиться своеволию, чтобы, борясь с ним, не впасть в другую крайность. Не помня, что живет в эпоху свободных обычаев, избытка и крайних свобод, желает, как Катон, загнать Польшу в границы первоначального сурового республиканизма, но и как Катон, безрезультатно напрягает грудь, крича против ветра, летящего в ином направлении». Отметим, что само желание вернуться к первоначальным «старопольским обычаям» не является для польской публицистики новостью: о необходимости возвращения к идеалам прошлого особенно ярко писал Шимон Старовольский («чтобы славных нравов старопольских

---

¹⁶⁴ Brodziński K. Pisma. Tom IV. Poznań, 1872. S. 146.

¹⁶⁵ Chodynicki I. Dykcyjonarz uczonych Polaków. Tom I. Lwow, 1833. S. 147.

¹⁶⁶ Wójcicki K. Fredro // Encyklopedia Powszechna Orgelbranda. T. IX. Warszawa: Nakład, druk i własność S. Orgelbranda, 1862. S. 300.

¹⁶⁷ Syrokomla W. Od tłumacza // Jędrzeja Maksymiliana Fredro, Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyszem, królem Polskim a potem Francuzkim. Petersburg i Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycyego Wolffa, 1855. S. III.

придерживались, а новых, вредных и своевольных, остерегались...»¹⁶⁸). Подобные призывы, характерные и для Фредро, интересны тем, что взгляды этих двух публицистов диаметрально противоположны: значительная часть «Реформации польских нравов» Старовольского посвящена именно обличению «избытка и крайних свобод». Таким образом, призывы к возрождению старых нравов являлись, скорее, риторической фигурой, в само же понятие «старопольских обычаев» каждый публицист вкладывал свое понимание.

Между тем, хотя в более поздних своих трудах Фредро действительно будет обращать пристальное внимание на возвращение к старым обычаям Речи Посполитой, удивительно, что Сырокомля находит подобные призывы именно в «Истории», в тексте которой прямые отсылки к современному Фредро положению дел весьма редки. Наш автор в данном труде не стремился проводить явных параллелей с текущими событиями, но старался, скорее, продемонстрировать совершенство государственного устройства Речи Посполитой даже в такой нелегкий период, которым являлись первые бескоролья.

Согласно Сырокомле, «Фредро является историком-моралистом, а его книга – скорее размышлением, чем описанием». Переводчик, однако, подчеркивает такие особенности труда Фредро, как стремление автора представить точки зрения разных деятелей политической сцены Речи Посполитой (будучи уверенным, что все они действуют с наилучшими намерениями, даже если их действия вредны), сравнение их аргументации, внимание к историческим источникам, веротерпимость при одновременной горячей приверженности католическому вероисповеданию. Трудно здесь не согласиться с Сырокомлей. Отметим, пожалуй, стоит лишь то, что далеко не всегда высказывания и целые речи атрибутируются Фредро, зачастую как источник упоминается, например, «анонимный сенатор», иногда Фредро

---

¹⁶⁸ Starowolski S. Reformacja obyczajów polskich. Kraków: Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1859. S.6.

указывает функцию автора речи или письма, не называя его по имени. Это свидетельствует о стремлении Фредро показать столкновение не политиков или стоящих за ними группировок, но мнений о путях и способах решения проблем в Речи Посполитой, в значительной мере (хотя и не всегда) абстрагируясь от политической борьбы эпохи первых бескоролевий.

Те же особенности отмечал в «Истории» (критикуя при этом перевод Сырокомли) и Владислав Скшидылька, добавляя: «Горячей и постоянной любовью к Родине, любовью к тому, что оставили в наследство праотцы и что было старопольским, что происходило из самой сущности народа, что происходило из особого характера нашего народа и ему совершенно соответствовало, любовью, словом, к Речи Посполитой, дышит здесь каждое замечание, которое появляется при рассказе или речах или сенаторских и королевских письмах, т.к. Фредро не писал этот труд как ученый, но рассматривая вещи с практической стороны и применяя их к главной цели, т.е. благу Речи Посполитой»¹⁶⁹. По наблюдению Скшидыльки, «в основном, занимают Фредро в этой работе два вопроса: военное дело и выборы короля вместе со всеми законами и уставами, к ним относящимися»¹⁷⁰. Как уже отмечалось, привязанность к старопольским обычаям не была отличительной чертой Фредро. Однако его приверженность политическим идеалам Речи Посполитой, с таким пониманием отмечаемая Скшидылькой, уже совсем скоро начнет восприниматься как воплощение сарматизма и обскурантизма, что неизбежным образом отразится и на восприятии его исторического труда.

Рассматривая восприятие литературы XVII века в трудах позитивистов во второй половине века XIX, Катажина Шевчик-Хааке справедливо отмечает, что «явление, характеризующее позитивистскую рефлексию над барочной литературой, заключается в трактовке этой литературы в

---

¹⁶⁹ Skrzydyłka W. Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy) // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 6. Lwów, 1873. S. 430-431.

¹⁷⁰ Skrzydyłka W. Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy) // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 7. Lwów, 1873. S. 513.

категориях эмоций и ресентимента, однозначном помещении ее в исторический порядок, предзнаменовывающий потерю свободы»¹⁷¹. Видимо, именно по этой причине позитивисты не увидели в «Истории» памятника отечественной историографии, предпочитая критиковать автора и его произведение за апологию устройства Речи Посполитой, которому большинство позитивистов приписывали решающую роль в падении польско-литовского государства.

В это же время в исторических сочинениях меркнет образ и самого Фредро. Так, Леслав Лукашевич, повторяя замечания своих предшественников о прекрасном стиле, отмечает излишнюю дотошность автора¹⁷². В свою очередь, Александр Зданович категорично утверждает, что «работа эта, при стольких других на эту тему, представляет небольшую ценность»¹⁷³. Столь же скептичен был в своем эссе о Фредро Станислав Тарновский: «Плохой и бесполезной эта книга не является, можно из нее кое-то узнать, но есть и другие, из которых можно узнать значительно больше <...> Т.к. история Фредро небогата подробностями, слаба в анализе и выводах, нет в ней проку и смысла в ее существовании»¹⁷⁴. Исключительно как апологию существующего устройства Речи Посполитой воспринимал «Историю» Теодор Моравский, игнорируя ее ценность как исторического произведения¹⁷⁵. Целью ее написания, согласно Михалу Бобжиньскому, было «губительную теорию шляхетской свободы <...> освежить и ярчайшим образом развить»¹⁷⁶, а по Петру Хмелевскому – «получить историческое обоснование для шляхетских привилегий, ограничивающих королевскую

---

¹⁷¹ Szewczyk-Haake K. „Czasy ginącego piękna”: Pozytywistycznej historii literatury kłopoty z barokiem // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka*, nr 19 (39), 2012. S. 34.

¹⁷² Łukaszewicz L. *Rys dziejów piśmiennictwa polskiego*. Poznań: Nakładem i czcionkami N. Kamieńskiego i Spółki, 1860. S. 293.

¹⁷³ Zdanowicz A. *Rys Dziejów Literatury Polskiej. Tom I*. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1874. S. 739.

¹⁷⁴ Tarnowski S. *Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. Tom IV*. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 195, 199.

¹⁷⁵ Morawski T. *Dzieje narodu Polskiego w krótkości zebrane. Tom III*. Poznań: Nakładem Księgarni Jana Konstantego Żupańskiego, 1877. S. 567.

¹⁷⁶ Bobrzyński M. *Dzieje Polski w zarysie. Tom 2*. Kraków: Nakład G. Gebethnera i Spółki, 1890. S. 242-243.

власть»¹⁷⁷. Крайне неудачным исторический труд Фредро считал Александр Брюкнер¹⁷⁸, а Казимир Круль и Ян Нитовский называли «Историю» «работой небольшой ценности <...>, окрашенной взглядами в духе шляхетского всевластия»¹⁷⁹.

Исследователи второй половины XX – начала XXI века были более снисходительны к «Истории». Так, выдающийся знаток польской историографии Анджей Грабский назвал ее (наряду с трудом Шимона Старовольского о Сигизмунде I) одной из двух польских исторических монографий, написанных в XVII веке¹⁸⁰. Тадеуш Беньковский признавал, что «"История" Фредро – это, в равной мере, историческая монография небольшого отрезка истории Польши, которым было правление Валуа, как и политический трактат, заключающий собственные взгляды автора на экономику, общественную ситуацию и международное положение Польши. Фредро принадлежал к небольшому числу наших писателей, которые старались наследовать Тациту в стиле и композиции произведения, объединяя изложение исторических событий с замечаниями о текущей ситуации»¹⁸¹. Беньковский, таким образом, значительно ближе, чем его предшественники, подошел к объяснению мотивов, которыми руководствовался Фредро при написании «Истории», и продемонстрировал более глубокое понимание контекста эпохи, в которую создавался данный исторический труд.

Соглашается с Беньковским в своей монографии о львовском каштеляне Збигнев Рындух¹⁸², добавляя, что «Фредро, изображая далекие времена, является писателем в большей степени политическим по отношению к современности»¹⁸³. Похожее мнение высказывал Ханс-Юрген

---

¹⁷⁷ Chmielowski P. Historia literatury polskiej. Tom II. Warszawa: Drukarnia Granowskiego i Sikorskiego, 1899. S. 80.

¹⁷⁸ Brückner A. Dzieje literatury polskiej w zarysie. Tom I. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1908. S. 261.

¹⁷⁹ Król K., Nitowski J. Historia literatury polskiej. Warszawa: Nakładem i drukiem M. Arcta, 1906. S. 153.

¹⁸⁰ Grabski A. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. S. 49.

¹⁸¹ Bieńkowski T. Proza polsko-łacińska 1450-1750 // Problemy literatury staropolskiej. Seria 2. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. S. 153.

¹⁸² Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 31.

¹⁸³ Ibid. S. 48.

Бемельбург: «Фредро развивал свою политическую концепцию на базе знаний об отечественной истории, которую считал необходимой для современных политиков»¹⁸⁴. Значение «Истории» в наследии Фредро отметил во вступительной статье к изданию «Фрагментов писем» Марек Трач-Трынецкий: «Фредро [в «Истории»] часто комментирует исход политических споров, указывая на их современные импликации. Здесь представил присутствующие в его дальнейшем творчестве темы, например, значение единства и согласия для существования республики, позиция короля в устройстве Речи Посполитой, угрозы, исходящие от элекции *vivente rege*, вопрос избрания иностранного кандидата и потенциальные опасности, связанные с выбором короля-соотечественника». Исследователь также отмечает, что Фредро, «описывая со стороны дебатов над политическим устройством ключевой момент формирования Речи Посполитой, хотел, прежде всего, показать современникам природу и характер этого государства»¹⁸⁵. Спорным, однако, кажется утверждение Трач-Трынецкого, что «по этой причине, похоже, неудачной является критика исторического профессионализма Фредро, произведенная Станиславом Тарновским, т.к. «История» не должна была быть, по замыслу Фредро, работой чисто исторической»¹⁸⁶. Чем же для Фредро была «История» как труд и история как наука?

Как отметил еще Збигнев Рындух¹⁸⁷, о наличии политических мотивов у Фредро мы можем догадаться уже из его собственного предисловия: «Ясно можно видеть, какой большой ущерб наносится замалчиваемым добродетелям, народам, которые славных или ошибочных действий своих предков не зная, не имеют перед глазами примеров, чему следовать, чего избегать, согласно чему исправлять Речь Посполиту. История – великая учительница потомков. <...> Из неосознанности прошлых ошибок следует,

---

¹⁸⁴ Bömelburg H.-J. Polska myśl historyczna a humanistyczna historia narodowa (1500-1700). Kraków: Universitas, 2011. S. 491-492.

¹⁸⁵ Tracz-Tryniecki M. Wstęp // Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 33-34.

¹⁸⁶ Ibid. S. 34, примечание 1.

¹⁸⁷ Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 26-27.

что не раз, как плохие врачи, даем неверные советы больной Речи Посполитой». Далее Фредро впрямую говорит о целях своей работы: «Пусть растет интерес к познанию дел предков, а, обученные собственными ошибками, свои дела мудрее устроим. <...> Буду говорить о делах польского народа, об ошибках и заслугах каждого в Речи Посполитой, все имена точно запишу, чтобы каждый живущий увидел свои поступки, чтобы потомки, видя великие имена прадедов, старались уравниваться с ними в добродетелях, а сыновья ленивых поспешили своими заслугами стереть клеймо со своих домов»¹⁸⁸.

Однако из этого же фрагмента вырисовывается видение нашим автором функции истории – служить уроком потомкам, таким образом, ее политическая вовлеченность очевидна для Фредро, более того – добросовестная историческая работа, по такой логике, просто обязана влиять на текущую политику. Фредро не увидел бы противоречия в определении своего труда одновременно как исторического исследования и политического трактата.

Такое восприятие истории Фредро выразит позже и в «Поговорках разговорного языка»: «Книги ума добавляют, но рассудок отличается большей мудростью. История, однако, – мать доброго разума, читать необходимо как собственную, так и чужую. А именно старых историописцев – Тацита, Ливия, Саллюстия, Юлия Цезаря, Курция, Коммина, при этом Страду, Гвиччардини, Джовио (который не тонкостью письма, но многим нам полезным вещам учит), Грамона, также нашего Кромера, Длугоша, Ожеховского, Ваповского, Гейденштейна и других – Фредро, Пясецкого, Лубиньского, Соликовского, Петриция. <...> Знать чужое – интересно, свое – необходимо. Поэтому и появились помыслы, которые, рассматривая вещи согласно концепциям скорее, чем в согласии с польской натурой, больше мешают, чем помогают. <...> Прекраснее Ливий, но нам нужнее Кромер или

---

¹⁸⁸ Fredro A. M. *Gestorum Populi Poloni sub Henrico Valesio*. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652. S. 2. См. также: Fredro J. M. *Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyszem, Królem Polskim, potem Francuskim*. Petersburg, Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1855. S. IX-XI.

Длугош, утонченнее Тацит, но больше польским делам служит Ожеховский, красноречивей Страда, но в отечественных делах и событиях скорее полякам глаза открывает кто-либо из отечественных писателей...»¹⁸⁹

В этом отрывке особенно заметно понимание истории как науки, прежде всего, практической, необходимой политикам. Интересно, что подобное мнение в значительной степени совпадает с суждениями Никколо Макиавелли из его трактата «Государь»: «государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что – поражения, с тем чтобы одерживать первые и избегать последних. Самое же главное – уподобившись многим великим людям прошлого, принять за образец кого-либо из прославленных и чтимых людей древности и постоянно держать в памяти его подвиги и деяния». Связь Фредро с наследием знаменитого флорентийца становилась до сих пор объектом исследования только в отношении «Политико-нравственных предостережений»¹⁹⁰, однако, без сомнения, «Государь» был известен нашему автору, и вполне мог оказать влияние также и на концепцию истории, излагаемую Фредро, разумеется, с поправкой на реалии Речи Посполитой середины XVII века.

В этом же фрагменте «Поговорок» мы наблюдаем и превосходство практического разума над теоретическими знаниями, и предпочтение отечественной истории, происходящее вовсе не из сарматской мегаломании, а из полезности для управления Речью Посполитой, и упреки по адресу оппонентов, которых Фредро считает теоретиками, не принимающих во внимание политическую практику польско-литовского государства, и

---

¹⁸⁹ Fredro A. M. *Przysłowia Mow Potocznych, albo Przestrogi Obyczajowe, Radne, Woienne*. Kraków: Drukarnia Dziedzicow i Successorow Łukasza Kupisza, 1664. S. 2-3.

¹⁹⁰ См.: Głębińska E. I., Lasocińska E. *Wprowadzenie do lektury // Fredro A. M. Monita Politico-Moralia. Przestrogi Polityczno-Obyczajowe*. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, Stowarzyszenie „Pro Cultura Litteraria”, 1999. S. 8-9; Skrodzki M. *Andrzej Maksymilian Fredro – polski Machiavelli? // Nowożytnicze Zeszyty Historyczne*. Z. 3. "O kształt Europy Środkowo-Wschodniej". Materiały z III Ogólnopolskiej Studenckiej Konferencji Naukowej Historyków Nowożytników. Kraków: Koło Naukowe Historyków Studentów Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011. S. 77-92.

которых в других своих трудах называет «толкователями королевских прав», «мудрствующими любителями новинок»¹⁹¹ и т.д.

Особенно следует отметить внимание Фредро к практической стороне каждого вопроса и нелюбовь к излишнему теоретизированию и неприкладным сферам деятельности. Можно предположить, что именно они нашли свое выражение во фрагменте из «Советника», приводимом Петром Хмелевским как яркий пример схоластики и обскурантизма Фредро¹⁹²: «смешным способом, как в литературном безумии, новые и неизвестные миры на звездах усматривают, больше доверяя своему любопытству и телескопу, чем обычаю и разуму. <...> Если Бог открыл нам существование ангелов над небесными сферами, то для чего бы скрыл существа низшие, разумные или неразумные, если бы такие под небом, на звездах, были, почему бы скрыл их почитание Бога, создателя своего, когда бы это почитание могло бы нам служить примером? <...> Настоящим и единственным рассудком является вера в то, что полезно, других вещей лучше не знать вообще, но любопытство исследования излишних вещей повсеместно так глубокие пустило корни, что сегодня их вырвать уже нельзя, тем более, что какое-то безумие сопровождает эту суету»¹⁹³.

Таким образом, непонимание позитивистами работы Фредро, возникло не потому, что они приняли политический трактат львовского каштеляна за исторический труд (ведь «История» была для Фредро неизбежно и тем, и другим одновременно), но потому, что их понимание задачи историка отличалось от фредровского: Фредро видел ее в политико-моральном наставлении гражданам Речи Посполитой, позитивисты – в объяснении природы событий через описание столкновений и взаимодействий интересов

---

¹⁹¹ См., напр.: Tenże odpowiada Posłom Woyska Koronnego Imieniem Poselskiej Izby // Ostrowski-Daneykowicz J. Op. cit. S. 13; Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 436-437.

¹⁹² Chmielowski P. Historia literatury polskiej. Tom II. Warszawa: Drukarnia Granowskiego i Sikorskiego, 1899. S. 79.

¹⁹³ Fredro A. M. Vir consilii... Leopoli: Typis Collegij S.J., 1730. S. 414-417.

разных общественных групп¹⁹⁴. Нельзя при этом не подчеркнуть, что в своем восприятии истории Фредро был близок европейской гуманистической традиции, для которой были характерны дидактичность, поиск легитимизации существующего порядка вещей в прошлом, понимание истории как источника политической мудрости, особое внимание именно к недавней истории как наиболее практически полезной¹⁹⁵.

Итак, признав, что «История...» является одновременно и научным трудом, и – неизбежно – политическим трактатом, приглядимся внимательнее к тому, как видел Фредро место короля в устройстве Речи Посполитой.

Описывая события 1572-1576 гг., Фредро, что естественно, большое внимание уделяет вопросам бескоролья и процедуре избрания короля. Для нашего автора выборная монархия имеет безусловное преимущество перед наследственной, хотя отдельного четкого обоснования такого предпочтения Фредро не дает – оно было для него абсолютно естественным признаком свободного народа, которым наш автор, безусловно, считал политический народ Речи Посполитой. Однако аргументы в пользу выборности рассеяны по всему труду. Так, говоря о печальной судьбе самого Генриха Валуа, Фредро считает ее наглядным доказательством преимущества выборной монархии: «Отсюда видно, что лучше для монарха быть избранным, чем рожденным на троне; в то время как Польша избранного и отсутствующего монарха ждет с нетерпением, Франция наследственного задерживает среди невзгод и злых интриг. Безопаснее было и для самого Генриха жить в выборном государстве, окруженному почестями и любовью граждан, и умеренно править, чем в самодержавной стране подвергаться стольким

---

¹⁹⁴ Tarnowski S. Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. Tom IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 196-197.

¹⁹⁵ Иванова Ю. В. Историописание итальянского гуманизма // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья в 3-х книгах. Книга 3. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 80-81; Бобкова М.С. Историописание и историческая мысль Западной Европы Позднего Средневековья // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья в 3-х книгах. Книга 3. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 16-17.

опасностям и, в конце концов, быть убитым»¹⁹⁶. Здесь мы наблюдаем уже знакомое нам по сеймовым речам представление о безопасности польских королей, залогом которой является их выборность.

Особенно подчеркивает Фредро значимость принципа *viritim*, т.е. избрания короля при участии всех граждан: «когда приходится избирать короля, шляхта уже не через послов, как на сеймах, но сама лично принимается за дело, считая, что легче можно передать послам сеймовые дела, легче исправить ошибки, допущенные в совете, чем исправить бедствие, которое может возникнуть из-за выбора плохого монарха»¹⁹⁷. Фредро приводит также уже знакомый нам по сеймовым речам довод о послушании граждан Речи Посполитой тому монарху, которого они самостоятельно выберут, «хорошему или плохому»¹⁹⁸. Останавливается он и на вопросе единомыслия при избрании монарха, что кажется особенно сложным во время элекции *viritim*: «У нашего народа надо выбирать короля единогласно, что является вещью совершенно необычной и неслыханной где-то еще. <...> Польша, заботясь о своей свободе, не отдавая судьбы избрания в руки сенаторов или богатых, хотела, чтобы каждый ее гражданин, который является родовитым шляхтичем, имел во время элекции свой голос. Когда некоторые уклонялись от всеобщего согласия, сильнейшие умы советами, просьбами и всеми способами склоняли к единомыслию»¹⁹⁹. Следует подчеркнуть, что это замечание проливает свет также на мнение Фредро о *liberum veto* и границах его применения: безусловно, Фредро был сторонником принципа единогласия, но, по-видимому, не был готов к принятию протеста одного-единственного посла. Таким образом, избрание короля представляется автору важнейшим политическим действием гражданина, не только его – гражданина – правом, но и обязанностью, заключающейся в последующем послушании монарху. В этом контексте

---

¹⁹⁶ Fredro J. M. *Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyszem, Królem Polskim, potem Francuskim*. Petersburg, Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1855. S. 130.

¹⁹⁷ Ibid. S. 19.

¹⁹⁸ Ibid. S. 19.

¹⁹⁹ Ibid. S. 49.

единогласная элекция *viritim* приобретает черты договора между гражданами и избранным монархом, и даже – своеобразной присяги. При этом Фредро не считает нужным уделять внимание происхождению элекции *viritim*, установленной на конвокационном сейме 1573 года, с помощью которой как протестанты, так и католики стремились укрепить свое влияние в ходе элекции²⁰⁰. Впрочем, как уже отмечалось, подобного рода разъяснения, судя по всему, и не входили в задачи Анджея Максимилиана.

Вместе с тем, избрание короля воспринималось Фредро как воля Бога, которая находит свое выражение в голосах избирателей: «молились все у алтарей Господу, добрых монархов дарителю, чтобы избранием плохого короля не показал своего гнева»²⁰¹. Такое восприятие видим и в обращении сандомирского каштеляна к саксонскому курфюрсту: «Что же касается тех, кому мы отдаем наш скипетр, не было в этом решении нашего своеволия, но наивысшая рука небес, которая правителей в пурпур облачает <...> В несогласии мнений кто бы поверил, что, как будто мыслью Божией вдохновленные, одному отдадут свои голоса»²⁰², и в обращении сословий к королю: «мы, не принужденно, но добровольно (что является знаком воли Божией) среди стольких тысяч избирателей, вверили ему так обширное государство, наше имущество и жизнь»²⁰³. Отметим также, что вверение монарху «государства, имущества и жизни» обязывает как подданных к послушанию своему королю, так и монарха к сохранению в целостности всего вышеперечисленного.

Кроме того, интересна речь, произнесенная одним из сенаторов после бегства Генриха, которую приводит Фредро: «Убоимся же гнева Бога, от которого происходит всякая власть; не будем же сомневаться, что Бог желал, чтобы были помазаны правители, которые, как земные боги, на земле правят,

---

²⁰⁰ Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. *Historia ustroju i prawa polskiego*. Warszawa: Wydawnictwa Prawnicze PWN, 1998. S. 216.

²⁰¹ Fredro J. M. *Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyszem, Królem Polskim, potem Francuskim*. Petersburg, Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1855. S. 5.

²⁰² Ibid. S. 54.

²⁰³ Ibid. S. 89.

и которым, как наместникам Господа, мир покоряется и честь им отдает. А какая же здесь честь, по своей воле, чтобы не сказать “бунтом”, передавать скипетр из рук в руки?»²⁰⁴ Здесь мы видим представление о королевской власти, отличающейся от власти «первого гражданина», на первый взгляд, не соответствующее политическим идеалам Речи Посполитой. Однако если мы примем во внимание, что выбор короля совершается по Божьему вдохновению, то король действительно мог восприниматься – по крайней мере, регалистски настроенной частью польского общества – как наместник Бога на земле, чья власть происходит от Бога, только не согласно принципу наследования, но в результате боговдохновенного выбора.

Кто же, в таком случае, может быть избран на престол? Огромное внимание уделяет Фредро – как при описании первой, так и второй элекции – вопросу избрания короля-соотечественника, в политической терминологии Речи Посполитой – «Пяста». Уже в первых словах своего труда Фредро обозначает одну из важнейших проблем выборности королей: «Польский народ, несмотря на то, что имеет возможность такого выбора, что может, оставив потомков своих королей, передать скипетр другому дому, не привык, однако, отвергать тех, что родились в стране и были воспитаны в отечественных обычаях. Польские монархи не должны беспокоиться за свое потомство, т.к. чужие у нас не получают трона перед нашими принцами, если заслуги родителей сделают их сынов достойными скипетра. <...> Трудно было за границей найти человека, способного держать польский скипетр, а опасным казалось, среди равенства свобод и титулов делать королем кого-либо из местной шляхты и возносить его род над гражданским равенством»²⁰⁵. Может показаться, что, говоря о преимуществе потомков короля, Фредро является сторонником «Пястов», однако стоит помнить, что династия Ягеллонов, пресекшаяся в 1572 г., ввиду своего литовского происхождения не воспринималась как «отечественная» (традиция эта шла

---

²⁰⁴ Ibid. S. 92.

²⁰⁵ Ibid. S. 1.

еще со времен Яна Длугоша и его «Анналов или хроник славного королевства Польского»).

Фредро не скрывает доводов в пользу избрания короля-соотечественника: любовь к Речи Посполитой, воспитание в польских политических обычаях, гарантия распределения должностей среди поляков, а не иностранцев. В то же время, в защиту противоположной точки зрения Фредро приводит, например, речь анонимного сенатора, утверждающего: «наша свобода стоять будет до тех пор, пока не выберем себе короля из земляков»²⁰⁶. Основную угрозу оратор видит в утрате внутрисословного равенства: «взяв короля из числа граждан, одним ударом уничтожив равенство, возведете строение, роскошное для немногих, а титул шляхетский станет пустым словом. Вот брат короля, вот дядя или племянник. Верьте мне, это прекрасные имена, но не может не случиться, чтобы королевские родственники не подняли головы над всеобщим равенством, чтобы добровольно отреклись искать благосклонности короля ради своей выгоды <...> думаете ли вы, свободно в своем кругу можно будет пожаловаться на нарушение закона, если королевские родственники, которых полно будет, доведут все до ушей правителя и разбудят к вам неблагожелательность?»²⁰⁷

В качестве примера сенатор приводит споры, возникшие в результате тайно заключенного (и ставшего известным только после смерти Сигизмунда I Старого) брака Сигизмунда Августа с Барбарой Радзивилл и появившиеся вследствие этого опасения шляхты, что союз Ягеллонов с Радзивиллами способен поколебать устойчивость положения привилегированного сословия. Описывая в дальнейшем второе бескоролье, Фредро также опасается ситуации, при которой король-соотечественник, имея возможность распределять должности и имущества, мог бы их жаловать членам своей семьи. Таким образом один королевский род мог бы занять важнейшие государственные должности, фактически поставив государство под полный

---

²⁰⁶ Ibid. S. 44.

²⁰⁷ Ibid. S. 46.

контроль. Преимущество же иностранного монарха заключалось в том, что – по крайней мере, теоретически – он не мог раздавать должности своим родственникам, так как, по законам Речи Посполитой, они могут быть заняты только гражданами польско-литовского государства. Негативно оценивает по этой же причине наш автор и попытки королевского дома закрепить за собой наследственные владения (приводится пример королевы Констанции, приобретшей графство Живец²⁰⁸), что также рассматривалось как угрожающая вольной элекции попытка укрепить династию.

Фредро подтверждает опасность борьбы за корону между согражданами, упоминая о спорах и амбициях сенаторов: «Оказалось тогда, как опасно призывать на трон земляка при таком многочисленном соревновании. Были и такие, что, отвергнув личные амбиции, только заботясь об общем благе, говорили, что страшно было бы, если среди гражданского равенства правящий дом над другими бы возвысился»²⁰⁹. Наконец, сомнения сенатора вызывает сам процесс выбора и возможных конфликтов среди потенциальных Пястов: «будут ли избирать те же, кто должен быть избран? <...> каким образом совершим выбор, бросив корону среди многих, стремящихся к правлению? Сограждане мои, если мы любим Речь Посполиту, давайте не будем этого делать, а скорее, следуя давним обычаям, ради пользы всеобщего дела, расстанемся каждый с мыслью получения короны, будем же бесстрастными избирателями, и тем быстрее дождемся так желаемого короля»²¹⁰. Стоит отметить и такой совет сенатора: «Не хотел бы я ни государя могущественного, ни богатого: могущественный нашим свободам угрожает, богатый может нас презирать. Отечественными средствами и своими силами посадим его на троне, так как, кроме мужа, который должен быть королем, ничего другого нам из-за границы не надо. Советовал бы я также выбрать короля из народа, похожего на нас одеждой, как Венгрия, Москва и так далее; не знаю, почему, но кто носит чужой

---

²⁰⁸ Ibid. S. 145.

²⁰⁹ Ibid. S. 143-144.

²¹⁰ Ibid. S. 46-47.

костюм, обычно чужими себя окружает, чужих любит, чужих советов слушает, а наши обычаи ненавидит»²¹¹. Такое противоречивое, в «сарматском» духе пожелание было вызвано, прежде всего, стремлением не допустить проникновения в Речь Посполиту вместе с новым королем абсолютистских идей из Западной Европы и сохранение своеобразия устройства Речи Посполитой, несмотря на избрание иностранца. Интересно, что Фредро никак не комментирует здесь возможность избрания московского кандидата, хотя в другом месте обосновывает невозможность избрания Ивана Грозного стилем его правления. Возможно, пожелание анонимного сенатора было вызвано стремлением к перемирию с Москвой и возможностью возвращения отторгнутых ранее земель Великого Княжества Литовского.

Хотя в «Истории» аргумент внутрисловного равенства Фредро ставит на первый план, высказываясь в поддержку зарубежного кандидата («Польша, до того имеющая только своих монархов, должна была теперь их искать за пределами Родины»), в будущем львовскому каштеляну еще придется взвешивать доводы «за» и «против». Фредро сам говорит о возможности изменения своего мнения: «От монарха-гражданина двойного зла ожидаем, в котором лежит зародыш самодержавия, неволя страны; а именно, если рост правящего дома не принизит всеобщего равенства, если его огромное могущество не помешает свободному избранию, охотно приму короля-гражданина. <...> Если бы дети королев не имели княжеского титула, а достаточным почитая родовое имя и герб, возвращались бы в ряды простых граждан и заново приучались к равенству, можно было бы выступать за короля-соотечественника»²¹². Такая ситуация, однако, выглядит маловероятной: все избранные монархи Речи Посполитой пытались обеспечить трон своим детям. Подобное стремление кажется Фредро особенно рискованным при королях-соотечественниках, так как способно

---

²¹¹ Ibid. S. 47-48.

²¹² Ibid. S. 144-145.

нанести урон государству междоусобицами: «Если наследник скипетра из этого же рода не будет избран, а на трон всегда будут искать новые роды и имена, королевская честь будет разделена между многими семьями, стремящимися уничтожить дом ныне правящего короля в надежде, что после него взойдут на престол»²¹³.

Фредро в «Истории» подтверждает свое негативное отношение к бескоролью: «состояние бескоролья продолжалось, к большому беспокойству народа», «краковский съезд первый дал доказательство своей заботы и вере и свободе, ненависти к бескоролью и любви к Речи Посполитой», «никому из разумных бескоролье нравиться не может, а людям злой воли бескоролья никогда не бывает мало», «как умирающий человек является необычайно чувствительным и болезненным, так и Речь Посполита, чем дольше лежит в немощи, тем большей опасности подвергается ее жизнь»²¹⁴. Между тем, всё это вместе взятое не склоняет Фредро в пользу наследственной монархии, обходящейся без «междоусобиц». Опасение перед бескорольем является для него лишь поводом к размышлениям о том, как сократить по времени данный период и тем самым обеспечить государству безопасность. Описывая ход бескоролья, Фредро также не акцентирует тот факт, что стихийно развивавшиеся события стали прецедентом (в силу отсутствия к 1572 году юридических норм избрания короля) для дальнейших междоусобиц. Так, исполнение примасом функций интеррекса, привычное и естественное для Речи Посполитой середины XVII века, практически полностью переносится им и на период первого бескоролья²¹⁵, хотя наделение главы польских католиков этой функцией состоялось именно в ходе конвокационного сейма 1573 года после затяжного конфликта примаса Якуба Уханьского с великим коронным маршалом Яном Фирлеем. Тогда же впервые была утверждена

---

²¹³ Ibid. S. 145.

²¹⁴ Ibid. S. 1, 2, 18, 134.

²¹⁵ Ibid. S. 8.

элекция *viritim*²¹⁶, которая воспринимается в «Истории» как естественная. Умалчивая о прецедентном характере этих решений, Фредро создает у неосведомленного читателя чувство полного отождествления современного ему устройства Речи Посполитой с устройством периода первого бескоролья. С другой стороны, читателям-современникам Фредро и без его напоминаний должно было быть известно решающее значение событий, со времени которых не прошло еще и ста лет. К тому же, наш автор, по-видимому, не стремился представить происхождение отдельных элементов устройства Речи Посполитой, но продемонстрировать их применение на практике.

При таком настороженном отношении автора к бескоролью нет ничего удивительного, что тайный отъезд короля из Кракова воспринимается как несчастье: Фредро приводит многочисленные письма и речи участников событий, выражающих отчаяние после бегства монарха, сравнимое с отчаянием бескоролья («Ваше Величество покинули страну, подвергнутую опасности, без подтвержденных трактатов и соглашений, если Вы заботитесь о нас не будете, грозит нам беда, которой не отведет наша забота»²¹⁷ (из письма сенаторов Генриху), «какие беды могут пасть на страну, которую Вы, Ваше Величество, покинули»²¹⁸ (из обращения кардинала Станислава Хозия), «Речь Посполита остается в опасности»²¹⁹ (из ответов сенаторов сословиям), «оставил Речь Посполиту без опеки, как корабль во время бури, без руля и без якоря»²²⁰ (из обращения сословий к королю)). Вскоре раздались голоса, призывающие к выбору нового монарха: «Нет необходимости ждать, чтобы тот, кто один раз уже нас покинул, и позже нас оставлял с такой опасностью. Плохо для Речи Посполитой, если наши монархи, кроме дел нашей страны,

---

²¹⁶ Markiewicz M. Op. cit. S. 388.

²¹⁷ Fredro J. M. Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyszem, Królem Polskim, potem Francuskim. Petersburg, Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1855. S. 78.

²¹⁸ Ibid. S. 82.

²¹⁹ Ibid. S. 87.

²²⁰ Ibid. S. 89.

имеют и другие, так как, деля надвое свое время и труд, слабо и плохо будут править»²²¹.

Более того, наученные горьким опытом недолгого правления Генриха, сенаторы утверждали: «Полезнее иметь такого короля, который без нас не может быть ни богатым, ни сильным; такой если и прогневается на нас, вреда нам нанести не сможет. Те же, кто сияет родовыми богатствами, не смогут быть хорошими монархами для свободных народов – и потому, что, опираясь на собственные силы, могут подвергать опасности наши свободы, и потому, что трудно поставить под ярмо закона тех, кто привык у себя к самодержавному правлению»²²². Впрочем, и здесь не было единогласия: «не следует считать за проступок, что <...> хочет одним королевским пурпуром покрыть многие свои страны. Такого короля стоит желать, а не избавляться, так как больше обещает тот, кто хочет большего поля для деяний, чем тот, кто, не желая стать великим, держится посредственности»²²³.

Возобладала, однако, точка зрения, что Генриху следует дать время на возвращение в Речь Посполиту и избрать нового монарха, только если король не вернется к установленному сроку: по словам одного из сенаторов, «бесправно поступил Генрих, отъехав без нашего ведома, но мы поступили бы хуже, если без его ведома правление отдадим кому-нибудь другому»²²⁴. Таким образом Речь Посполита могла продемонстрировать, что не поляки, но Генрих был виновником сложившейся ситуации: в то время как подданные придерживались своих обязанностей подчинения монарху, король фактически отказался от обязательств по сохранению «государства, имущества и жизни».

Как же определяется положение короля в Речи Посполитой? Уже в сеймовых речах мы встречались с концепцией «смешанной монархии»²²⁵

---

²²¹ Ibid. S. 89-90.

²²² Ibid. S. 90.

²²³ Ibid. S. 93.

²²⁴ Ibid. S. 92.

²²⁵ См., напр.: Markiewicz M. Op. cit. S. 30-33; Augustyniak U. Historia Polski 1572-1795. Warszawa: PWN, 2008. S. 66-68; Pietrzyk-Reeves D. Ład Rzeczypospolitej. Polska myśl polityczna XVI wieku a klasyczna tradycja republikańska. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 337-411.

(*monarchia mixta*) и помещением польского государственного устройства между двумя крайностями, которое отмечается и в речи папского легата Коммендони: «размышляя над устройством вашей Речи Посполитой, удивляюсь мудрости ваших предков, которые права царствования и права свободы так хорошо умели умерить, что между крайностями наивысшей воли одного и самоволием многих обеспечены и величие права, и рост государства»²²⁶. При этом легат – что неудивительно – приписывает основную заслугу в сдерживании королевского своеволия духовному сословию, призывая в связи с этим избрать на престол монарха, который будет с уважением относиться к католической вере, а значит, и к свободе²²⁷. В условиях распространения Реформации в Речи Посполитой понятно стремление духовенства связать католичество с существующим устройством польско-литовского государства. Впрочем, непосредственных призывов к единству в католической вере в речи легата также достаточно: «Дай же Бог, чтобы вы все согласно ее [католической веры] придерживались, дай Бог, чтобы новости [Реформации] и разница вероисповедования, наносящая урон христианству, не вошла в Польшу, которая, опершись на своих законах и вере, может быть защитой христианского имени»²²⁸.

Своеобразной квинтэссенцией представлений о месте короля в политическом устройстве Речи Посполитой является речь познаньского епископа, обращенная к избранному королю и имеющая своей целью демонстрацию возможностей польского монарха: «правами престола являются: давать права народу, объявлять войну, отправлять и принимать посольства, созывать сеймы, пускать в обращение монету, раздавать должности Речи Посполитой согласно своему усмотрению и другие меньшие прерогативы. Что касается трех первых, Речь Посполита делит эти права с тобой, три последние полностью зависят от воли правителя. Не думай, что

---

²²⁶ Fredro J. M. *Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyszem, Królem Polskim, potem Francuskim*. Petersburg, Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1855. S. 22.

²²⁷ *Ibid.* S. 22-23.

²²⁸ *Ibid.* S. 23.

будешь несчастным королем, не имея прав самодержавных, радуйся же своим счастьем, что делишь власть с Речью Посполитой и, ограниченный законами, не сможешь причинить кому-либо вреда, а потому только привязанности от всех подданных имеешь право ожидать». Особое внимание епископ уделяет распределительной функции монарха: «Достаточно у тебя будет средств и на содержание двора, и на щедрые дары, и на жалованье рыцарству, и на ведение войн. <...> Верь мне, что Польша делает своих королей наисчастливейшими, так как <...> ни Франция, ни какое-либо другое королевство не имеет такого обширного поля для щедрых наград, как Польша, которая богатой рукой своих королей раздает награды. <...> Став свободным этих вещей распорядителем, чего тебе ни один закон не запрещает, будешь еще более внимательным к заслугам, что их по праву награждать будешь; таким образом найдешь себе друзей, поощришь добродетели, и никогда тебе не будет не доставать средств для награждения». Не обошел оратор вниманием и военную функцию короля, столь часто упоминаемую в сеймовых речах Фредро: «Речь Посполита освобождает тебя от военных расходов, так как солдаты получают жалованье из публичной казны, а тебе остается (вместе с сословиями) право объявлять войну, побеждать и триумфовать». Наконец, так же, как Фредро, епископ подчеркивает исключительность положения польского монарха: «До трона, на котором сидеть будешь, не приблизится никогда враг с кинжалом, никогда не сидели на нем короли-рабы. <...> Рожденный в наследственной стране, где трон был бы твоим наследством, не имел бы ты на свете такого имени и славы величия, потому что рождение сделало бы тебя королем. У нас же, где нет наследования короны, почесть, благодеянием (прости за слово) тебе оказанная, больше ты должен ценить, искренне дорожить своими добродетелями, ибо кто же усомнится в твоем величии, когда тебе столько народов присудило быть великим, когда весь мир, признав, как мы тебя вопреки другим избрали, будет тобой восхищаться»²²⁹. Речь эта полностью

---

²²⁹ Ibid. S. 59.

подтверждает (разделяемое Фредро) убеждение граждан Речи Посполитой в сильной позиции польского монарха, ограниченного, но не ослабленного законами и сеймом. Такое представление давало в позднейшем основание для опасений (особенно в свете возможности раздачи должностей) и противодействий попыткам усиления королевской власти, которые разрушили бы равновесие между властью и свободой. Нетрудно также в данной речи увидеть источник вдохновения для описания положения короля в сеймовых речах Фредро 1652 года.

Опасность подкупа королем сенаторов подмечена Фредро уже в начале правления Генриха Валуа («король привлек к себе немало выдающихся умов раздачей не только общественных имуществ, которыми обычно награждают заслуженных, но и имуществ королевского стола вопреки обычаям государства. Рыцарское сословие с неудовольствием смотрело на то, что король был скорее расточительным, чем щедрым»²³⁰). Кроме возможности подкупа сенаторов, здесь видим отголоски экзекуционистского движения, в XVI веке выступавшего за возвращение королю земель, ранее отданных в управление магнатам. В целом, данный фрагмент отличается весьма сочувственным настроением по отношению к критикам раздачи королевских земель, поэтому можно предположить, что идеи экзекуционистов не были чужды и Фредро, хотя, прежде всего, в политике Генриха его беспокоила опасность подкупа, а также опустошение королевской казны, которая должна была бы восполняться за счет дополнительных налогов.

Страх перед чрезмерным усилением королевской власти во многом объясняется также ростом абсолютизма в Европе и практически полным исчезновением государств, подобных по устройству Речи Посполитой: «Немало было народов и королевств, которые выбирали своих монархов, и вместе со свободным выбором сохранили свою свободу. Теперь, когда мы одни остались при таком устройстве, тем более следует опасаться, что завидующие счастью одного народа монархи могут против нас сговориться,

---

²³⁰ Ibid. S. 69.

чтобы, по образцу этих двух стран [Чехии и Венгрии, с 1526 года находившихся под все более ужесточавшимся правлением Габсбургов] уничтожить наши свободы»²³¹. Подобное предостережение было тем более актуально во времена Фредро, когда европейские монархии эволюционировали в направлении утверждения абсолютизма. Фредро также предостерегает перед такой возможностью в Речи Посполитой: «Не потерплю порочащие Речь Посполиту голоса и письма, что следует изменить ее неупорядоченное устройство. Именно такие хотят ее ввергнуть в состояние беспорядка, <...> хотят строить Речь Посполиту по образцу монархии, а в Польше ищут Италию, Францию и Испанию. <...> Какая Речь Посполита, выйдя из своего порядка, может выстоять, если наша столько веков уже стоит, но все более умножается? Стоит напомнить тем, что нам дают плохие предсказания, что как мы, так и Речь Посполита смертна, так как нет ничего вечного; может она погибнуть, если Богу будет угодно (хоть бы это падение как можно позднее наступило!). <...> В Отчизне нашей есть некоторые недостатки, которых не исправим, разве что пожаром»²³². Из этого фрагмента видим, что Фредро был не столько бескритичным апологетом всех существующих в Речи Посполитой порядков, но, скорее, противником эволюции устройства польско-литовского государства в направлении абсолютизма, готовым мириться с его недостатками ради сохранения свободы.

Важно отметить, что, стремясь сохранить уже упоминавшееся в сеймовых речах равновесие «между верховной властью и верховной свободой», Фредро опасается не только усиления королевской власти, но и ее чрезмерного ослабления. Прежде всего, это касается права на сопротивление монарху, закрепленного в Генриховых артикулах. Так, наш автор цитирует еще одну речь сенатора, «мужа, полного мудрости»: «Статья об освобождении от подчинения, включенная в королевскую присягу, не

---

²³¹ Ibid. S. 101.

²³² Ibid. S. 146.

открывает ли дорогу всяческому своеволию? Добавьте, прошу, то замечание, что король прежде должен быть предупрежден примасом, прежде чем народ откажется от подчинения ему. <...> [Монарх], имея столько дел в уме, легко может в чем-либо ошибиться, а значит, рассчитывать на снисходительность к недостаткам человеческой природы. Не следует так легко вводить отказ в подчинении, наоборот, следует усилить королевское величие, так как таким образом свободы наши лучше обезопасим. После ослабления королевского величия уменьшится в народе уважение для власти, а ее место займет своеволие. Если бы король желал управлять только упорством, будет достаточно средств, которые ему этого не позволят, среди которых писанные законы, присяга, сенаторское сословие и власть примаса, который имеет право созвать сенат, если король захочет быть не королем, но тираном»²³³. Здесь проявилось сомнение Фредро в таком элементе устройства Речи Посполитой как рокош, что нетипично для автора, имя которого стало символом прославления этого устройства. Фредро, столь высоко ценивший согласие и гражданский мир, не мог согласиться с его нарушением.

Негативное отношение к рокошам сохранится у нашего автора и в дальнейшем, когда планы двора по введению элекции *vivente rege* приведут к рокошу Любомирского. И хотя Фредро будет одним из наиболее пламенных противников королевских планов, участия в рокоше он так не примет, а в своих письмах будет пытаться примирить короля и Ежи Любомирского. В этом контексте стоит помнить и о том, что во время «потопа» Фредро также останется верным Яну Казимиру. В неприятии рокоша сказала, однако, не только приверженность Анджея Максимилиана гражданскому согласию и избранному королю, но и стремление разрешить конфликт путем замечаний королю, переговоров и компромисса. Немаловажную роль в сохранении свободы и защите от тирании Фредро в позднейших трудах отводил и *liberum veto*.

---

²³³ Ibid. S. 67.

Значительное внимание в «Истории» уделяется Генриховым артикулам. Фредро кратко излагает основные положения документа²³⁴, отмечая, что артикулы являются «старыми отечественными законами <...> в форме привилея, где кое-что добавлено или четче объяснено». Комментарий, однако, сопровождает лишь ту из статей, которая запрещает королю назначать себе преемника, запрещая элекцию *vivente rege*. Фредро отмечает: «если бы выбор наследника проходил при жизни старого короля, то одни, стесненные его присутствием, другие, привлеченные должностями, иные, желая понравиться, давали бы свои голоса не согласно потребностям Речи Посполитой, но согласно королевской воле; элекция же после смерти короля, не стесняя никакими поводами, оставляет полную свободу голосования»²³⁵. Так как действия двора по введению прижизненной элекции активизируются лишь в 1660 году, через восемь лет после выхода «Истории», комментарий Фредро вряд ли относится к текущей политической ситуации. Скорее здесь находит выражение представление о королевской власти как естественной, извечной и предопределенной противоположности свободы (как в речи Коммендони, а также в уже известном нам приветствии короля самим Фредро), независимо от того, кто в данный момент занимает престол. Королевская власть в таком понимании, однако, сама по себе лишена негативной окраски, так как в устройстве Речи Посполитой должна уравниваться свободой граждан, которую, в свою очередь, спасает от перерождения в своеволие.

Наконец, вопрос личных качеств монарха наиболее полно раскрывается при обсуждении кандидатов во время элекции 1573 г. Так, в речи Коммендони находится место для характеристики идеального правителя, избрания которого легат желает польско-литовскому государству: «Выберите общими голосами короля, который бы был наиболее полезным для Речи Посполитой, который бы ваши силы на вашу пользу обратил, который,

---

²³⁴ Ibid. S. 39-40.

²³⁵ Ibid. S. 39.

единожды избранный, стал бы королем родовитым, отцом отечества и вас всех, любящим Речь Посполиту, хранителем закона, благочестивым перед Господом, храбрым перед лицом неприятеля, умелым в управлении штурвалом, внимательным при осуществлении правосудия, человечным в домашнем обычае, умеющим в каждом общественном вопросе сохранить достоинство своего престола, который ни сам бы не предавался роскоши, ни дал бы молодежи лениться в безделье, но примером и наградами приучал бы к славной военной дисциплине»²³⁶. Интересно отметить, что последнее пожелание перекликается с функциями монарха, обозначенными Фредро в сеймовых речах.

Свои рекомендации предлагают в приводимой Фредро речи послы Священной Римской империи: «[император] просит Бога, чтобы ваши помыслы были направлены к такому королю, при котором Речь Посполита имела бы мужество, христианские государи – дружбу, а враги – страх. <...> Ваша христианская Речь Посполита <...> требует от него, прежде всего, католической религии. <...> Предки ваши <...> хотели иметь на троне светлость рода, древность дома, великие имена и великие примеры предков, чтобы подданный уважал, а сосед не насмехался над вашим королем. <...> Требуется от правителя и собственные заслуги: знание вещей, касающихся мира, войны, умелое осуществление правосудия и другие монаршие добродетели»²³⁷. В данной речи особенное внимание уделяется опасностям, угрожающим Речи Посполитой: «здесь могущественный турок, там жестокий татарин, тут Москва», таким образом, речь призвана, прежде всего, продемонстрировать те качества Эрнста Габсбурга, которые помогли бы ему обеспечить безопасность польско-литовского государства. Также среди достоинств своего кандидата послы упоминают заграничные путешествия, быструю обучаемость языкам, военный союз с Империей, Венгрией и Испанией, улаживание территориальных споров с Империей и т.д. Однако

---

²³⁶ Ibid. S. 23-24.

²³⁷ Ibid. S. 26.

прекрасная речь и обещания имперских послов оказались напрасными, когда открылась их попытка подкупить одного из сенаторов. При обсуждении кандидатуры Эрнста среди достоинств Фредро упоминает, прежде всего, величие рода Габсбургов, а также знание близкого польскому чешского языка. Недостатки эрцгерцога, среди которых упоминается, прежде всего, исторически сложившееся недоверие между поляками и немцами вообще, абсолютистские тенденции, ярко проявлявшиеся во владениях Габсбургов, окончательная потеря самостоятельности и политических свобод Чехией и Венгрией под их правлением, а также молодой возраст (на тот момент Эрнсту Габсбургу было 19 лет) в его глазах значительно перевешивали достоинства эрцгерцога. Наиболее точно эти опасения были выражены следующими словами: «полякам, привыкшим своими силами и своими средствами защищать Отчизну, нужен был правитель, не господин. Народ польский, не доверяя собственной силе своих королей, чтобы, по примеру Австрии, не уничтожено вольной элекции и всех свобод, желал иметь короля, который без его силы сильным быть бы не мог»²³⁸. Примечательно также то, что Фредро, говоря о возрасте короля, также затрагивает тему равновесия между королевской властью и свободой, но уже с иной стороны, чем прежде: «без величия и мудрого королевского правления магнаты легко бы разорвали Речь Посполиту»²³⁹.

Также по причине абсолютистского царствования «не как правителя, но как господина» Ивана Грозного была отвергнута его кандидатура, несмотря на указанные родство языков, мир с Москвой, возможное увеличение территории Великого Княжества Литовского за счет возвращения земель, ранее завоеванных Московским царством. Не помогло московскому кандидату и сравнение с Владиславом Ягелло: «монарх становится нравственным, добрым, справедливым или ленивым и диким в согласии с

---

²³⁸ Ibid. S. 41.

²³⁹ Ibid. S. 41.

образованием и чертами народа, который его назначил»²⁴⁰. Интересно, что в сеймовых речах, цитируя Юста Липсия, как мы помним, Фредро высказывал противоположное мнение. Впрочем, данное противоречие, по-видимому, - лишь кажущееся: скорее всего, Фредро предполагал взаимное влияние между королем и подданными, упоминая в каждом случае подходящее направление этого влияния.

Несмотря на опыт правления и возможность общей политики на Балтике, был отвергнут и шведский кандидат – король Юхан III. Аргументами против его выбора были наличие супруги, что делало невозможным брак с сестрой Сигизмунда II Августа Анной Ягеллонкой (и соответственно сестрой супруги шведского короля), а также возможность вовлечения Речи Посполитой во внутришведские династические споры. Впрочем, кажется, что опасение, высказываемое Фредро, является анахронизмом, основанным на развитии событий после избрания на престол Сигизмунда III. Интересно, что Фредро не приводит таких, казалось бы, важнейших аргументов, как родство Юхана III с Ягеллонами с одной стороны (ведь будучи мужем Катажины Ягеллонки, шведский король приходился зятем скончавшемуся Сигизмунду II Августу), а также лютеранское вероисповедание шведского кандидата – с другой. Заметим, однако, что при рассмотрении кандидатуры Ивана Грозного Фредро также не обращает внимания на его православное вероисповедание, что может свидетельствовать не столько о веротерпимости нашего автора (которая была вызвана стремлением сохранения внутрисословного согласия, а не личными убеждениями²⁴¹), сколько о том, что шведская и московская кандидатуры не воспринимались им как реальные и потому достойные пристального внимания.

На таком фоне тем более благосклонно приводит Фредро речь французского посла Жана Монлюка. Впрочем, что касается качеств нового

---

²⁴⁰ Ibid. S. 42.

²⁴¹ Ibid. S. 56.

монарха, его видение не слишком отличалось от габсбургского: «Величие рода, зрелость, правдивая верность обычаям, разум в публичных делах, рыцарский опыт и удача – вот качества, которые при выборе монарха привыкли иметь в виду»²⁴². Среди преимуществ своего кандидата, Генриха Валуа, Монлюк упоминает дружественные отношения Речи Посполитой с Францией, зрелый возраст (23 года), королевское воспитание, военную практику, финансовую состоятельность. Немаловажно также то, что, в отличие от императора, французский принц не сможет использовать свои войска для укрепления власти в Польше, а польские – для войны с врагами Франции. Среди предвыборных обещаний стоит упомянуть еще обязательство строительства флота, обеспечения Краковской академии, французской военной помощи в случае вооруженного конфликта, стипендии для молодежи. Особенное впечатление должно было произвести на слушателей обязательство сохранения законов Речи Посполитой: «не мое дело говорить о ваших неприкосновенностях и привилегиях, так как в каком состоянии королевство и Речь Посполитую избранному королю отдадите, в таком он ее в целости сохранит»²⁴³. В свою очередь, в своей короткой речи курфюрсты Империи выражали сомнение в возможности военной помощи «от далеких народов», выступая в поддержку Габсбургов. Однако аргументы французского кандидата возымели решающее действие²⁴⁴.

Итак, мы проследили развитие темы короля и его власти в «Истории поляков в правление Генриха Валуа» Анджея Максимилиана Фредро. Труд этот действительно является не только историей, но и морально-политическим трактатом, демонстрирующим образцовые – с точки зрения значимости роли шляхетского сословия в решениях судеб своего отечества – первые бескорольвья Речи Посполитой и ту самоорганизацию, которую продемонстрировало польско-литовское общество в то время. Государственное устройство, успешно выдержавшее такое испытание как два

---

²⁴² Ibid. S. 32.

²⁴³ Ibid. S. 36.

²⁴⁴ Ibid. S. 48.

бескоролья подряд, безусловно, восхищает Фредро. Исторические источники, с которыми он работал, явно вдохновляли его при написании собственных сеймовых речей 1652 г., с которыми «История» имеет массу общих мотивов. Здесь мы также найдем превосходство вольной элекции над престолонаследием, обеспечивающее гражданам свободу, а монарху – безопасность и любовь подданных; необходимость элекции *viritim* как важнейшего политического действия гражданина, его права и обязанности; представление об устройстве Речи Посполитой как «золотой середине» между произволом монарха и своеволием граждан; стремление к диалогу и политическому компромиссу; идею взаимных обязательств короля и граждан; распределительную функцию короля как возможность награждать граждан и вдохновлять их на славные свершения (здесь же, однако, высказываются и опасения по поводу злоупотребления правом раздачи должностей). Кроме того, большое внимание уделяет Фредро аргументам против короля-«Пяста», главным из которых является нарушение внутрисословного равенства среди граждан Речи Посполитой, не обходит вниманием вопрос элекции *vivente rege*, против которой выступает столь же решительно. Ввиду апологетического духа, которым проникнута «История», тем более важными кажутся сомнения, звучащие по отношению к праву на неповиновение монарху, закрепленному в Генриховых артикулах, которое явно противоречило столь ценимому Фредро принципу гражданского согласия. Значительно меньшее внимание уделяет Фредро личным качествам монарха, которые звучат, пожалуй, лишь в речах послов, представляющих своих кандидатов. Важнейшими из них можно назвать уважение к законам Речи Посполитой и правление в соответствии с ними, зрелый возраст, опыт в военных и государственных делах, отказ от вовлечения Речи Посполитой в решение внутренних проблем других государств. Немного пишет наш автор и о собственно королевских функциях, что также можно объяснить предполагаемой осведомленностью читателей-граждан Речи Посполитой. В целом, однако, по сравнению с сеймовыми речами, в «Истории» Фредро – в

силу естественных причин (описание двух бескоролевий) – более формализовано подходит к роли короля, т.к. фигура монарха здесь абстрактна и не окрашена личным отношением к реальному королю. Однако в связи с этим труд Анджея Максимилиана более напоминает руководство гражданам Речи Посполитой по избранию нового короля, чем разъяснение, каким должен быть монарх правящий. Подобные указания мы найдем в более поздних работах Фредро.

Глава 4. «Поговорки разговорного языка» и «Политико-нравственные предостережения»

В 1658 году в Кракове (уже через год после освобождения города от шведов в ходе «потопа») в типографии наследников Кшиштофа Шеделя вышла анонимная брошюра «Поговорки разговорного языка: бытовые, политические, военные, в пользу польского языка, к глубокому вниманию серьезного читателя выпущенные в свет верным Отчизне анонимом». Уже в следующем, 1659 году было опубликовано второе издание, а на обложке третьего (1660) впервые появилось имя Анджея Максимилиана Фредро. Тогда же впервые было напечатано предисловие ксендза Станислава Янушкевича (по-видимому, домочадца Фредро), находившего в «Поговорках» «сколько слов, столько ценных жемчужин, сколько строк, столько науки для серьезного читателя, сколько повторных прочтений, столько (все более новых и бесчисленных) оттенков открывается при глубоком чтении, столько доводов можно привести из самого опыта»²⁴⁵.

При жизни Фредро это единственное написанное им на польском языке крупное произведение было издано в четвертый раз в 1664 году, а в 1670 дополнительные поговорки были помещены в состав «Сада единорогов». С каждым изданием наш автор дорабатывал свой труд, поэтому в настоящее время не существует канонического текста «Поговорок». Ситуация осложнялась тем, что публикаторы, перепечатававшие это произведение в XVIII-XIX веках, часто пользовались различными изданиями²⁴⁶.

В 1769 году, публикуя «Поговорки» после столетнего перерыва, Франтишек Богомолец назвал их «малым на глаз, великим для разума произведением», «ни краткость которого не мешает ясности стиля, ни ясность краткости», а также «нравственной философией, заключающей

---

²⁴⁵ Januszkiewicz S. Dedykacya i przedmowa // Fredro A. M. Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne. Sanok: Nakład i druk Karola Pollaka, 1855. S. XI.

²⁴⁶ Подробнее об изданиях «Поговорок» см.: Eder M. U źródeł aforystyki polskiej. Studium o „Przysłowiach...” Andrzej Maksymiliana Fredry. Wrocław: ATUT, 2008. S. 26-36.

глубокие науки для людей каждого сословия»²⁴⁷. В 1777 «Поговорки» были опубликованы в Вильно, а в 1802 и 1809 годах – во Вроцлаве. В предисловии к последнему вроцлавскому изданию Ежи Самуэль Бандтке отмечал, что «недостойн называться поляком, по крайней мере, ученым поляком, тот, кто этих прекрасных максим отечественного писателя не читал, разве что не умеет, не хочет или не может читать по-польски»²⁴⁸, а Казимир Бродзинский, сравнивая «Поговорки» с «Максимами» Ларошфуко, отдавал предпочтение, что важно акцентировать, труду Фредро²⁴⁹. Кроме всего прочего, популярности труда львовского каштеляна в 20-30-е гг. XIX в. способствовало использование Александром Фредро «Поговорок» как эпиграфов к своим комедиям (в т. ч. наиболее известным – «Мечь», «Дамы и гусары», «Пан Йовяльский» и т. д.) Казимир Туровский издал «Поговорки» в Санок в 1855 г., предварив их предисловиями своих предшественников²⁵⁰, а последнее в XIX веке, парижское издание «Поговорок» (1867) сопровождалось обращением Владислава Скшидыльки к читателю, в котором автор утверждал, что данный труд является, с одной стороны, «сборником поговорок и сентенций, почерпнутых из уст народа», с другой же – «наставлениями и советами, которые Фредро согласно своему опыту давал сынам отчизны»²⁵¹. Вообще же, стоит отметить, что исследователи «Поговорок» в большинстве своем воспринимали труд львовского каштеляна именно как сборник афоризмов, а не паремнографический труд. Присутствие же в тексте реальных поговорок или цитат из авторов прошлого служит лишь

---

²⁴⁷ Bohomolec F. Dedykacya i przedmowa // Fredro A. M. Przysłowia mów potocznych, albo Przystrogi obyczajowe, radne, wojenne. Sanok: Nakład i druk Karola Pollaka, 1855. S. IX.

²⁴⁸ Bandtke J. S. Przedmowa // Fredro A. M. Przysłowia mów potocznych, albo Przystrogi obyczajowe, radne, wojenne. Wrocław: u Wilhelma Bogumiła Korna, 1809. S. IV.

²⁴⁹ Brodziński K. Pisma. Tom IV. Poznań: skład Główny Księgarni Gebethrea i Wolffa w Warszawie, 1872. S.147. См. также: O tłumaczeniu Maxym i uwag moralnych Xięcia de la Rochefoucauld, w Wilnie nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1812, w małym formacie, str. 132 // Pamiętnik Naukowy. Tom I. Warszawa: u N. Glückberrga, Księgarza i Typografa Królewskiego Uniwersytetu, 1819. S. 47-51.

²⁵⁰ Fredro A. M. Przysłowia mów potocznych, albo Przystrogi obyczajowe, radne, wojenne. Sanok: Nakład i druk Karola Pollaka, 1855.

²⁵¹ Skrzydyłka W. Do czytelnika o wydaniu niniejszem // Przysłowia mów potocznych Alex. Max. Fredra. Tom I. Paryż: Księgarnia Luxemburska, 1867. S. I.

подтверждением авторских мыслей. В XX веке такого мнения будут придерживаться, например, Ян Быстронь²⁵² и Збигнев Рындух²⁵³.

В отличие от «Истории», «Поговорки» не получили столь суровой оценки от позитивистов. Так, Юзеф Шуйский в свое время признавал, что некоторые из них «поражают знанием народа, в иных отражается национальный дух»²⁵⁴. Александр Зданович вслед за Франтишеком Богомольцем отмечал, что «произведение Фредро, наряду с глубиной замечаний и советов, отличается чистым польским языком, свободным от всяческих макаронизмов»²⁵⁵. Станислав Тарновский, хотя и усматривал в «Поговорках» – так же, как и в других произведениях Фредро, хотя и в меньшей степени – «привязанность к свободе, ложное о ней представление, упорный консерватизм, страх перед каждым изменением и непоколебимую веру в спасительность и совершенство польских институтов»²⁵⁶, называл труд львовского каштеляна «одним из точнейших и мудрейших произведений той эпохи, наиболее точным, которое вообще наша литература в этом жанре имеет»²⁵⁷. Даже весьма скептически настроенный по отношению к Фредро Петр Хмелевский снисходительно отмечал, что «не научимся из них [«Поговорок» и «Предостережений»], что мы должны думать о важнейших жизненных вопросах, но найдем много указаний, почерпнутых из опыта: как необходимо поступать с людьми, чтобы получить их доверие, признание, дружбу, помощь, чтобы сохранить величие, чтобы не дать себя обмануть, чтобы правильно вести свои или общественные дела»²⁵⁸. Противоречиво оценивал «Поговорки» Александр Брюкнер: «Обоснованная анархия, бьющая из его афоризмов, интересна, поучительна, необыкновенно печальна, хотя и

---

²⁵² Bystron J. *Przysłowia polskie*. Kraków: Wydawnictwo PAU, 1933. S. 41.

²⁵³ Rynduch Z. *Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki*. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 71.

²⁵⁴ Szujski J. *Dzieje Polski podług ostatnich badań*. Tom III. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1864. S. 491.

²⁵⁵ Zdanowicz A. *Rys Dziejów Literatury Polskiej*. Tom I. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1874. S. 717.

²⁵⁶ Tarnowski S. *Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności*. Tom IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 181.

²⁵⁷ *Ibid.* S. 183.

²⁵⁸ Chmielowski P. *Fredro Andrzej Maksymilian / Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana*. Tom XXIII. Warszawa: Drukarnia Biblioteki Dział Wyborowych, 1899. S. 214.

отваживается порой на мудрые мысли»²⁵⁹. Также критичный к Фредро Игнацы Хшановский замечает, что «мыслей так безнадежно глупых, как в латинских произведениях Фредро, нет в его «Поговорках», но попадаются крайне неумные. <...> Вообще «Поговорки» Фредро принадлежат к ценнейшим произведениям старопольской литературы»²⁶⁰.

В течение XX века, параллельно с происходившей, так сказать, «реабилитацией» Фредро, «Поговорки» окончательно получают репутацию его важнейшего труда. Станислав Добжицкий так писал о них: «Весь этот сборник афоризмов, написанных чистым языком, не макаронизирующим, живых и интересных, дает высокое свидетельство благонамеренности и честности автора. Не смотрит он на мир и людей слишком розово и оптимистично, но верит в победу добра над злом, и вся его этика стремится к тому, чтобы этой победе помочь и облегчить задачу»²⁶¹. В первой половине XX века в ряде своих статей «Поговорки» исследовал Леон Штернбах²⁶², проследив источники произведения львовского каштеляна. Однако настоящим переломом в изучении «Поговорок» является выход в 1929 году монографии Людвика Косиньского²⁶³. В ней автор отмечает такие черты труда, как высокий интеллектуальный уровень на фоне эпохи, а также принципиальное новаторство Фредро, впервые выступившего в польской литературе в афористическом жанре. Косиньский также полностью отказывается от трактовки «Поговорок» как сочинения из области паремииографии, в то время как его предшественники-позитивисты видели во львовском каштеляне не только афориста, но и паремииографа²⁶⁴. Реакцией на монографию Косиньского стала статья Франтишека Стопы, в которой автор

---

²⁵⁹ Brückner A. Dzieje literatury polskiej w zarysie. Tom I. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1908. S. 261.

²⁶⁰ Chrzanowski I. Historia literatury niepodległej Polski (965-1795). Warszawa: Państwowy instytut Wydawniczy, 1983. S. 333-334.

²⁶¹ Dobrzycki S. Historia Literatury Polskiej. Tom I. Poznań: Nakładem autora, 1927. S. 285.

²⁶² Sternbach L. O Przysłowiach Mów Potocznych Andrzeja Maksymiliana Fredry // Sprawozdania i czynności z posiedzeń PAU, nr 23. Kraków: PAU, 1918; Sternbach L. Paremiografia polska w XVII wieku. Część I // Sprawozdania i czynności z posiedzeń PAU, nr 37. Kraków: PAU, 1932; Sternbach L. Paremiografia polska w XVII wieku. Część II // Sprawozdania i czynności z posiedzeń PAU, nr 38. Kraków: PAU, 1933.

²⁶³ Kosiński L. Przysłowia Andrzeja Maksymiliana Fredry. Poznań, 1929.

²⁶⁴ Kosiński L. Andrzej Maksymilian Fredro jako pisarz i moralista // Księga ku uczczeniu St. Dobrzyckiego. Poznań: Drukarnia Uniwersytetu Poznańskiego, 1928. S. 200-201.

выдвинул смелое предположение (в дальнейшем не получившее поддержки), что именно «Поговорки» выражают истинные взгляды Фредро-патриота, Фредро-регалиста, Фредро-реформатора, в то время как его латинские произведения, предназначенные для европейских читателей, имели своей целью защиту имиджа Речи Посполитой за рубежом²⁶⁵. Более критично к Фредро и его «Поговоркам» относился Мечислав Пищковский, отмечавший, что «в произведениях А. М. Фредро мы найдем очень показательные особенности, которые одновременно являются чертами, постоянно присутствующими в польской нравственной литературе. Умеренный реализм во взгляде на мир, трезвость и практичность, много здравого смысла, притом честность и искренняя доброта, а с другой стороны – определенная «серость», повседневность, отсутствие остроты наблюдений, малая доза пронизательности и философской интуиции»²⁶⁶.

Юлиан Кшижановский находил в «Поговорках» «способность безошибочного наблюдения, скептицизм по отношению к человеческой природе, без которого рассмотрение ее слабостей было бы невозможно, возможности выражения наблюдений в ясной, краткой, не брезгующей парадоксом»²⁶⁷. В подобных выражениях отзывался о Фредро такой знаток польской культуры как Януш Тазбир, отказывая, однако, «Поговоркам» в равенстве с «Максимами» Ларошфуко²⁶⁸. Чеслав Хернас отмечал, что «есть здесь собственные открытия и парафразы известных сентенций или поговорок, признанные собственными, т.к. были подтверждены личным опытом»²⁶⁹.

Последнее на данный момент издание «Поговорок» вышло в свет в 1980 году с предисловием Лешека Кукульского, в котором автор – пожалуй,

---

²⁶⁵ Stopa F. Pisarz o dwóch obliczach. Andrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Współczesny. Rok X, tom XXXIX. Kraków: Dr Stan. Badien i Krakowska Spółka Wydawnicza, 1931. S. 410-413.

²⁶⁶ Piszczkowski M. Staropolska literatura moralna // Ruch Literacki, rok VI, nr 8. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1931. S. 228.

²⁶⁷ Krzyżanowski J. Historia Literatury Polskiej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. S. 285.

²⁶⁸ Tazbir J. Fredro Andrzej Maksymilian // Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1971. S. 88.

²⁶⁹ Hernas C. Barok. Warszawa: PWN, 1996. S. 402.

впервые – обратил внимание на то, что «Поговорки» являются «сборником сентенций и максим, характер которого подвергался в течение написания изменениям, и который в результате является произведением неравномерным и многослойным»²⁷⁰ (позже эту идею разовьет в своей монографии Мачей Эдер). Збигнев Рындух отмечал, что «основной срез тематики «Поговорок» охватывает добродетели и ошибки частной и общественной жизни, благочестие и служение Богу, черты поляков и иностранцев, достоинства и недостатки правителя, тактику поведения, дружбу, дела войны и мира, разум и науку»²⁷¹.

«Поговорки» продолжают привлекать внимание современных исследователей: в 1994 году вышла статья Халины Вишневецкой²⁷², в которой автор, опираясь на словарь «Поговорок», делает вывод о высоком уровне образования, а также выдающихся писательских способностях Анджея Максимилиана. Рената Галай, в свою очередь, исследовала военный аспект «Поговорок»²⁷³. Для Иоанны Партыки они стали поводом для размышления на тему сарматизма Фредро: в своей статье исследовательница утверждает, что, несмотря на то, что труд львовского каштеляна передает атмосферу сарматизма второй половины XVII века, нельзя приписать Фредро таких черт, которыми часто характеризуют данное понятие: ксенофобия, нетолерантность, доктринерство, впадение в крайности²⁷⁴. Гжегож Раубо особенно высоко ценил в «Поговорках» указания, касающиеся разумного правления, а также рациональный практицизм Фредро²⁷⁵; подобные замечания найдем и у Марека Трач-Трынецкого²⁷⁶.

---

²⁷⁰ Kukulski L. Wstęp // Fredro A. M. Przysłowia mów potocznych. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. S. 6.

²⁷¹ Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 57.

²⁷² Wiśniewska H. Intelktualizacja językowa w "Przysłowiach // przestrozach" Andrzeja Maksymiliana Fredry (1620-1679) // Rocznik Przemyski. Tom 29/30. Przemyśl, 1994. S. 315-327. См. также: Wiśniewska H. Rozkwit paremiografii w XVII wieku // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, 18, sectio FF. Lublin, 2000.

²⁷³ Gałaj R. Wojsko w siedemnastowiecznych przysłowiach polskich zebranych przez Salomona Rysińskiego i Andrzeja Maksymiliana Fredrę // Zeszyty Naukowe. Uniwersytet Szczeciński. N 12. Szczecin, 2000.

²⁷⁴ Partyka J. Czy autor Przysłów mów potocznych był Sarmatą? // Napis. Seria VIII. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2002. S. 35.

²⁷⁵ Raubo G. Światło przyrodzone: rozum w literaturze polskiego baroku. Poznań: Wydawnictwo UAM, 2006. S. 51-90.

²⁷⁶ Tracz-Tryniecki M. Wstęp // Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 35.

Всесторонним исследованием «Поговорок» является монография Мачея Эдера «У истоков польской афористики», опубликованная в 2008 году. Автор рассматривает труд Фредро с разных точек зрения: паремиографической, стилистической, жанровой, философской, политической и т. д., сравнивает различные редакции «Поговорок», их источники и интерпретации. Особое внимание Эдер уделяет восприятию «Поговорок» как руководства по управлению, а также программы реформ Речи Посполитой²⁷⁷. Эта монография является наиболее подробным и многоаспектным исследованием «Поговорок» на данный момент.

Как замечает Эдер, «при внимательном чтении оказывается, что советы, заключенные в «Поговорках», не выходят за пределы общих рассуждений или очевидных замечаний... профессиональное знание служит только как фон для демонстрации различных жизненных позиций... В действительности все образцы вписываются в ясную схему «руководитель – подчиненный», которая реализуется в разных вариантах: король – подданный, гетман – солдат, господин – слуга, мастер – подмастерье, сенатор – народ»²⁷⁸. Таким образом, описывая межчеловеческие отношения, не будучи адресованными конкретно монарху, «Поговорки» все же затрагивали тематику власти, в том числе, королевской.

Уже в первых «Поговорках» Фредро, с одной стороны, отмечает преимущества положения правителя: «Счастливей господину согрешить, чем бедному добро делать. Ошибки господина каждый замолчит, добродетель бедного мало кто видит»; «Господину грубость за добродетель сойдет»; «Кто же когда осудил господина? Нерон, будучи в злости наиболее отвратительным, более всего находил льстецов, что его более всего испортило»²⁷⁹. С другой стороны, значительно большее количество поговорок-афоризмов посвящено ответственности и обязанностям правителя

---

²⁷⁷ Eder M. U źródeł aforystyki polskiej. Studium o „Przysłowiach...” Andrzeja Maksymiliana Fredry. Wrocław: ATUT, 2008. S. 222-255.

²⁷⁸ Ibid. S. 223-224.

²⁷⁹ Fredro A. M. Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne. Sanok: Nakład i druk Karola Pollaka, 1855. S. 1.

(короля, гетмана, сенатора, хозяина дома): «Ошибаются те, кто считают, что верховенство и величие в том заключается, чтобы в покое сидеть, отдыхать и не двигаться: верховенство имеет столько же работы, как и подданство, и даже больше, потому как одного ручная работа утомит, а другому голову высушит...»²⁸⁰, «Частные люди распоряжаются своим временем. Монархи или должностные лица имеют время не для своего удобства, но ради людей; не должны поэтому жаловаться, что им люди своими делами надоедают, т. к. твое не как твое, но как свое время используют. Если надоедают, то нет другого выхода, как только или эту неприятность терпеть, или должность оставить»²⁸¹, «Не королям королевства, но короли королевствам дадены: король над людьми, Бог над королем»²⁸².

Что касается функций монарха, Фредро не уделяет им в «Поговорках» значительного внимания. Гораздо подробнее львовский каштелян говорит о качествах, необходимых монарху, первое из которых – внимание к своим подданным, а также проистекающее из него умение ими распоряжаться: «Важнейшая добродетель правителя – знать своих подданных. Если не может их направить по своему пути, пусть свой образ правления к ним приспособливает. Хороший солдат не отказывается от хорошего коня, хотя тому удила поначалу не по вкусу, не коня к удилам, но удила к коню приспособливая, так на нем ездит, как получается, важно, что ездит»²⁸³, «Умелый ремесленник и с несовершенным орудием справится. Так добрый правитель и худых может во благо использовать, а у худого и добрые худыми будут, если управиться с ними не может. Худой возница и добрых коней испортит. Признак мудреца – плохим орудием сделать хорошо»²⁸⁴, «Доброй рукой хорошо оружие, конь – всадником, войско – гетманом, подданные –

---

²⁸⁰ Ibid. S. 7.

²⁸¹ Ibid. S. 7.

²⁸² Ibid. S. 17.

²⁸³ Ibid. S. 22.

²⁸⁴ Ibid. S. 22-23.

королем, имущество – хозяином»²⁸⁵, «Признак тирана: недоверие к подданным»²⁸⁶.

Можно предположить, что подобные советы имели двойное значение: с одной стороны, в них прослеживается представление о монархе как «воспитателе», направляющем своих подданных (вспомним пример воинской доблести монарха, упоминаемый в сеймовых речах Фредро). В пользу такого предположения говорят и такие афоризмы: «Когда нет у тебя хороших подданных и друзей, старайся их такими сделать»²⁸⁷, «Как учитель, так и правитель больше добьется наставлениями, чем ругательствами. Мягкость привлекает; строгость отпугивает»²⁸⁸, «Не тот правильно делает, кто провинившихся наказывает, но тот, кто ранее следит, чтобы не согрешили»²⁸⁹.

С другой стороны, гораздо более ярко выражено здесь стремление подчеркнуть необходимость приспособления монарха к характеру своих подданных. Причем речь здесь может идти не только, а возможно, и не столько об их личностных качествах («Не будешь опасаться плохих, когда хорошие будут за тобой в силе. Однако и плохих не стоит дразнить, наоборот, с ними обходиться мягко, если не хочешь ошибиться, аффекту потакая более, чем общему миру»²⁹⁰), сколько о политической натуре граждан Речи Посполитой: монарх должен функционировать в рамках устройства польско-литовского государства, на страже которого стоят и его подданные, и он сам. Приверженность принципам устройства Речи Посполитой многократно акцентировалась Фредро в «Поговорках»: «Хороший советник согласно с природой Речи Посполитой советует, плохой – согласно науке и концепциям; так и доктора мортят скорее, а не лечат, когда не из природы пациента, но из книг свои предложения лекарств берут»²⁹¹,

---

²⁸⁵ Ibid. S. 38.

²⁸⁶ Ibid. S. 51.

²⁸⁷ Ibid. S. 74.

²⁸⁸ Ibid. S. 73.

²⁸⁹ Ibid. S. 52.

²⁹⁰ Ibid. S. 59.

²⁹¹ Ibid. S. 48.

«Кто говорит: безвластием Польша стоит, у того самого безвластие в голове»²⁹² и т. д.

Кажется, перед нами очередной парадокс, характерный для творчества львовского каштеляна: как примирить «воспитательную» (ведущую) роль монарха с необходимостью приспособления к своим подданным? Можно предположить, что именно принципы устройства Речи Посполитой, носителями которых были ее граждане, являлись тем ограничением, которое должно было, по мысли Фредро, удерживать польских королей от чрезмерного стремления направить своих подданных «по своему пути».

Подобное решение дилеммы в духе «золотой середины» и умеренности как нельзя более характерно для Фредро. Более того, немалая часть афоризмов посвящена именно применению этого принципа в государственном управлении: «Умеренное правление больше приносит, не раздражая»²⁹³, «Больше любят правителя, который строго наказывает, чем того, кто все по мягкости своей прощает; но в наказании важна умеренность»²⁹⁴, «Хороший правитель благородством и достоинством любовь приобретает, плохой – страхом пытается, но безуспешно»²⁹⁵, «Суровость без мягкости раздражит, а не поправит»²⁹⁶.

Отдельная небольшая группа афоризмов посвящена обращению короля с подданными, основанному на принципе умеренности или балансирования между мягкостью и строгостью: «Запальчивость у правителя – как меч у сумасшедшего в руке»²⁹⁷, «Чрезмерная близость небрежение приносит. Верховенство тем сильнее теряет уважение»²⁹⁸, «Не умеет управлять тот, кто не умеет отказывать»²⁹⁹, «Страх и нужда больше могут среди людей, чем любовь к добродетели, так как больше плохих людей, чем хороших»³⁰⁰,

---

²⁹² Ibid. S. 51.

²⁹³ Ibid. S. 17.

²⁹⁴ Ibid. S. 43.

²⁹⁵ Ibid. S. 51.

²⁹⁶ Ibid. S. 81.

²⁹⁷ Ibid. S. 17.

²⁹⁸ Ibid. S. 45.

²⁹⁹ Ibid. S. 65.

³⁰⁰ Ibid. S. 74.

«Сила видна не в порче, но исправлении; портить всякий может; исправить – только добродетельный и благородный. Преступник сожжет город – король его едва отстроит. Упрямец сорвет сейм – все мудрецы с ним не справятся»³⁰¹. Интересно, что последний афоризм, вкупе с «поговоркой» «Один глупец испортит, тысяча мудрецов не поправит»³⁰² Франтишек Стопа считал доказательством того, что Фредро был скорее противником *liberum veto*, которое защищал в своих латинских трудах, хотя здесь сложно увидеть негативное отношение к принципу единогласия: недовольство Фредро направлено не против самого принципа, а против неразумно использующего его посла, т. е. проблему львовский каштелян видел не в самом *liberum veto*, а в его чрезмерном применении.

Стоит отметить, что можно среди «Поговорок» найти и те, которые адресованы подданным. Что интересно, они носят предостерегающий характер: «Сами же подданные научат господина злости, соревнуясь друг с другом, вместо правды используя лесть, и не господин тогда, но сами виноваты»³⁰³. Более интересен, однако, следующий афоризм: «Прежде определи способ власти, чем ее отдашь. Легче не давать разбойнику палку, чем пытаться ее отнять, потому как ею отбиться может»³⁰⁴. Данное изречение, с одной стороны, может являться предостережением для короля при назначении должностных лиц, но могло восприниматься читателями-шляхтичами как рекомендация тщательного слежения за составлением и соблюдением польскими монархами *pacis conventa*, а также Генриховых статей.

Как видим, здесь Фредро посвятил королю и его власти не так много внимания. Однако вопросы политики более глубоко рассматривались нашим автором в другом, уже латинском, сборнике афоризмов – «Политико-моральных предостережениях». Если «Поговорки» были наиболее

---

³⁰¹ Ibid. S. 46.

³⁰² Ibid. S. 31.

³⁰³ Ibid. S. 1.

³⁰⁴ Ibid. S. 80.

популярным произведением Фредро в Польше, то за рубежом именно «Предостережения» пользовались наибольшим успехом: после первого издания в Гданьске в 1664 году последовали издания 1668 и 1669 годов (там же), 1679, 1682, 1687, 1694, 1697, 1703, 1719 во Франкфурте, 1692 и 1748 в Вене, 1700 в Везеле, 1701 и 1750 в Ингольштадте, 1751 и 1763 в Трнаве, 1765 в Варшаве (с предисловием Лоренца Кристофа Мицлера)³⁰⁵. В 1684 году во Франкфурте вышел перевод «Предостережений» на немецкий язык, а в 1700 в Кельне – перевод на французский³⁰⁶. На польский они были переведены Яном Игнацием Янковским и изданы в Вильно в 1781 году³⁰⁷. Существует также рукописный перевод данного произведения на церковно-славянский язык³⁰⁸.

Сравнивая «Предостережения» с «Поговорками», Станислав Тарновский замечает, что «хотя одни очень похожи на другие, хотя говорят о тех же вещах и в том же духе, хотя не единожды встретится в «Предостережениях» какой-нибудь афоризм, известный из «Поговорок», кажется, что «Предостережения» являются плодом более зрелых размышлений, более глубокой рефлексии, так, как бы автор присматривался к одному и тому же феномену внимательнее, с разных сторон и точек зрения, и более основательно познал его природу»³⁰⁹. Петр Хмелевский находил в «Предостережениях», как и в «Поговорках», «разумные советы, точные наблюдения, мысли, дышащие благородством искренней и набожной души»³¹⁰. Долгое время, однако, «Предостережения» оставались вне поля зрения исследователей, чем можно объяснить ошибочное суждение Владислава Конопчиньского, который считал, что латинские афоризмы

---

³⁰⁵ Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 51.

³⁰⁶ Głębińska E. J., Lasocińska E. Wprowadzenie do lektury // Fredro A. M. *Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe*. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 6.

³⁰⁷ Ibid. S. 13.

³⁰⁸ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1903. С. 162; Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI-XVIII веков. СПб: Нестор-История, 2008. С. 105-106.

³⁰⁹ Tarnowski S. Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // *Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności*. Tom IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 183.

³¹⁰ Chmielowski P. *Historia literatury polskiej*. Tom II. Warszawa: Drukarnia Granowskiego i Sikorskiego, 1899. S. 81.

львовского каштеляна содержат в себе, прежде всего, защиту государственного устройства Речи Посполитой³¹¹. Значительно более точно тематику произведения определил Збигнев Огоновский, публикуя в антологии перевод его отрывка: «автор выступает здесь в роли тонкого психолога, прекрасного знатока тайн человеческого сердца и, говоря современным языком, теоретика социотехники»³¹².

Збигнев Рындух в своей монографии, посвященной Фредро, соглашался со Станиславом Тарновским: «Проблематика обоих сборников происходит из одних и тех же интересов автора, в свою очередь, «Предостережения» в своей художественной форме отличаются большей серьезностью и глубиной мысли»³¹³.

В 1999 году после более чем двухсотлетнего перерыва в рамках двуязычного латино-польского издания свет вновь увидел перевод Яна Игнация Янковского. Редакторы тома – Эва Иоланта Глембицка и Эстера Лясочиньска – отмечают, что «Предостережения» – «сборник указаний, обучающих, как надлежит жить и поступать, чтобы пользоваться уважением среди сограждан – это произведение человека, который знал политику как в теории, так и в практике»³¹⁴. Отдельная статья Эвы Иоланты Глембицкой была посвящена польским реалиям в «Предостережениях», которые автору, хотя и не без труда, удалось обнаружить³¹⁵. В значительной степени на тексте «Предостережений» основан анализ исследовательницей понятий «народ» и «свобода» в творчестве Фредро³¹⁶. Предметом изучения нередко становилась

---

³¹¹ Konopczyński W. *Liberum veto*. Kraków, 1918. S. 291-292.

³¹² Ogonowski Z. *Andrzej Maksymilian Fredro // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku. Część I*. Warszawa: PWN, 1979. S. 299-300.

³¹³ Rynduch Z. *Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki*. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 55.

³¹⁴ Głębińska E. J., Lasocińska E. *Wprowadzenie do lektury // Fredro A. M. Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe*. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 5.

³¹⁵ Głębińska E. J. *Polskie realia w Monita politico-moralia Andrzeja Maksymiliana Fredry // Świt i zmierzch baroku*. Lublin: Towarzystwo naukowe KUL, 2002. S. 243-253.

³¹⁶ Głębińska E. J. *Pojęcia „Populus” i „Libertas” w politycznych traktatach Andrzeja Maksymiliana Fredry // Łacina jako język elit*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2004. S. 109-120.

также этическая сторона «Предостережений», в том числе – соотношение мысли Фредро с наследием Никколо Макиавелли³¹⁷.

«Предостережения» адресованы, прежде всего, человеку, посвятившему себя государственной деятельности. По словам Эвы Иоланты Глембицкой и Эстеры Лясочиньской, «Фредро предназначает свои указания для кого-то, кто достаточно богат и имеет положение в обществе, однако не является правителем, хотя в той или иной степени может принимать участие в управлении. Если перенести это на польские реалии, адресатом «Предостережений» были бы сенаторы»³¹⁸. Между тем, рекомендации львовского каштеляна весьма общи и касаются, прежде всего, поведения публичного лица и его взаимодействия с подчиненными или подданными. В связи с этим полезным кажется рассмотрение «Предостережений» применительно не только к поведению сенатора, но и монарха. Постараемся выделить те черты, которые Фредро считал наиболее важными для государственного деятеля.

Являясь сборником советов, «Предостережения» заметно отличаются других произведений Фредро, прежде всего, тем, что весьма слабо связаны с особенностями государственного устройства Речи Посполитой (именно эта универсальность способствовала популярности «Предостережений» за рубежом). Поэтому мы найдем здесь, прежде всего, практические указания, касающиеся поведения и отношений с окружением, но не теоретические размышления о королевской власти.

То, что роднит латинские афоризмы с другими произведениями Фредро – отстаивание принципа умеренности и «золотой середины» практически в любой сфере, будь то политика раздачи наград и должностей («Будь щедрым

---

³¹⁷ Głębińska E. J., Lasocińska E. Wprowadzenie do lektury // Fredro A. M. *Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe*. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 8-9; Ślęk L. *Ars dissimulandi i jej funkcje // Między teatrem a literaturą*. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2004. S. 413-416; Raubo G. *Światło przyrodzone: rozum w literaturze polskiego baroku*. Poznań: Wydawnictwo UAM, 2006. S. 84-90; Skrodzki M. *Andrzej Maksymilian Fredro – polski Machiavelli? // Nowożytnicze Zeszyty Historyczne. Z. 3. "O kształt Europy Środkowo-Wschodniej"*. Kraków: Koło Naukowe Historyków Studentów Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011. S. 77-91.

³¹⁸ Głębińska E. J., Lasocińska E. Wprowadzenie do lektury // Fredro A. M. *Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe*. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 7.

без похвальбы и расточительства»³¹⁹), общения с придворными и подданными («Некоторые, будучи слишком откровенны, впадают в неосторожность»³²⁰, «Прекрасно говори, но избегай легкой беседы»³²¹), поведения («Поведение и жесты должны быть исполнены достоинства, не мрачными или чрезмерно радостными»³²²) и т. д.

Значительная часть советов Фредро посвящена принципам, которых должен придерживаться государственный деятель в отношении со своими подданными: «Остерегайся людей горячих и легких держать при себе, будь это друзья или твои подопечные. И как только их обнаружишь, под вежливым предлогом отправь их от себя подальше. Если не сделаешь это вовремя, потом от них не избавишься, разве что с большим беспокойством»³²³, «Обещай то, что можешь сделать, чтобы потом не было тебе трудно исполнить чужие ожидания. Лучше не обещай, только делай то, что должен»³²⁴, «Ошибаются те, кто для всех хотят быть хорошими и милыми. Ибо когда чрезмерно благожелательны или гонятся за малой похвалой толпы, попадают в презрение»³²⁵, «По доброй воле проси (если ты мудр), чтобы тебе доносили обо всем, не боясь оскорбить, чтобы ты знал, как предупредить или предотвратить и даже самого себя поправить»³²⁶, «Отсутствием своим вызывай живую дружбу и авторитет и их блюди, не забывай о письмах, в которых обещай присутствие, а одновременно тяни время»³²⁷. Наконец, наиболее развернуто следующее рассуждение на тему, затрагиваемую еще Никколо Макиавелли: «Вопрос еще не разрешенный: лучше, чтобы тебя любили или опасались. Пусть говорят, что хотят. По моему, как Бога, так и человека никто сильно не любит, если его не боится

---

³¹⁹ Fredro A. M. *Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe*. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 22-23.

³²⁰ Ibid. S. 26-27.

³²¹ Ibid. S. 34-35.

³²² Ibid. S. 26-27.

³²³ Ibid. S. 64-65.

³²⁴ Ibid. S. 40-41.

³²⁵ Ibid. S. 76-77.

³²⁶ Ibid. S. 82-83.

³²⁷ Ibid. S. 44-45.

или если не уважает... Добавлю, что чтобы нас любили – не в нашей власти, зато чтобы опасались – в нашей. Не всегда нас любят, когда мы того хотим, но всегда боятся, когда пожелаем... Ведь боязнь без любви несвободна от опасностей и наиболее вредна. Только тогда окупается боязнь, когда происходит из уважения и зарождается добровольно в умах людей из дел приличных и важных, придавая рассудок и человечность, не та (как некоторые ошибочно судят), которая заключается в возможности навредить»³²⁸. Несмотря на некоторые сходства, можно отметить, что вывод Фредро значительно отличается от вывода Макиавелли, советовавшего полагаться на страх перед государем.

В целом, данные советы львовского каштеляна рисуют перед нами, опять же, человека умеренного, не желающего впасть в крайности, избегающего как напряжения, так и фамильярности в отношениях со своими подданными (разумеется, говоря об отношениях с подданными, мы должны понимать, что речь идет о представителях шляхты, преимущественно – высшей). При этом Фредро не чуждается «социотехнических» (по уже упоминавшемуся выражению Збигнева Огоновского) приемов, направленных на улучшение восприятия подданными их распоряжений: «Держи свои труды в тайне, еще более – то, что собираешься делать»³²⁹, «Если что-то необходимое, но на первый взгляд неприятное народу хочешь передать, специально через другого передавай, чтобы первый гнев народа на него вылился и утих. Тогда с приличествующей скромностью сам иди и проси о том же, но так, как будто это тебя менее занимает»³³⁰, «Дела (если можешь без ущерба) через других начинай, делай, устраивай, обеспечивай, надзирай. Неудачу в деле считай меньшей, чем ущерб для авторитета»³³¹, «Чего поспольство добивается, а тебе не приходится по вкусу, сначала похвали так, как бы был по их стороне; затем (как бы после размышлений) отстранись, но

---

³²⁸ Ibid. S. 68-71.

³²⁹ Ibid. S. 34-35.

³³⁰ Ibid. S. 42-43.

³³¹ Ibid. S. 30-31.

без суровости. Ибо кто прямо толпе противоречит, сам себя переломит»³³², «Если ты должен что-либо трудное предложить народу, причины предложения лучше через слухи огласишь»³³³, «Если что-то неприятное с тобой происходит, говори скорее, что это ты себе по доброй воле выбрал, чем... будешь казаться бессильным»³³⁴, «Должности и награды сам раздавай, наказания же (если действительно необходимы) исполняй через других»³³⁵, «Никакие дары или должности не должны раздаваться без твоего ведома, чтобы не кому другому, но тебе благодарность досталась»³³⁶.

Именно подобным советам Фредро обязан репутацией «польского Макиавелли». К этой же категории можно отнести советы, касающиеся скрытности: «Никогда себя не выдавай со всем доверием и дружбой; если необходимо себя выдать, делай это медленно и поэтапно»³³⁷, «Не только дружественные (или наоборот, ненавистные) стремления, но и свою мудрость понемногу, не напоказ необходимо демонстрировать»³³⁸ и т. д. Значительную роль в политике Фредро отводил «искусству умолчания» (это отмечали Збигнев Рындух³³⁹, Людвика Шленк³⁴⁰ и другие исследователи), необходимости скрывать свои намерения и не быть чрезмерно откровенным. Вместе с тем, львовский каштелян не советовал прибегать ко лжи: «Всегда говори правду, ложь – рабский грех; и конечно, есть в нем признаки воровства»³⁴¹. Вообще же, государственный деятель в представлении Фредро всегда должен одновременно сохранять эффективность в политике и при этом непременно оставаться христианином, что значительно отличает представления львовского каштеляна от представлений Макиавелли, согласно которым политическая деятельность практически несовместима с

---

³³² Ibid. S. 40-41.

³³³ Ibid. S. 48-49.

³³⁴ Ibid. S. 46-47.

³³⁵ Ibid. S. 86-87.

³³⁶ Ibid. S. 142-143.

³³⁷ Ibid. S. 30-31.

³³⁸ Ibid. S. 32-33.

³³⁹ Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 60.

³⁴⁰ Ślęk L. Ars dissimulandi i jej funkcje // Między teatrem a literaturą. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2004. S. 413-416.

³⁴¹ Fredro A. M. Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 84-85.

христианскими ценностями: «Пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность». Фредро, наоборот, предупреждает: «Будь политиком так, чтобы не забывать, что ты – католик»³⁴². Таким образом, несмотря на то, что в политике Фредро допускает и даже рекомендует умолчание и хитрость, идеальный политик, по его мнению, обязан в своей деятельности опираться на принципы католической религии и морали. Собственно, само название труда – «Политико-нравственные предостережения» – уже несет в себе необходимость сочетания политики и морали.

Среди советов Фредро также стоит отметить рекомендации, касающиеся меценатства и привлечения на свою сторону представителей интеллектуальной элиты общества: «Уважай монахов, чтобы иметь их по своей стороне, привлечешь их человечностью и благотворительностью»³⁴³, «Проповедников на свою сторону привлекай, которые бы проповедовали народу то, что ты желаешь для общественного блага, или то, чего не желаешь (без ненависти и оскорблений), на проповеди бы осуждали»³⁴⁴, «Тех также к себе притягивай, которые ценимы другими»³⁴⁵, «Новых военных машин и других структур изобретение приносит славу»³⁴⁶, «Выдающиеся строения, статуи, прекрасные костелы приносят славу и величие, также упоминания мудрецами, книги, посвященные твоему имени»³⁴⁷, «Основание академии или чего-либо с пользой для общего блага служит прибавлению славы»³⁴⁸. Львовский каштелян уделяет также внимание необходимости получения поддержки среди нуждающихся в помощи: «Богатейший стол и человечность

---

³⁴² Ibid. S. 112-113.

³⁴³ Ibid. S. 48-49.

³⁴⁴ Ibid. S. 48-49.

³⁴⁵ Ibid. S. 78-79.

³⁴⁶ Ibid. S. 142-143.

³⁴⁷ Ibid. S. 86-87.

³⁴⁸ Ibid. S. 142-143.

много тебе друзей привлечет... Неудивительно, что толпа хотела сделать Христа царем, когда тысячи людей их своего божественного амбара не только быстро насытил, но и многие прославили великолепие пира и достоинства Господа»³⁴⁹, «Заглушенных и подавляемых скорее защищай, чем притесняй, защитником притесняемых становись»³⁵⁰, «Слабых и к твоей помощи прибегающих не отпускай без спасения, верно тебе служить будут»³⁵¹, «Обеспечь заранее, чтобы простой народ не был притесняем разными нуждами, особенно – недостатком продовольствия»³⁵². Здесь речь идет не только о расширении популярности среди поддерживаемых ученых, писателей, духовенства или нуждающихся, но и о распространении ими популярности своего благодетеля (что не было лишним, в том числе, и для короля Речи Посполитой).

Наконец, часть афоризмов посвящена обращению с провинившимися. Здесь (и не только здесь) Фредро советует, прежде всего, не поддаваться порывам гнева: «Страсть – враг разума. Не ты им управляешь, но он тобой. Не преувеличивай ни с гневом, ни с мягкостью, но необходима умеренность, иначе ошибешься. У кого меньше страсти, у того больше ума»³⁵³. В наказании Фредро советует, опять же, сдержанность: «Без шума и грома (или без замечаний) наказывай провинившегося, чаще милостивей и скромно; так, как бы был принужден к этому, покажи это по себе. Если захочешь, можешь прекратить»³⁵⁴, «Не выноси приговора второпях, но медленно и сожалея... Наказание назначишь виновным не из жестокости и строгости, чтобы наказать, но ради справедливости; для исправления, не для вреда»³⁵⁵.

В контексте начавшегося на следующий (1665) год после выхода «Предостережений» рокоша Любомирского интересен следующий совет: «Когда только начинается рокош или самоволие, терпение и скромность

---

³⁴⁹ Ibid. S. 50-51.

³⁵⁰ Ibid. S. 88-89.

³⁵¹ Ibid. S. 128-129.

³⁵² Ibid. S. 136-137.

³⁵³ Ibid. S. 190-191.

³⁵⁴ Ibid. S. 78-79.

³⁵⁵ Ibid. S. 124-125.

скорее раздражат, чем вылечат, наоборот: когда уже распространится и укрепится, осторожность и рассудительность могут быть лекарством»³⁵⁶. Действительно, в разгар рокоша Фредро будет призывать к примирению сторон, с самого начала не принимая в нем участия, хотя постулаты рокошан, сопротивляющихся элекции *vivente rege*, были ему близки. Его просьбы к королю о прощении Любомирского как нельзя более соответствовали его же рекомендации: «Самая большая подпора человеческих дел – в прощении... «Кто не умеет смотреть сквозь пальцы, тот не умеет править», – совет Людовика XI, короля французского, своему сыну Карлу VIII, вместо завещания. Так что сквозь пальцы смотри, смотри сквозь пальцы»³⁵⁷.

Каковы же качества монарха, наиболее ценимые львовским каштеляном в его афористичных «Поговорках» и «Предостережениях»? Нетрудно заметить, что, в отличие от своих других трудов, в данных сочинениях Фредро концентрируется, прежде всего, на личных качествах, а не на функциях монарха. Тема королевской власти затрагивается здесь не так часто, как в сеймовых речах или «Истории поляков», но те рекомендации, которые мы найдем в этих произведениях, добавляют несколько существенных штрихов к портрету идеального монарха в представлении Анджея Максимилиана.

Король обладает большой властью и доверием подданных, но вместе с тем он несет (прежде всего, перед Богом) ответственность за свое правление. Король выполняет по отношению к своим подданным функцию наставника и направляющего (не забывая при том об ограничениях, налагаемых на него правом Речи Посполитой), однако при этом – умелого руководителя, который знает, каким образом распределить государственные функции между своими подданными согласно их умениям и характерам. Основным качеством монарха должно быть правление согласно принципу умеренности, «золотой середины» – прежде всего, в отношении к подданным – не

---

³⁵⁶ Ibid. S. 134-135.

³⁵⁷ Ibid. S. 74-75.

чрезмерно суровым или слишком мягким. В целом, однако, львовский каштелян призывает к милости к подданным. Несмотря на то, что Фредро считал, что хитрость и некоторое лукавство необходимы правителям, он все же призывал сильных мира сего воздерживаться от прямой лжи и царствовать, не забывая о христианских ценностях. Те советы, которые львовский каштелян давал государственным деятелям, все же демонстрируют, что он был далек от идеи Макиавелли о «пороках, полезных для правителей». Вместе с тем, в труде Фредро заметно влияние идей стоиков (а скорее – нестоиков, в т. ч., Юста Липсия³⁵⁸), а также близких им авторов (например, Цицерона³⁵⁹). Прежде всего, это влияние выразилось в идеях активной полезной деятельности, умеренности и справедливого правления. Как отмечал Петр Урбаньский, «Стоицизм становится для Фредро точкой отсчета для его собственных рассуждений, формулирования конкретных советов, а также конструирования личных примеров»³⁶⁰. Мотивы гражданской доблести, в свою очередь, были характерны для гражданского гуманизма, а меценатство – для идей ренессансной монархии. Такое соответствие Фредро общеевропейскому контексту, безусловно, было одним из факторов, способствовавших популярности его «Предостережений» за рубежом.

Каковы же должны быть принципы разумного правления – Фредро изложит в своем труде «Фрагменты писем о мире и войне».

---

³⁵⁸ Lipsius J. *Politica*. Assen: Royal Van Gorcum, 2004. 642 p. См. подробнее: Dąbkowska-Kujko J. *Justus Lipsjusz i dawne przekłady jego dzieł na język polski*. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010. 540 s.

³⁵⁹ Цицерон. Об обязанностях. 1.93. См. подробнее: Брагова А. М. Цицероновский образ правителя [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. N 4, 2016. URL: <http://st-hum.ru/content/bragova-am-ciceronovski-obraz-pravitelya>.

³⁶⁰ Urbański P. *Stoicyzm i neostoicyzm w kulturze polskiej // Humanitas i christianitas w kulturze polskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Weriton, 2009. S. 183.

Глава 5. «Фрагменты писем о мире и войне»

1660 год стал поворотным в карьере Анджея Максимилиана Фредро. В этом году выходит третье издание «Истории поляков», правда, в отличие от двух предыдущих, оно уже не содержит посвящения Яну Казимиру. «Поговорки разговорного языка», в которых Фредро выражает свою приверженность государственному устройству Речи Посполитой, впервые выходят не анонимно, а под его именем. Наконец, в Гданьске, у своего постоянного издателя Георга Ферстера, Фредро издает труд, в котором решительно выступает против планов королевских реформ, предполагающих ликвидацию *liberum veto* и введение элекции *vivente rege*, – «Фрагменты писем о мире и войне» (переиздан в 1685 году во Франкфурте).

Пожалуй, ни один другой труд Фредро не получил столь негативной оценки в историографии, как «Фрагменты писем». Так, Юзеф Шуйский утверждал, что отрывки из «Фрагментов» «производят грустное впечатление и показывают, как далеко шляхетский дух и его философ, политик и систематизатор забрели в софизмы и предрассудки»³⁶¹. Станислав Тарновский назвал их «коротким, но полным сборником всех особенностей и противоречий этого удивительного ума и характера»³⁶², Тадеуш Корзон – «вредной книжечкой»³⁶³, в свою очередь, Петр Хмелевский утверждал, что «больно нам сегодня читать эти максимы как бы обезумевшего разума, который важнейшие помехи правильному политическому развитию считал сильнейшими опорами Речи Посполитой»³⁶⁴.

В XX веке историки обращались в своих исследованиях к отдельным «фрагментам» труда львовского каштеляна: так, Хенрык Барыч в своей

³⁶¹ Szujski J. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Tom III. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1864. S. 491.

³⁶² Tarnowski S. Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. Tom IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 219.

³⁶³ Korzon T. Dola i Niedola Jana Sobieskiego. Tom II. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1898. S. 139.

³⁶⁴ Chmielowski P. Historia literatury polskiej. Tom II. Warszawa: Drukarnia Granowskiego i Sikorskiego, 1899. S. 80.

монографии³⁶⁵ отмечал педагогические аспекты сочинения, Збигнев Огоновский исследовал аргументы Фредро в защиту *liberum veto*³⁶⁶, а Януш Пельц – эмблематический цикл «Королевские ковры», входящий в состав «Фрагментов»³⁶⁷. В 1979 году отрывки «Фрагментов» были опубликованы в польском переводе Франтишека Вуйтевича в антологии «Философия и общественная мысль XVII века»³⁶⁸. В своей монографии о Фредро Збигнев Рындух писал, что «Фрагменты» «без сомнения являются наиважнейшим произведением Фредро, суммирующим его взгляды, их изменения и непоследовательность, многие же мысли, экономические и военные реформаторские концепции перейдут в позднейшие произведения, как латинские, так и польские»³⁶⁹.

В 2014 году в рамках двуязычного латино-польского издания впервые увидел свет полный перевод «Фрагментов» на польский язык (переводчики Ягода Хмелевска и Бартломей Беднарек)³⁷⁰. В обширном предисловии Марек Трач-Трынецкий проанализировал обстоятельства появления, структуру, источники и основные положения труда львовского каштеляна³⁷¹.

Первая же – и одновременно самая обширная – часть «Фрагментов» озаглавлена «Принципы правления христианских государей». Принципы эти изложены в виде 26 рекомендаций, адресованных монарху. При этом стоит помнить, что «Фрагменты» были опубликованы в 1660 году в спешке, вызванной оживленной полемикой вокруг планов королевских реформ, о чем Фредро сам говорит в предисловии³⁷², поэтому, по крайней мере, часть рекомендаций имеет непосредственное отношение к текущей политической

---

³⁶⁵ Barycz H. Andrzej Maksymilian Fredro wobec Zagadnień Wychowawczych. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1948.

³⁶⁶ Ogonowski Z. Nad Pismami A.M. Fredry w Obronie Liberum Veto // *Filozofia Polityczna w Polsce XVII Wieku i Tradycje Demokracji Europejskiej*. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1992. S. 9-57.

³⁶⁷ Pelc J. Słowo i obraz. Na pograniczu literatury i sztuk plastycznych. Kraków: Universitas, 2002. S. 252-259.

³⁶⁸ Fredro A. M. W obronie liberum veto; Od czego zależy trwałość Rzeczypospolitej // *Filozofia i Myśl Społeczna XVII Wieku*. Tom I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 301-319.

³⁶⁹ Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro. Portret literacki. Gdańsk, Wrocław, 1980. S. 85.

³⁷⁰ Fredro A. M. *Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014.

³⁷¹ Tracz-Tryniecki M. Wstęp // *Fredro A. M. Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S.19-114.

³⁷² Fredro A. M. *Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 122-123.

ситуации (Збигнев Огоновский предполагал, что часть тезисов Фредро полемически заострены именно ввиду политических обстоятельств³⁷³).

Те советы, которые касаются текущего политического спора, особенно развернуты и развиты Фредро. Остальные, не имеющие отношения к противостоянию планам двора, оговариваются весьма коротко – по-видимому, они возникли в виде своеобразных «заготовок» еще до конфликта 1660 года, а их развитию ввиду спешки при издании Фредро не придавал значения. В пользу данного предположения говорит и то, что краткие рекомендации представляют собой советы для начинающего правителя, что уже не было актуально для Яна Казимира в 1660 году: «Для правителя, который первый раз принимает бразды правления, ничто более не способствует распространению доброй славы и пробуждения в подданных надежды на хорошее правление, чем созыв сословий, чтобы вместе обсуждать общее благо. Должен исследовать и расспросить, чего хотят подданные»³⁷⁴, «Мудро сделает правитель, который в первом году своего правления удержится от всех войн, чтобы подданные не сочли плохим предзнаменованием какой-либо несчастный случай, а их ненависть не помешала ему исполнять свои обязанности»³⁷⁵. Вместе с тем, однако, такие советы вполне соответствуют тому духу коллегиальности и принятия королем во внимание мнения своих подданных, которым пропитаны все «Фрагменты».

Таким образом, уже то внимание, которое львовский каштелян уделяет тем или иным рекомендациям, уже указывает на то, какой аргументации в противостоянии политике двора оппозиция, ярким представителем которой являлся Фредро, придавала особенный вес. Первым наиболее развернутым советом является как нельзя более актуальная в момент вызревания планов реформ рекомендация, начинающаяся следующим образом: «Без обращения

---

³⁷³ Ogonowski Z. Nad Pismami A.M. Fredry w Obronie Liberum Veto // *Filozofia Polityczna w Polsce XVII Wieku i Tradycje Demokracji Europejskiej*. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1992. S. 54-55.

³⁷⁴ Fredro A. M. *Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 126-127.

³⁷⁵ Ibid. S. 128-129.

к мнению общества правитель не должен предпринимать действий, влияющих на форму устройства. Если же захотел бы поступать по-своему, буду его считать гордецом, а не разумным правителем»³⁷⁶. Обоснование данного мнения известно нам по Генриховым артикулам: «Глаза многих в состоянии больше увидеть, нельзя понять всего, опираясь только на свои знания»³⁷⁷ (сравним с уже знакомым нам артикулом: «Точно известно, что одна королевская особа не может справиться с со всеми делами так великих государств этого королевства, в результате чего Корона могла бы попасть в анархию и опасность...»³⁷⁸).

Интересны и те условия, в которых Фредро предлагает королю советоваться со своими подданными: «пусть сделает так, чтобы никто не опасался его обидеть, и чтобы каждый имел право выразить мнение согласно со своими убеждениями и желаниями. Не может также государь обнаружить, к какой стороне более склоняется, а скорее, в молчании прислушиваться к дискуссии... Во-вторых, пусть совещание будет тайным, так как не может брать на себя брать ответственность тот, кому в тягость молчание. Далее, вещи, уже принятые, пусть сразу приводит в исполнение... Наконец, при принятии решений пусть руководствуется не тем советом, который кажется более ученым, но тем, который соответствует традициям предков и духу народа, либо которая не вступает в противоречие с природой Речи Посполитой»³⁷⁹. Данные советы, разумеется, направлены на усиление позиций противников реформ ввиду предстоящего обсуждения королевских предложений на сейме 1661 года: этому служит и призыв к нейтралитету короля (безусловно, Фредро отдавал себе отчет в заинтересованности короля в реализации собственных постулатов, поэтому призывает к хотя бы внешнему нейтралитету Яна Казимира в ходе обсуждения), и требование руководствоваться духом государственного устройства Речи Посполитой,

---

³⁷⁶ Ibid. S. 128-129.

³⁷⁷ Ibid. S. 128-131.

³⁷⁸ Godek S., Wilczek-Karczewska M. Op. cit. S. 94-95.

³⁷⁹ Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 130-133.

которому планируемые реформы явно не соответствовали. Возможно, стремление к закрытости обсуждения свидетельствует о неуверенности Фредро в силах оппозиции в открытом столкновении: львовский каштелян сам еще недавно подписал проект элекции *vivente rege* (однако, вскоре изменил свое мнение)³⁸⁰ и не мог не знать, что короля в его стремлениях поддерживали многие сенаторы и представители шляхты, в том числе, великий коронный канцлер Миколай Пражмовский, великий литовский канцлер Кшиштоф Пац, популярный военачальник Стефан Чарнецкий и другие³⁸¹.

Находится во «Фрагментах» место и столь яростно критикуемым Фредро во всех его произведениях «плохим врачам», «новым политикам» и т. д., то есть сторонникам усиления королевской власти. Но если в других произведениях львовский каштелян не останавливается подробно на своих оппонентах, во «Фрагментах» он уделяет им больше внимания, так рисуя их портрет: «это, должно быть, кто-то чрезмерно мудрствующий или порывистый, человек непостоянного ума, который вместо силы ума имеет только его вид, понимает слова, но не в состоянии понять их сути; первый до новинок, но не в состоянии вести дела. Таковы люди, которые слушают исключительно свои мысли, кажется, родились они лишь для того, чтобы противиться мнениям других, ведут себя нагло по отношению к людям опытным, а вся их сила заключается в языке, что делает их способными давать советы, но не проводить их в жизнь»³⁸².

Главным недостатком «реформаторов» Фредро считал, однако, нежелание руководствоваться в своих проектах и действиях традициями государственного устройства Речи Посполитой. Интересно, что само это устройство представлялось Фредро весьма простым: так, сравнивая искусно изготовленный часовой механизм с изделиями, выходящими из-под молота

---

³⁸⁰ Czapliński W. Andrzej Maksymilian Fredro // Polski Słownik Biograficzny. Tom VII. Kraków, Wrocław: Ossolineum, 1958. S. 114-116.

³⁸¹ Markiewicz M. Historia Polski. 1492-1795. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 545.

³⁸² Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 136-137.

кузнеца, львовский каштелян явно отдает предпочтение последним, сравнивая их прочность, надежность и простоту с устройством польско-литовского государства: «то же самое касается и государства, которое легче исправить, если оно будет управляться простыми и практичными принципами, чем если бы в нем должно было господствовать нерушимое соответствие (как гармония)... все, хотя и совершенное, но более подверженное порче и трудное для исправления»³⁸³. Здесь интересно то, что текущее устройство не воспринимается как нечто сложное, состоящее из сдержек и противовесов, а наоборот, представляется весьма простым и бесхитростным инструментом, которым стоит лишь умело воспользоваться. Безусловно, подобное представление, независимо от того, соответствовало ли оно реальности, могло легче склонить общественное мнение на сторону оппозиции, чем ученые выводы и тонкие рассуждения.

В своих рекомендациях Фредро, однако, не ограничивается защитой существующего устройства. Развивая свои рекомендации, он советует королю организовать разведывательную сеть в Европе, члены которой, будучи знакомыми с обычаями и политикой отдельных государств, могли бы сообщать монарху о происходящих там событиях, а также господствующих настроениях и планах³⁸⁴. Затрагивает Фредро и тему сбора наиболее точной информации о состоянии границ, гарнизонов и крепостей Речи Посполитой³⁸⁵. Неподготовленного читателя может удивить такой быстрый переход от рассуждений об устройстве государства к «военно-разведывательной» теме в рамках одного подраздела. Для современников львовского каштеляна это не представлялось странным: ведь основным аргументом в пользу планируемых королевским двором преобразований являлась необходимость укрепления обороноспособности государства, только что пережившего тяжелейший период войн, в том числе шведский «потоп». Таким образом Фредро не просто давал королю советы по ведению

---

³⁸³ Ibid. S. 134-135.

³⁸⁴ Ibid. S. 138-143.

³⁸⁵ Ibid. S. 142-145.

внешней политики, но фактически предлагал альтернативные усилению королевской власти меры, которые должны были предотвратить возможность повторения ситуации 1655-1660 годов. Не удивляет поэтому и резкое обращение Фредро к монарху, которого львовский каштелян подозревает в стремлении укрепить не столько обороноспособность Речи Посполитой, но свою власть: «Говоришь, что это бесполезные советы? Ты не должен им следовать, прошу, однако, откажись от суровой их критики, так как я стараюсь советовать так, как могу. Придет другой, которому гордость не помешает, и послушает, что ему скажу, хоть бы и немного это значило»³⁸⁶.

Неизменно большую долю внимания Фредро уделяет принципу умеренности, который также развивал в «Предостережениях». Примерами умеренности для львовского каштеляна служат «золотая середина» между достоинством и вежливостью, жестокостью и близостью к подданным, наказанием и помилованием, щедростью и скупостью в награждении подданных³⁸⁷, а также гордыней и заискиванием перед подданными³⁸⁸. Все эти темы широко представлены в творчестве Фредро, здесь, однако, вновь появляется актуальный мотив: говоря о должностях, львовский каштелян предостерегает монарха от торговли ими: «стал бы из правителя обыкновенным купцом»³⁸⁹. Такое предупреждение появилось не на пустом месте: с самого начала правления оппозиция упрекала Яна Казимира в раздаче должностей за деньги³⁹⁰, и подобное напоминание (без прямого обвинения) могло напомнить читателю не только о сомнительности намерений монарха, но и о том, что некоторые сторонники королевских реформ могли получить свои должности именно благодаря такой торговле. Далее Фредро еще не раз прямо выступит против такой практики, хотя прямые обвинения в адрес Яна Казимира так и не прозвучат: «Если к этому

---

³⁸⁶ Ibid. S. 144-145.

³⁸⁷ Ibid. S. 144-151.

³⁸⁸ Ibid. S. 156-159.

³⁸⁹ Ibid. S. 150-151.

³⁹⁰ Подробнее о данной практике см.: Dąbrowski J. Kreowanie partii dworskiej czy sprzedaż urzędów przez Jana Kazimierza i Ludwikę Marię // Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy. Kraków: Nowa Galicja, 2003. S. 377-400.

добавится торговля должностями, король хоть и получит что-то от этой продажи, но будет это лишь десятая часть того, что потеряет из-за некомпетентности таким образом назначенных советников»³⁹¹.

Отдельная рекомендация посвящена двору как школе военного и политического искусства, где под присмотром короля воспитывается будущая элита Речи Посполитой: «пусть королевский двор будет резиденцией праведности, пусть станет для граждан образцом и школой благородства и нравов»³⁹². Подобное пожелание, опять же, вступало в решительное противоречие со всеобщим представлением шляхты о дворе Яна Казимира и Людовики Марии как месте плетения интриг, господства коррупции и засилья иностранцев (прежде всего, французов)³⁹³. Таким образом, рекомендация была одновременно и пожеланием, и проявлением (хотя и непрямой) критики. Стоит заметить, что так же, как двор должен был быть примером для жизни в политическом обществе Речи Посполитой, так и сам король должен был служить примером для своих подданных, что должно было служить не только «педагогическим» целям, но и демонстрации королевской заботы о гражданах.

Присутствует во «Фрагментах» и тема меценатства: причем как в форме покровительства, оказываемого ученым, так и в форме поддержки развития «публичных школ, которые должны обеспечить мудрых учителей, которые будут кормить молодежь благородными науками»³⁹⁴ (здесь можем обнаружить параллели с «Предостережениями»). В свою очередь, с «Поговорками» «Фрагменты» роднят рекомендации по чтению древних и современных авторов – Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия, Станислава Ожеховского и других. Отметим, что в чтении Фредро также советует государю соблюдать умеренность, что объясняет более практической, нежели теоретической деятельностью монарха. Здесь мы вновь можем

---

³⁹¹ Fredro A. M. *Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 178-179.

³⁹² *Ibid.* S. 150-151.

³⁹³ Подробнее см.: Augustyniak U. *Dwór i kraj w publicystyce politycznej w czasach Wzów // Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy*. Kraków: Nowa Galicja, 2003. S. 255-274.

³⁹⁴ Fredro A. M. *Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 154-155.

наблюдать два важных для Фредро принципа – умеренность и стремление к практичности.

Во «Фрагментах» появляется еще один мотив, известный по «Поговоркам», – хорошего знания королем своих подданных и наоборот. Именно отсюда проистекают, по мнению Фредро, мудрые назначения на государственные должности, а также – подбор монархом своих советников из благородных сограждан. Здесь вновь проявились обстоятельства появления труда на свет: львовский каштелян, сравнивая окружение монархов в давней и современной ему Польше, отмечал: «Не совался тогда к правителю умник, представляясь человеком рассудительным, ни кто-либо безрассудный – храбрым и смелым, боязливого не принимали за осторожного, а наглеца – за пламенного сторонника»³⁹⁵. Безусловно, здесь слышится нескрываемое раздражение окружением и двором Яна Казимира и Людовики Марии, поддерживающим планы усиления королевской власти. Можно даже увидеть в этих инвективах разочарование тем, что монарх не обращается за советом к самому Фредро, как и оппозиции вообще, пытаясь вопреки ее мнению провести свою реформу. В пользу данного предположения говорит и рекомендация львовского каштеляна переориентироваться на союз с оппозицией, которая открыто и честно говорит о своем несогласии с королевскими планами, и готова, в отличие от заискивающих перед монархом лицемерных придворных, к такой же честности в дружбе с королем³⁹⁶.

Уделяет Фредро внимание и вопросам религии, советуя монарху: «каждый правитель, если не хочет почитаться плохим, по причине своей силы должен быть первым стражником религии в своем королевстве, а ввиду авторитета и власти – первым ее распространителем»³⁹⁷. Публичное отправление культа, помимо чисто религиозной функции, имеет также своей целью пример подданным (тут вновь ярко проявляется мотив короля-

---

³⁹⁵ Ibid. S. 160-161.

³⁹⁶ Ibid. S. 162-167.

³⁹⁷ Ibid. S. 168-171.

наставника): «наилучший правитель учит своих граждан правильному поведению, действиями подавая им пример»³⁹⁸. Кроме того, религиозность монарха помогает ему избежать соблазнов макиавеллизма: «пусть правитель не позволит себя убедить хитрым политикам, которые красивыми словами имеют наглость убеждать короля, что государственные интересы нельзя сохранить в согласии с совестью, и что потому временами надо о ней забыть, если грех принесет государству пользу... Каждый хороший правитель и гражданин обязан до такой степени руководствоваться законом Божьим и совестью (только чтобы не впасть в суеверие), что пожелал бы скорее сделать что-либо во вред государству, чем послушаться или дать такой совет»³⁹⁹. Здесь заметен еще более решительный, чем в «Предупреждениях», отказ от идей Макиавелли, что позволяет нам окончательно отвергнуть представление о Фредро как «польском Макиавелли». Вместе с тем, можно предположить, что столь резко выраженное отмежевание от идей знаменитого флорентийца также могло быть связано с конкретной политической ситуацией и противостоянием интригам двора.

Так же, как отказ от макиавеллизма с большей силой звучит во «Фрагментах», чем в изданных четыре года спустя «Предостережениях», так и тема мнений подданных о монархе трактуется львовским каштеляном во «Фрагментах» радикальнее. В «Предостережениях» негативное мнение сограждан может стать для короля как поводом к изменению своего поведения, так и знаком о необходимости воздействовать на подданных: «По доброй воле проси (если ты мудр), чтобы тебе доносили обо всем, не боясь оскорбить, чтобы ты знал, как предупредить или предотвратить и даже самого себя поправить»⁴⁰⁰. Во «Фрагментах» же мы видим, что король однозначно должен прислушиваться к мнению подданных: в случае их негативного мнения о себе монарх «пусть на себя скорее злится, чем на

---

³⁹⁸ Ibid. S. 168-169.

³⁹⁹ Ibid. S. 170-171.

⁴⁰⁰ Fredro A. M. *Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe*. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 82-83.

подданных... никто не обижается на благородного человека, не от народа, но от правителя зависит то, слышит ли он голоса дружественные или враждебные»⁴⁰¹. Можно бы было предположить, что за четыре года, прошедшие с издания «Фрагментов» до издания «Предостережений» взгляды Фредро стали более «монархическими», что и нашло отражение в его творчестве. Именно как «излечение от заблуждений» воспринимали такие изменения позитивисты⁴⁰². Однако более правдоподобным кажется предположение, о том, что Фредро, не меняя своего мировоззрения, просто подчеркивал или специально выделял те его элементы, которые были особенно актуальны в данный момент. В данном случае его целью являлось противостояние планам двора, чему служило акцентирование необходимости для короля прислушиваться к негативному мнению подданных.

Что же касается несправедливых суждений, высказываемых подданными, к ним монарх, по мысли Фредро, должен оставаться равнодушным: «Пусть правитель скорее считает, что ответ на оскорбления, которые услышал из уст или писем других, ниже его достоинства»⁴⁰³. Таким образом львовский каштелян стремился обеспечить безопасность наиболее радикальным критикам Яна Казимира, однако эта рекомендация также близка уже знакомому нам призыву из «Предостережений»: «Сквозь пальцы смотри, смотри сквозь пальцы»⁴⁰⁴.

Интересно, что Фредро рекомендует королю не отделять своего имущества от государственного, что было необычно для политической культуры Речи Посполитой, выработавшей еще в XIV веке понятие Короны Королевства Польского – термина, отделявшего правителя от государства⁴⁰⁵. Фредро же утверждает: «Если хочешь быть хорошим правителем, то признай, что ты и государство – одно тело или же государство – тело, а ты –

---

⁴⁰¹ Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 182-183.

⁴⁰² См., напр.: Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego. Tom II. Kraków: Nakładem PAU, 1898. S. 139.

⁴⁰³ Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 186-187.

⁴⁰⁴ Fredro A. M. Monita politico-moralia. Przestrogi polityczno-obyczajowe. Warszawa: Wydawnictwo IBL, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 74-75.

⁴⁰⁵ См., напр.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004. С. 105.

душа»⁴⁰⁶. Такое утверждение, на первый взгляд, скорее подходит стороннику сильной королевской власти, но львовский каштелян, скорее всего, имеет в виду другое: здесь же он предостерегает монарха от увеличения налогов. Таким образом, по мысли Анджея Максимилиана, король должен использовать не государственную казну как собственную, но не жалеть собственных доходов на государственные нужды, что было созвучно со стремлением шляхты «разделить» военные расходы с монархом.

Если в сеймовых речах 1652 года Фредро восхвалял выборную монархию как элемент государственного устройства Речи Посполитой, увеличивающий славу польского короля, то повторение тех же тезисов в труде 1660 года было как наиболее актуальным в тот момент, когда планировалась реформа элекции *vivente rege*. Впрочем, ни мнение, ни аргументы львовского каштеляна со времен памятного сейма 1652 года не изменились, разве что хвалебный тон сменился на предупреждающий: «Пусть будет ясно, что неразумно поступают те короли, которые прибегают к недостойным средствам или обману избирателей, чтобы передать скипетр по наследству своим потомкам, так как значительно легче могут его получить благодаря благородству и любви народа»⁴⁰⁷.

Одна из последних рекомендаций «Фрагментов» касается, опять же, необходимости прислушиваться к критике и избегать лести: «Когда во время публичного совещания встретишься с кем-нибудь, кто по причине своего благородства и согласно с правом и правилами добродетели дает советы в делах общественных или частных, или хотел бы исправить какие ошибки, которые совершил правитель, вместо того, чтобы его ненавидеть, должен любить... Ты спросишь: а что, если делает это публично? Может, не имеет доступа в затишья комнат и не может поговорить с тобой наедине. А верь мне, что чем смелее говорит, тем больше в нем мужества»⁴⁰⁸. Здесь слышится не только призыв к милости, прислушиванию к мнению подданных, но

---

⁴⁰⁶ Fredro A. M. *Scriptorum*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 190-193.

⁴⁰⁷ Ibid. S. 196-197.

⁴⁰⁸ Ibid. S. 196-197.

прямой намек на свои рекомендации, обнародованные, таким образом, публично перед сеймом 1661 года, на котором должна была решиться судьба королевских предложений. Слова эти звучат одновременно и как наставление, и как самооправдание за свои «Фрагменты».

И действительно, уже следующая рекомендация словно требует вышеуказанного предупреждения: «Может, ты веришь, государь, что ты свят, потому что ежедневно находишь время на выслушивание мессы (хоть и больше по привычке и для напрасной славы, чем искренне)? Тем временем твое безразличие все ведет к краху. Столько невинных людей поносит наказания по причине нечестных приговоров, стольким угрожает утрата доброго имени и имущества, или испытывают они притеснения более могущественных, не вспомню уже о худших вещах. Может, ты думаешь, что ты свят потому, что постишься два раза в неделю? Но по причине твоего попустительства самоволие армии ведет к нищете тысячи плебеев, может, они даже гибнут от голода, оставляя Провидению месть правителю за его пренебрежение. Может, считаешь, что ты свят, потому что тысячу или десять тысяч ты отдал на милостыню для бедных, монастырей и приютов? Ты гордишься этими проявлениями великодушия? Тем временем твой народ (которым правишь) считает тебя жестоким разбойником. Ты находишь тысячу предлогов для грабежа под видом налогов. Больше золота собираешь кровь, якобы для сохранения мира, но на самом деле для того, чтобы притеснять народ, а не защищать его. Затягиваешь войну, вместо того, чтобы ее вести, не для общего блага, но по причине своей лени, грабя миллионы на ненужные траты и высасывая кровь бедняков»⁴⁰⁹.

Трудно найти у Фредро более суровое обращение к королю (хотя львовский каштелян и не обращается по имени к Яну Казимиру). Подобные инвективы в адрес монарха вообще нехарактерны для львовского каштеляна. Между тем, именно здесь нашли свое выражение недовольство и опасения

---

⁴⁰⁹ Ibid. S. 206-207.

мелкой и средней шляхты, составляющей костяк сопротивления планам королевских реформ: боязнь несправедливого суда, притеснения со стороны магнатов, поддерживающих короля, рост налогов, продолжающаяся война. Что интересно, притеснения со стороны магнатории, а также бедственное положение низших слоев населения беспокоили и уже знакомых нам писателей-регалистов – Петра Скаргу и Шимона Старовольского. Но если регалисты выступали за усиление королевской власти во избежание подобных проблем, то Фредро твердо заявляет о необходимости соблюдать законы Речи Посполитой. Данная ситуация напоминает вопрос внутригражданского согласия, необходимость которого ощущалась всеми публицистами, но дорога к которому виделась абсолютно по-разному. Фредро особенно ярко подчеркивает необходимость знания монархом правовых норм польско-литовского государства: «Читай законы, чтобы они вели тебя за руку, помни присягу, которую принес, слушайся совести, свидетеля твоих действий, как в зеркале, приглядывайся к себе, чтобы не стать клятвопреступником»⁴¹⁰. При этом Фредро осознает всю тяжесть знания и соблюдения законов: «Пурпур в равной степени как достоинством, так является и бременем... нелегко его надеть, хоть бы и перед тобой лежал»⁴¹¹. Наконец, в последних словах рекомендации львовский каштелян заключает свое видение королевского положения: «Не для того выбирают короля, чтобы среди роскоши занимался собой, но чтобы те, которые его выбирают, жили в достатке и счастье. Не ему принадлежит государство, но он государству. Его бодрствование позволяет безопасно спать другим, его усилия обеспечивают всем спокойствие, его усердие – их благодать, его действия – их дыхание. Он может иногда быть в спокойствии, но никогда – в бездействии. Какова же награда за великие труды? «Крепка и сильна (обещаю словами Сенеки) будет власть того правителя, о котором все будут

---

⁴¹⁰ Ibid. S. 208-209.

⁴¹¹ Ibid. S. 210-211.

знать, что насколько он стоит над ними, настолько и для них»»⁴¹². Подобный взгляд, как мы помним, был характерен для Фредро и ранее, в сеймовых речах и «Поговорках», хотя антикоролевские высказывания и производят, на первый взгляд, впечатление радикализации взглядов львовского каштеляна. Однако, думается, подобная острая риторика Фредро была все же вызвана не эволюцией взглядов, которые при ближайшем рассмотрении не отличаются от высказываемых им ранее, но экстраординарными обстоятельствами, ставившими под угрозу важнейшие элементы государственного устройства Речи Посполитой, которые Фредро готов был самоотверженно защищать.

Заключительную часть первого раздела «Фрагментов» составляют практические военные советы монарху, которые можно уже отнести к чисто военной мысли львовского каштеляна. Сам факт того, что Фредро так много места в первом фрагменте уделил именно военным вопросам, свидетельствует о том значении, которое автор придавал военной функции монарха, которая так ярко проявлялась в сеймовых речах. Значение это было настолько велико, что Фредро поместил свои военные советы в первый раздел, несмотря даже на то, что такое завершение раздела о королевской власти в значительной степени «смазывало» риторический эффект от предыдущих рекомендаций, в которых нашли выражение наиважнейшие представления львовского каштеляна о польском монархе.

В целом, первая часть «Фрагментов» призывает монарха, прежде всего, прислушиваться к голосу подданных, а значит – прежде всего, мелкой и средней шляхты, опасавшейся планов королевских реформ. Хотя сами эти реформы и предложения прямо не оговариваются, Фредро дает понять, что изменения, несогласные с духом законов Речи Посполитой, не принесут польско-литовскому государству ничего хорошего, а наоборот, могут приблизить его к гибели. Фредро прямо выступает против элекции *vivente rege*, против придворной партии, на которую опирался Ян Казимир при

---

⁴¹² Ibid. S. 210-211.

продвижении идей своих преобразований. Вместе с тем львовский каштелян стремился не только полемизировать на тему вольной элекции, но и представлял свое видение решения проблем Речи Посполитой: соблюдение законов, совещания короля с выдающимися гражданами, создание внешней разведки и внутренней инспекции, окружение себя учеными мужами, милость по отношению к подданным, которая станет залогом их лояльности, привлечение ко двору способной молодежи и т. д.

Более подробно, однако, вопрос элекции *vivente rege* Фредро рассматривает в своей небольшой работе «Рассуждение об избрании на Королевство Польское при жизни короля Яна Казимира IV», опубликованной во франкфуртском журнале «*Diarium Europaeum*» в следующем, 1661 году и переизданной Стефанией Охманн-Станишевской в 1989 году по рукописи, сохранившейся в Национальной библиотеке⁴¹³. Збигнев Рындух – пожалуй, единственный из исследователей, кто обратил более пристальное внимание на данную статью, – отмечает, что она как нельзя лучше показывает способ рассуждений Фредро, который заключается в скрупулезном взвешивании всех «за» и «против»⁴¹⁴. Действительно, будучи решительным сторонником вольной элекции, Фредро не боится указать ее слабую сторону: «Упаси Боже от внезапной смерти нашего господина, когда Отчизна наша в замешательстве находится с подорванными силами, недоверием выдающихся граждан разрываемая, когда соседним правителям приходит аппетит и надежда на обладание нашим государством (если не посредством вольной элекции, то силой)»⁴¹⁵. Однако, в конце концов, перевешивают отрицательные стороны элекции *vivente rege*. Прежде всего, Фредро прямо говорит об избрании «не того, кого граждане бы хотели, но того, кого двор,

---

⁴¹³ Fredro A. M. *Discursus de Electione Regis Poloniae ex polonico versus // Diarium Europaeum*. 1661, vol. V, pars VI; Fredro A. M. *Dyskurs o mianowanie na Królestwo Polskie za żywota Króla Jmci Jana Kazimierza IV // Ochmann-Staniszevska S. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648-1668: Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały. Tom 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989. S. 249-255.*

⁴¹⁴ Rynduch Z. *Andrzej Maksymilian Fredro: Portret literacki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1980. S. 48-50.*

⁴¹⁵ Fredro A. M. *Dyskurs o mianowanie na Królestwo Polskie za żywota Króla Jmci Jana Kazimierza IV // Ochmann-Staniszevska S. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648-1668: Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały. Tom 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989. S. 249.*

то есть живущий правитель, продвигал»⁴¹⁶. К тому же, споры по поводу элекции не исключены и при жизни короля, «если бы сыновья коронные [т. е. граждане Речи Посполитой] кого другого желали в правители, а не того, кого двор, тогда еще большие опасности возникли, чем в бескорольевье»⁴¹⁷. Еще одним аргументом «против» является для Фредро сложная международная обстановка и тяжелое военное положение, от которого Речь Посполита еще не оправилась: элекция *vivente rege* неизбежно вызовет нежелательную для польско-литовского государства активность соседей в продвижении своих интересов и кандидатов, что особенно опасно в тот момент, когда Литва занята московскими войсками. Фредро предостерегает и самого Яна Казимира от преждевременного избрания наследника: «если бы к новоизбранному правителю склонилось бы большинство душ, особенно если бы мы богача избрали, который имел бы что дать и умел превратить граждан в клиентов, наверняка Его Королевское Величество беспокоился бы по этому поводу (точно не скажу, что бы из этого могло получиться)»⁴¹⁸. Наконец, прижизненные выборы являются для Фредро нарушением традиций, порчей того государственного механизма, который действовал столько поколений. Несмотря на отрицательное отношение к элекции в настоящий момент, не забывает Фредро и о тех качествах, которыми должен был бы обладать новый король. В целом, они напоминают те, которые уже упоминались в «Истории поляков», разве что более систематизированы: прежде всего, это – католическое вероисповедание, отсутствие общей границы с родиной будущего монарха во избежание территориальных споров, рассудительность, отсутствие независимых источников крупных доходов во избежание чрезмерного усиления. Наконец, Фредро добавляет еще одно требование – чтобы избранный король не был правителем другого государства. Здесь, по-видимому, сказался негативный опыт династии Ваза по возвращению шведского трона, хотя сам Фредро ссылается на аналогичное решение,

---

⁴¹⁶ Ibid. S. 249.

⁴¹⁷ Ibid. S. 249.

⁴¹⁸ Ibid. S. 251.

принятое в Швеции, которое, в свою очередь, было вызвано недавним польско-шведским династическим спором.

В целом, «Рассуждение» отличается от первой части «Фрагментов» более строгим, прагматическим, значительно менее эмоциональным и риторическим стилем, что неудивительно: эмоциональный тон «Фрагментов» был обусловлен как обращением к шляхте в стремлении убедить в своей правоте, так и первой реакцией львовского каштеляна на королевские предложения. В свою очередь, теоретическое обоснование недостатков прижизненной элекции в академическом немецком журнале год спустя требовало большей обстоятельности и меньшего риторического пыла. Это отличие демонстрирует нам, что Фредро умел корректировать свою аргументацию в зависимости от предполагаемого читателя.

Вопрос избрания короля Фредро затронул и в своем последнем публицистическом выступлении – брошюре «Письмо другу», которая первоначально вышла в 1669 году, а затем вошла в посмертно изданный «Советник»⁴¹⁹. Для нас этот текст тем более важен, что ярко демонстрирует, что Фредро не был слепым догматиком, а был готов к изменению своего мнения под влиянием обстоятельств. Более того, он прямо в этом признается: «Ты постоянно укоряешь меня... [в том, что] недавно я открыто убеждал, что короля поляков из-под чужого неба брать надлежит, внутри же Отечества его искать опасно, отчего же сейчас думаю иначе? Между тем, после отречения от скипетра Яна Казимира, не противодействую, но советую, избрать короля-соотечественника»⁴²⁰. Далее львовский каштелян объясняет, что в новых обстоятельствах, когда Речь Посполита значительно ослабла, ее граждане не могут уже себе позволить избирать на престол иностранцев, но должны искать нового короля в своей среде, так как никто, кроме них, не знает Речь Посполиту так досконально и не понимает ее настоящих проблем. В сложных обстоятельствах, по мысли Фредро, нет времени на то, чтобы новый

---

⁴¹⁹ Fredro A. M. Epistola ad Amicum // Vir consilii... Leopoli: Typis Collegij S.J., 1730. S. 540-555.

⁴²⁰ Ibid. S. 540.

король тратил время на вхождение в детали устройства польско-литовского государства – необходимо, чтобы он знал их в мельчайших подробностях. И действительно. Во время последующих бескоролевий Фредро поддерживал кандидатов-«Пястов» – Михала Корибута Вишневецкого в 1669 и Яна Собеского в 1674 году. Трудно представить более яркий пример прагматизма и отсутствия догматизма.

Вернемся, однако, в 1660 год. Вторым после элекции *vivente rege* постулатом двора была ликвидация *liberum veto*. Фредро, будучи маршалом сейма, впервые сорванного из-за применения принципа единогласия, считал его важнейшим средством защиты от тирании, что нашло свое выражение в пятой главе «Фрагментов...». Основу аргументации Фредро здесь составляет констатация того факта, что далеко не все граждане Речи Посполитой обладают достаточными способностями к государственному управлению, лишь немногие представители шляхты являются выдающимися государственными мужами: «так же, как и в других местах, так и в нашей Польше – было в каждом поколении одновременно не более чем один или два, а и сейчас немного таких, величию и благородству которых обязано каждое верное дело и целое благо Речи Посполитой»⁴²¹. Таким образом, публицист почти впрямую упрекает значительную часть шляхты в отсутствии выдающихся политических способностей, а иногда – и верного понимания насущных потребностей государства. Впрочем, в политической публицистике часто высказывались сомнения в способностях рядовой шляхты. Правда, сторонники усиления королевской власти (Петр Скарга, Шимон Старовольский и др.) делали из этого вывод о необходимости добровольного подчинения монарху. Особенностью трактата Фредро стало совсем иное заключение: если достойных так мало, то они тем более должны иметь возможность влияния на ход государственных дел посредством участия в сеймах и – в случае необходимости – применения *liberum veto*. К тому же,

---

⁴²¹ Fredro A.M. W obronie *liberum veto* // *Filozofia i myśl społeczna XVII wieku*. Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 301.

пафос заявления Фредро отличается от пафоса регалистов: если последние гневно обличали шляхту, бросая в ее адрес огульные обвинения, то львовский каштелян беззлобно констатировал весьма, с его точки зрения, банальный факт: далеко не все шляхтичи являются великими политическими деятелями. Регалисты в своих выступлениях и публицистике пытались принизить политические способности шляхты, зачастую сгущая краски (следует все же помнить, что послами на вальный сейм становились наиболее активные, способные и популярные политики, прошедшие школу воеводских сеймиков). На их фоне Фредро, не стремившийся никого оскорбить, был более убедителен.

Стоит отметить, что, говоря о мудрости немногих, Фредро вовсе не предлагает лишать всю остальную шляхту гражданских прав или как-то особенно возвысить мудрейших, в этом смысле он оставался верным духу внутрисословного равенства. При этом Фредро подчеркивает, что такая проблема не является специфически польской: в частности, он цитирует «Заговор Катилины» Гая Саллюстия Криспа: «И мне после долгих размышлений стало ясно, что все это было достигнуто выдающейся доблестью немногих граждан, и именно благодаря ей бедность побеждала богатство, малочисленность – множество»⁴²². Интересно отметить, что Саллюстий считал одной из причин – а фактически первопричиной – всех бед, постигших Рим и приведших к заговору Катилины, падение нравов⁴²³. Из общего настроения трудов Фредро следует, что он, по-видимому, занимал сходную позицию, считая, что проблемы государства происходят не от государственного устройства Речи Посполитой, а от ненадлежащего исполнения гражданами своих обязанностей.

Логика Фредро вполне ясна: если лишь немногие государственные деятели являются выдающимися, то и решение важнейших вопросов принципом большинства – абсурд, т. к. он не всегда позволяет

---

⁴²² Ibid. S. 301.

⁴²³ См., напр.: Дуров В.С. Художественная историография Древнего Рима. СПб: Издательство СПбГУ, 1993. С. 52-55.

немногочисленным лучшим убедить многочисленных худших или, по крайней мере, посредственных, в то время как последние с легкостью могут преодолеть сопротивление первых «для удовлетворения своих амбиций»⁴²⁴. При этом само гипотетическое большинство называется публицистом уничижительными в его понимании словами: «группировка», «фракция», которая может появиться «от неосторожности», т.е. вполне случайно. Неприязнь Фредро к фракциям объясняется необходимостью сохранения уже упоминавшегося нами внутреннего согласия. Согласие является одним из центральных понятий в польской публицистике, которым оперировали как регалисты, так и республиканцы. Нарушение согласия и открытая борьба партий воспринималось и теми, и другими как серьезная угроза внутреннему миру в Речи Посполитой. Однако средство от несогласий виделось таким же, как и в предыдущем случае: регалисты проповедовали усиление королевской власти, Фредро же – спасительное *liberum veto*, прекращающее раздоры, делающее создание противоборствующих партий бессмысленным, а также заставляющее искать компромисс между разными точками зрения. Принятие же решений большинством голосов, по его мнению, естественным образом создает «группировки» и «партии», существование которых ведет к конфликтам, в том числе вооруженным. Таким образом, принцип единогласия должен, по мысли Фредро, стать залогом сохранения гражданского мира, спасением от расколов и ожесточенной политической борьбы. К тому же, весьма вероятно, что современники видели в осуждаемых Фредро «группировках» аллюзию на королевскую партию, реформы которой действительно грозили расколом и, как мы увидим в будущем, вооруженным противостоянием.

---

⁴²⁴ Следует отметить, что подобная аргументация необходимости существования вето для сохранения влияния лучших граждан находила своих сторонников и в веке XIX. Например, к ней обращается Фридрих Шиллер в своей незаконченной пьесе «Димитрий» («Что есть большинство? Большинство – это глупость. Разум всегда в меньшинстве был... Государство, где правят большинство и глупость, рано или поздно должно исчезнуть»). См.: Ogonowski Z. *Filozofia polityczna w Polsce XVII wieku i tradycje demokracji europejskiej*. Warszawa, Polska Akademia Nauk, Instytut Filozofii i Socjologii, 1992. S. 12.

Как мы уже заметили, Фредро достаточно активно обращается к древнеримской литературе и элементам политической культуры Древнего Рима. Для поляков именно Римская республика и ее гражданские добродетели были образцом для подражания, и само польско-литовское государство называлось Речь Посполита, что было калькой с латинского *res publica*. И в данном случае львовский каштелян не упускает возможности привести пример из древней истории: победу в Карфагене «группировки» Баркидов, сторонников войны с Римом, в борьбе с Ганноном Великим, ее противником⁴²⁵. Фредро, что нам сегодня может показаться весьма странным, превозносит именно позицию Ганнона, гораздо менее известного и прославленного, чем знаменитые воины Гамилькар Барка и Ганнибал. Понятной такая позиция станет, если мы обратим внимание на пацифистские настроения, весьма распространенные в среде шляхты, которая не стремилась участвовать в войнах, а идеал рыцаря ассоциировался у нее скорее с образом защитника (Речи Посполитой и католической веры), нежели завоевателя. К тому же известный печальный для Карфагена итог Пунических войн вселял определенные сомнения в правильности политики Баркидов.

В политической практике Древнего Рима Фредро находил и истоки самого вето, берущего начало от права народных трибунов отменять решения сената, в т.ч. в военное время с целью приобретения новых прав. Следует отметить, что у современников Фредро древнеримский пример не мог не вызывать отчетливых ассоциаций с требованиями закрепления шляхетских прав в критических для польских монархов ситуациях: проблемы с наследованием власти способствовали принятию Кошицкого привилея Людовиком I Венгерским в 1374 г., Едлинского и Краковского привилеев – Владиславом II Ягелло в 1430 и 1433 гг. соответственно, а самая естественная параллель – Нешавские статуты 1454 г., выданные Казимиром IV Ягеллончиком в ходе Тринадцатилетней войны с Тевтонским орденом, –

---

⁴²⁵ Fredro A.M. W obronie liberum veto // *Filozofia i myśl społeczna XVII wieku*. Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 302-303.

напрашивалась сама собой. Таким образом, Фредро не только ссылаясь на древнеримские образцы, но и вызывал в памяти шляхты примеры из собственно польской истории, убеждая в том, что процедуры, схожие с *liberum veto*, всегда были неотъемлемой частью и отечественной политической жизни, что для привязанных к традициям поляков было немаловажно.

Однако Фредро обращается не только к опыту Древнего Рима, но и современной ему Венеции. Частое упоминание данного города в среде польских публицистов объясняется тем, что Венеция воспринималась гражданами польско-литовского государства как политический организм, по своему устройству близкий Речи Посполитой. В связи с этим политическая система средиземноморской республики давала повод для размышлений над ее опытом в сфере государственного строительства. Внимание Фредро к Венеции обусловлено также и тем, что, по распространенному мнению польских публицистов, оставаясь оплотом свободы, эта республика одновременно выступала примером применения принципа большинства при принятии решений, что, разумеется, требовало пояснений со стороны Фредро как приверженца *liberum veto*.

Как мы уже знаем, Фредро отвергал возможность принятия решений большинством голосов по образцу Венецианской республики, где условием благополучного существования этого принципа было то, что «там нет того, кто покупает убеждения и уничтожает свободу»⁴²⁶. Несомненно, речь здесь идет, прежде всего, о монархе. Слабая позиция венецианского дожа, таким образом, гарантировала независимость голосующих. Дожа Фредро называет «первым сенатором, первым патрицием, первым гражданином республики». Однако польские короли, как напоминал львовский каштелян своим читателям-соотечественникам, – «большого авторитета, величия и могущества». Пусть «делят они с Речью Посполитой власть распоряжения и управления, однако их королевское величие иное», при этом автор счел

---

⁴²⁶ Ibid. S. 305.

необходимым подчеркнуть, что «почести, звания, должности Речи Посполитой, а также награды для заслуженных находятся в их руках и от них зависят»⁴²⁷. Значит, короли польские как правители гораздо более сильны, нежели венецианские дожи. Но как раз это обстоятельство и настораживало Фредро. Он опасался, что именно «отсюда [возникает] немалая возможность объединения умов и подкупа большинства, в результате чего власть сената, шляхты, в конце концов вся власть Речи Посполитой легко может перейти в руки одного правителя»⁴²⁸. Важным в этом фрагменте представляется также то, что, по мнению Фредро, а, по-видимому, и значительной части шляхты, власть короля вовсе не была столь слабой, как ее представляли прокоролевски настроенные публицисты.

Фредро предостерегает и от опасности доминирования в сейме, действующем по принципу принятия решений большинством голосов, «многочисленной еретической секты»⁴²⁹. Такое предостережение кажется на первый взгляд странным для ревнителя шляхетских свобод, тем более, что во второй половине XVII в. протестанты, обычно именуемые католическими публицистами «еретиками», уже не были столь влиятельны, как в XVI или даже начале XVII в. Вряд ли они могли бы добиться большинства в сейме, даже, по выражению Фредро, при «охлаждении страсти католиков». Однако, оценивая современную ему ситуацию и теоретически не исключая перевеса еретиков в сейме, Фредро решает действовать путем устрашения и прибегает к использованию гипертрофированного образа «многочисленной еретической секты», дабы произвести впечатление на католическую шляхту. При этом необходимо особо обратить внимание на то, что Фредро не полемизирует с протестантами по религиозному вопросу и вовсе не подвергает сомнению принцип свободы вероисповедания. Свобода вероисповедания, как и другие гражданские права, по-видимому, остается для львовского каштеляна

---

⁴²⁷ Ibid. S. 305.

⁴²⁸ Ibid. S. 305.

⁴²⁹ Ibid. S. 305.

непоколебимой. Однако это не мешает ему высказываться прежде всего в поддержку исповедуемого им католичества.

Стоит помнить, что в 1658 г. арианам («польским братьям»), подозреваемым в сотрудничестве со шведами во время «потопа», было предписано либо перейти в католицизм, либо покинуть Речь Посполитую. Вместе с тем, как в частности, отмечает Мариуш Маркевич, изгнание ариан из Польши «по европейским меркам... проводилось очень гуманно». Так, например, было разрешено уладить перед отъездом все имущественные дела; к тому же часть ариан перешла не в католицизм, а в кальвинизм. Весьма правдоподобно и предположение Маркевича о том, что изгнание неверующих в Святую Троицу и божественность Христа ариан могло восприниматься как благодарность Пресвятой Деве Марии, Королеве Польской за спасение Речи Посполитой во время «потопа»⁴³⁰.

Таковы рассуждения Фредро о принципе единогласия, изложенные им в знаменитой пятой главе «Фрагментов...». В этом труде *liberum veto* упоминается еще раз только единожды: в десятой главе «Безопасность Речи Посполитой, или Предсказание долговечности» (в переводе Франтишека Вуйтевича – «От чего зависит долговечность Речи Посполитой»). Здесь, однако, Фредро не вдается в рассуждения. Сама глава представляет собой список того, что должно обеспечить Речи Посполитой долговечность. Под номером 10 лаконично значится: «Как долго будет существовать принцип единогласия в советах и свобода наложения вето»⁴³¹.

Каково же было отношение Фредро к *liberum veto* на практике? Будучи маршалом сейма, Фредро первоначально не принял во внимание протеста Сициньского, и лишь после замечаний других депутатов поставил пролонгацию сейма в зависимость от явки упитского посла на следующее заседание⁴³². Этот факт, вкупе с отказом Фредро признать на одном из

---

⁴³⁰ Markiewicz M. Historia Polski. 1492-1795. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 544-545.

⁴³¹ Fredro A.M. Od czego zależy trwałość Rzeczypospolitej // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku. Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 310.

⁴³² Ochmann-Staniszevska S., Staniszevski Z. Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana Kazimierza Wazy. Prawo – doktryna – praktyka. Tom I. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. S. 110-111.

сеймиков протест посла Незабитовского и заявлением, что «не может один от имени всех протестовать»⁴³³, демонстрирует, что Фредро не склонен был признавать единоличный протест, но считал законным прекращение сейма, если бы протест признали хотя бы несколько послов или в случае возникновения сомнений по поводу продолжения заседаний. Так, во время осеннего сейма 1666 года львовский каштелян (единственный из всех сенаторов) поддержал его роспуск в результате вето посла Лукомского и начавшихся споров о возможности его продолжения⁴³⁴. Что интересно, тогда же Фредро предложил ограничительную меру – запрет протестующим на выход из зала заседаний и необходимость свой протест обосновать⁴³⁵. Это подтверждает наше предположение о том, что, признавая необходимость *liberum veto*, Фредро стремился ограничить злоупотребление им.

Как уже было сказано, *liberum veto* в последующей историографической традиции будет восприниматься как одна из самых отрицательных черт политической системы Речи Посполитой, парализовавшей работу сейма. Однако стоит обратиться к статистике: во время активной политической деятельности Фредро (1652–1679 гг.) было сорвано 11 сеймов, но 19 пришли к принятию решений⁴³⁶ (в это время сеймы собирались чаще, чем раз в два года ввиду экстраординарных обстоятельств). За 27 лет 19 сеймов единогласно пришли к заключительным решениям, что ясно свидетельствует о том, что нет особых оснований говорить об анархии и параличе государственной власти в Речи Посполитой, по крайней мере, в этот период.

Аргументация Фредро в защиту *liberum veto* в основном с пониманием была воспринята шляхтой, которая, как и автор трактата, опасалась проявления абсолютистских тенденций у польских королей и стремилась к

---

⁴³³ Czaplinski W. Andrzej Maksymilian Fredro // Polski Słownik Biograficzny. Tom 7. Kraków, Wrocław. S. 114-116.

⁴³⁴ Ochmann-Staniszevska S., Staniszevski Z. Sejm Rzeczypospolitej za panownia Jana Kazimierza Wazy. Prawo – doktryna – praktyka. Tom I. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. S. 471-473.

⁴³⁵ Ibid. S. 476.

⁴³⁶ Ogonowski Z. Nad Pismami A.M. Fredry w Obronie Liberum Veto // Filozofia Polityczna w Polsce XVII Wieku i Tradycje Demokracji Europejskiej. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1992. S. 43.

сохранению золотой вольности. Акцент Фредро на необходимости правления мудрейших при сохранении всеобщей свободы, похоже, воспринимался шляхтой вполне благожелательно. При этом шляхта, по-видимому, предпочитала не принимать близко к сердцу то, что Фредро прямо говорил об отсутствии политических талантов у ее рядовых представителей.

При этом, как мы видим, Фредро вовсе не был фанатиком и проповедником анархии и понимал, что применение *liberum veto* не всегда уместно. Злоупотреблений принципом единогласия львовский каштелян не одобрял, но при этом был убежден, что лучше пожертвовать несколькими нерешенными на сорванном сейме делами, чем потерять саму возможность участия свободных граждан в управлении своим государством. Львовский каштелян был тонким знатоком и критиком человеческой природы и шляхетской ментальности, он прекрасно знал, что в максимальной степени способно повлиять на его читателей и даже мог воздействовать на них мнимой угрозой. Именно эта приверженность свободе и понимание того, чем живет и в чем нуждается Речь Посполитая, делали его, несмотря на свойственный ему скептическое отношение к своим согражданам, одним из самых ярких и популярных польских публицистов XVII века.

Заключение

Итак, мы рассмотрели труды Анджея Максимилиана Фредро, посвященные королевской власти и положению короля в государственном устройстве Речи Посполитой. Такое исследование особенно актуально на настоящем этапе развития историографии, касающейся творчества львовского каштеляна, когда становятся особенно заметны попытки преодоления бескритичности историографии эпохи романтизма, презентизма позитивизма, фрагментарности работ второй половины XX века.

С уверенностью можно констатировать, что, вопреки мнению позитивистской историографии, а также согласно последним исследованиям, подтверждаемым в настоящей диссертации на более широком материале, представления львовского каштеляна не были взглядами догматика, оторванного от практической политики, наоборот: все творческое наследие Фредро проникнуто идеей общественной пользы, практической политической деятельности для блага Речи Посполитой. К проблеме королевской власти Фредро обращался практически во всех своих трудах. В каждом из них, однако, тема эта освещалась со своими особенностями и акцентами.

Так, для сеймовых речей, выдержанных в тональности панегириков конкретным правителям (Владиславу IV и Яну Казимиру), характерно повышенное внимание к военной функции короля как образцового воина и полководца, что было, в значительной степени, вызвано как текущей военной ситуацией, так и общим убеждением Фредро в значимости для монарха владения военным искусством для управления государством (здесь лишний раз стоит отметить чрезвычайно высокую долю военных трудов в наследии львовского каштеляна). В речах также намечается важная для Фредро идея короля как образцового гражданина, воспитывающего и направляющего подданных своим примером, и если здесь речь идет, прежде всего, о военной доблести, то впоследствии данная рекомендация расширится и на другие

сферы жизни (нравственность, религиозность и т. д.). «Педагогическую» функцию монарха мы можем наблюдать и в процессе раздачи должностей (которые выступают как в качестве наград, так и в качестве стимулов). Наиболее весомой среди функций, которые, по мысли Фредро, должен реализовывать правитель, это роль монарха как воплощения и гаранта государственного порядка, общественного согласия и гражданского единства, т.е. функция, напрямую затрагивающая интересы всех обывателей Речи Посполитой, причем, вне зависимости от сословной принадлежности.

В «Истории поляков в правление Генриха Валуа», историческом труде и одновременно морально-политическом трактате, для Фредро уже не важны были личности исторических деятелей (весьма редко вообще называемых по именам), в данном труде он стремился продемонстрировать, прежде всего, принципы действия государственных механизмов Речи Посполитой в годы первых бескоролевий, уделяя, однако, при этом немалое внимание тому месту, которое в этих механизмах занимает король. Как и в сеймовых речах, Фредро в «Истории» последовательно акцентирует превосходство вольной элекции над престолонаследием, необходимость элекции *viritim* (обязательно после смерти короля), представление об устройстве Речи Посполитой как «золотой середине» между произволом монарха и своеволием граждан; стремление к диалогу и политическому компромиссу; идею взаимных обязательств короля и граждан; необходимость сохранения внутрисословного равенства граждан Речи Посполитой (по этой причине львовский каштелян выступает против избрания короля-«Пяста»). Но если сеймовые речи являлись (по крайней мере, по форме) гимнами конкретным монархам, «История» является гимном государственному устройству Речи Посполитой. Тем более существенно и то, что Фредро отвергает один из ключевых элементов этого устройства, а именно – право на рокош, что, скорее всего, связано с уже упоминавшимся представлением о короле как воплощении государственного порядка. Это свидетельствует о том, что апологетическое отношение Фредро к устройству Речи Посполитой не было

формальностью, как предполагали некоторые историки первой половины XX века, но результатом рефлексии над его отдельными элементами, что заметно по манере изложения, характерной для Фредро: оценивая какое-либо явление, он приводит как его достоинства, так и недостатки, после чего делает вывод, принимая его или отвергая.

В своих афористических произведениях – «Поговорках разговорного языка» и «Политико-моральных предостережениях» – Фредро стремится описать черты характера, необходимые монарху; несмотря на декларируемую привязанность к польским государственным традициям, эти произведения наиболее универсальны и наименее всего связаны с особенностями Речи Посполитой. Популярность «Предостережений» в Европе обеспечивалась также их наибольшим (по сравнению с другими произведениями львовского каштеляна) соответствием общеевропейскому идейно-политическому контексту. Фредро был абсолютно убежден в том, что королю свыше была дарована большая власть и доверие подданных, но вместе с тем он несет (прежде всего, перед Богом) ответственность за свое правление. Может быть, поэтому для Фредро самым главным качеством монарха должно быть соблюдение принципа умеренности – прежде всего, в отношении к подданным, которое должно быть ни чрезмерно суровым, ни слишком мягким, а также распоряжение своими подданными с учетом их характера и умений. Как показывают наблюдения над текстами Фредро, особое значение он придавал тому, чтобы монарх соблюдал этические и религиозные нормы – так, львовский каштелян прямо выступает против макиавеллизма, для него наиболее допустимым нарушением моральных норм является умолчание.

Еще более решительно высказывается Фредро во «Фрагментах писем о мире и войне». Кроме общих принципов, присутствующих в его афористических сочинениях, в данном произведении присутствуют польские акценты, такие как защита вольной элекции против элекции *vivente rege*, защита *liberum veto*, которые мыслились Фредро одними из важнейших

гарантий от превращения Речи Посполитой в тиранию. Главным условием сохранения гражданского мира, как он считал, является управление в согласии с гражданами и природой государства, что же касается *liberum veto*, то данный принцип представлялся ему экстренным средством, последней защитой перед королевским произволом. При этом риторически «Фрагменты» являются наиболее радикальным сочинением Фредро; при ближайшем рассмотрении, однако, мы увидим, что это касается скорее формы, но не содержания его труда: львовский каштелян лишь подчеркнул те элементы своего мировоззрения, которые наиболее соответствовали моменту борьбы с королевскими планами, предлагая свой путь укрепления государства после «потопа»: а именно – строгое соблюдение законов, совещания короля с выдающимися гражданами, создание внешней разведки и внутренней инспекции, окружение себя учеными мужами, милость по отношению к подданным, которая станет залогом их лояльности, привлечение ко двору способной молодежи.

Описывая положение польского монарха, Фредро опирается на уже сформированный как нормативными документами (Генриковыми артикулами), так и его предшественниками-публицистами (Скарга, Старовольский и др.) политический дискурс. В своей публицистике он объединяет гражданские и монархические, традиционные и актуальные, теоретические и практические элементы. При этом представления о проблемах Речи Посполитой у Фредро и его предшественников были весьма близки. Среди них – и отсутствие внутригражданского согласия, и притеснения рядовых шляхтичей магнатами, и недовольство солдатскими грабежами и т.д. Но если Скарга, Старовольский и другие публицисты зачастую видели решение данных проблем в усилении королевской власти, то Фредро неизменно оставался сторонником существующего устройства польско-литовского государства и соблюдения существующих законов, нарушение которых правителем, по его мнению, и порождает все новые

сложности, с которыми приходилось сталкиваться гражданам Речи Посполитой.

Анджей Максимилиан Фредро был услышан своими современниками. Его планомерная защита Речи Посполитой, характерной для нее вольной элекции и принципа единогласия приобрели в шляхетском обществе чрезвычайную популярность. Казавшиеся долгое время отчасти наивными или чрезмерно догматическими, его доводы в настоящее время, на нынешнем уровне формирования и переосмысления наших знаний о состоянии Речи Посполитой на переломном этапе своего развития, заслуживают более детального исследования, пересмотра оценок и понимания того, почему, будучи, по сути, единственным идеологом политического устройства польско-литовского государства, Фредро оказался более убедителен и влиятелен, чем его зачастую гораздо более могущественные оппоненты. Предпринятый анализ творческого наследия Анджея Максимилиана Фредро позволяет говорить не только о своеобразии его политической мысли в общепольском (а в определённой мере – и в общеевропейском) контексте, но приближает нас к более адекватному пониманию того, что являла собой Речь Посполитая и её обыватели в середине – второй половине XVII столетия.

Источники

1. Fredro A. M. Dyskurs o mianowanie na Królestwo Polskie za żywota Króla Jmci Jana Kazimierza IV // Ochmann-Staniszevska S. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648-1668: Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały. Tom 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989. S. 249-255.
2. Fredro A. M. Epistola ad Amicum // Vir consilii... Leopoli: Typis Collegij S.J., 1730. S. 540-555.
3. Fredro A. M. Gestorum Populi Poloni sub Henrico Valesio. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652. 308 s.
4. Fredro A. M. Monita Politico-Moralia. Przestrogi Polityczno-Obyczajowe. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN, Stowarzyszenie „Pro Cultura Litteraria”, 1999. 368 s.
5. Fredro A. M. Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne. Sanok: Nakład i Druk Karola Pollaka, 1855. 90 s.
6. Fredro A. M. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. 848 s.
7. Fredro A. M. W obronie liberum veto; Od czego zależy trwałość Rzeczypospolitej // Filozofia i Myśl Społeczna XVII Wieku. Tom I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 301-319.
8. Fredro J. M. Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyuszem, królem Polskim a potem Francuzkim. Petersburg i Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1852. 156 s.
9. Ostrowski-Daneykowiec J. Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. Tom I. Lublin: Drukarnia J.K.M. Collegium Societatis JESU, 1745. S. 10-20.

Литература

10. Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль: Типография губернского правления, 1910. 124 с.
11. Бобкова М.С. Историописание и историческая мысль Западной Европы Позднего Средневековья // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья в 3-х книгах. Книга 3. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 6-29.
12. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
13. Брагова А. М. Цицероновский образ правителя [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. N 4, 2016. URL: <http://st-hum.ru/content/bragova-am-ciceronovskiy-obraz-pravitelya>.
14. Дуров В.С. Художественная историография Древнего Рима. СПб: Издательство СПбГУ, 1993. 144 с.
15. Иванова Ю. В. Историописание итальянского гуманизма // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья в 3-х книгах. Книга 3. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 80-81.
16. История польской литературы. Том I. М.: Наука, 1968. 616 с.
17. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. Под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. 544 с.
18. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.
19. Липатов А.В. Литература в кругу шляхетской демократии. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. 262 с.
20. Николаев С. И. Польский гуманизм XVI-XVII вв.: взгляд из Московской Руси // *Slavia Orientalis*. Tom LVIII, nr 3, 2009. С. 269-277.

21. Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI-XVIII веков. СПб: Нестор-История, 2008. 248 с.
22. Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
23. Польская С. А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX-XV вв.). М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 508 с.
24. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1903. 460 с.
25. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004. 544 с.
26. Филатова Н. М. От Просвещения к романтизму. Исторический лексикон Казимежа Бродзиньского. М.: Индрик, 2004. 152 с.
27. Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 320 с.
28. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб: Алетейя, 2003. 354 с.
29. Andrzej Maksymilian Fredro (ok. 1620-1679) // Bibliografia literatury polskiej „Nowy Korbut”. Tom 2. Piśmiennictwo staropolskie. A-M. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. S. 157-160.
30. Augustyniak U. Wazowie i „królowie rodacy”. Studium władzy królewskiej w Rzeczypospolitej XVII wieku. Warszawa: Semper, 1999. 256 s.
31. Bandtke J.S. [Dedykacja] // Andrzeja Maximiliana Fredra, kasztelana lwowskiego, Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne. Wrocław: Drukiem Sukcess. Grassa, i Bartha, 1802. S. V-VI.
32. Bandtke J.S. Przedmowa // Andrzej Maximil. Fredra Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne. Wrocław: U Wilhelma Bogumiła Korna, 1809. S. IV-V.
33. Bardach J. Leśnodorski B., Pietrzak M. Historia ustroju i prawa polskiego. Warszawa: PWN, 1998. 656 s.

34. Barycz H. Andrzej Maksymilian Fredro wobec zagadnień wychowawczych. Kraków: Nakładem PAU, 1948. 104 s.
35. Barycz H. Barok. Historia nauki polskiej. Tom II. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1970. 480 s.
36. Bieńkowski T. Proza polsko-łacińska 1450–1750 // Problemy literatury staropolskiej. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. S. 103-163.
37. Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Tom 2. Kraków: Nakład G. Gebethnera i Spółki, 1890. 392 s.
38. Bohomolec F. Dedykacya i przedmowa // Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne Andrzeja Maksymiliana Fredry, Kasztelana Lwowskiego, potem Wojewody Podolskiego. Sanok: Nakład i Druk Karola Pollaka, 1855. S. IX-X.
39. Bömelburg H.-J. Polska myśl historyczna a humanistyczna historia narodowa (1500-1700). Kraków: Universitas, 2011. 860 s.
40. Brodziński K. Pisma. Tom IV. Proza. Literatura Polska (1822-1823). Poznań: Skład Główny w Księgarni Gedethnera i Wolffa, 1872. 476 s.
41. Brückner A. Dzieje literatury polskiej w zarysie. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1908. 486 s.
42. Bystron J. S. Przysłowia polskie. Kraków: Nakład PAU, 1933. 260 s.
43. Chmielowski P. Fredro Andrzej Maksymilian // Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana. Tom XXIII. Warszawa: Drukarnia Biblioteki Dzieł Wyborowych, 1899. S. 211-214.
44. Chmielowski P. Historia literatury polskiej. Tom II. Warszawa: Drukarnia Granowskiego i Sikorskiego, 1899. 242 s.
45. Chodyncki I. Dykcjonarz uczonych Polaków. Tom I. Lwow, 1833. 400 s.
46. Chrzanowski I. Historia Literatury Niepodległej Polski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. 868 s.
47. Czapliński W. Andrzej Maksymilian Fredro // Polski Słownik Biograficzny. Tom 7. Kraków, Wrocław: PAU, Zakład im. Ossolińskich, 1958. S. 114-116.

48. Czapliński W. Dwa Sejmy 1652 Roku. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. 186 s.
49. Czapliński W. Władysław IV i jego czasy. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1976. 404 s.
50. Czermak W. Próba Naprawy Rzeczypospolitej za Jana Kazimierza // Biblioteka Warszawska. Tom I. Warszawa: Druk E. Lubowskiego i S-ki, 1891. S. 519-547.
51. Dąbkowska-Kujko J. Justus Lipsjusz i dawne przekłady jego dzieł na język polski. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010. 540 s.
52. Diariusz sejmku elekcyjnego 1648 roku. Pod red. J.S. Dąbrowskiego. Kraków: Historica Iagellonica, 2013. 188 s.
53. Dobrzycki S. Historia Literatury Polskiej. Tom I. Poznań: Drukarnia Uniwersytetu Poznańskiego, 1927. 600 s.
54. Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy. Pod red. R. Skowrona. Kraków: Nowa Galicja, 2003. 656 s.
55. Dybas B. Problem Budowy i Funkcjonowania Fortyfikacji Stałych w Rzeczypospolitej w Okresie Wojen w Połowie XVII Wieku // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia. Tom XXVIII. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, 1993. S. 13-33.
56. Eder M. U źródeł aforystyki polskiej: Studium o "Przysłowiach..." Andrzeja Maksymiliana Fredry. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Atut, 2008. 280 s.
57. Faworycy i opozycjoniści. Król a elity polityczne w Rzeczypospolitej XV-XVII wieku. Pod red. R. Skowrona. Kraków: Atelier Design Rafał Nowak, 2006. 560 s.
58. Frost R. After the Deluge. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 212 p.
59. Gałaj R. Wojsko w siedemnastowiecznych przysłowiach polskich zebranych przez Salomona Rysińskiego i Andrzeja Maksymiliana Fredrę // Szczecińskie Studia Historyczne. N 12. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 2000. S. 53-67.

60. Glinka F. Zwierzyniec Iednorozcow. Lwów: Drukarnia Collegium Societatis, 1670. 376 s.
61. Głębigka E. J. Pojęcia „Populus” i „Libertas” w politycznych traktatach Andrzeja Maksymiliana Fredry // Łacina jako język elit. Warszawa: OBTA, Wydawnictwo DIG, 2004. S. 109-120.
62. Głębigka E. J. Polskie Realia w Monita Politico-Moralia Andrzeja Maksymiliana Fredry // Świt i Zmierzch Baroku. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2002. S. 243-253.
63. Głębigka E.J., Lasocińska E. Wprowadzenie do lektury // Fredro A.M. Monita Politico-Moralia. Warszawa: Instytut Badań Literackich, Pro Cultura Litteraria, 1999. S. 5-15.
64. Godek S., Wilczek-Karczewska M. Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. Wybór źródeł. Warszawa: PWN, 2006. 564 s.
65. Góralik S. Życie i działalność polityczna Andrzeja Maksymiliana Fredry // Per Aspera Ad Astra. Materiały z XVI Ogólnopolskiego Zjazdu Historyków Studentów. Tom V. Historia Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Kraków: AT Group, 2008. S. 101-122.
66. Grabski A. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. 278 s.
67. Hernas C. Barok. Warszawa: PWN, 1996. 742 s.
68. Janik M. Z dziejów wymowy w wieku XVII i XVIII // Pamiętnik Literacki. Z. 4. Lwów: Nakładem Towarzystwa Literackiego im. A. Mickiewicza, 1908. S. 431-481.
69. Januskiewicz S. Dedykacya i przedmowa // Przysłowia mów potocznych, albo Przestrogi obyczajowe, radne, wojenne Andrzeja Maksymiliana Fredry, Kasztelana Lwowskiego, potem Wojewody Podolskiego. Sanok: Nakład i Druk Karola Pollaka, 1855. S. XI-XII.
70. Jemiołowski M. Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego, towarzysza lekkiej chorągwi, ziemianina województwa bełzkiego, obejmujący dzieje Polski od

- roku 1648 do 1679 spólcześnie, porzadkiem lat opowiedziane. Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego Ossolińskich, 1850. 312 s.
71. Kersten A. Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PAN, 1988. 686 s.
72. Konarski S. O skutecznym rad sposobie, albo o utrzymaniu ordynaryjnych Sejmów. Tom II. Warszawa: Drukarnia J. K. Mci y Rzpltey u xx. Sholarum Piarum, 1761. 280 s.
73. Konopczyński W. Liberum veto. Kraków: Krakowska Drukarnia Nakładowa, 1918. 468 s.
74. Korzon T. Dola i Niedola Jana Sobieskiego. 1629-1674. Tom 2. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1898. 448 s.
75. Kosiński L. A. M. Fredro jako pisarz i moralista // Księga pamiątkowa ku uczczeniu trzydziestoletniej pracy naukowej i nauczycielskiej Stanisława Dobrzyckiego. Poznań: Drukarnia Uniwersytetu Poznańskiego, 1928. S. 185-201.
76. Kosiński L. Przysłowia Andrzeja Maksymiliana Fredry. Poznań, 1929. 112 s.
77. Król a prawo stanów do oporu. Pod red. R. Skowrona. Krakow: PAZAX, 2010. 438 s.
78. Król K., Nitowski J. Historia literatury polskiej. Warszawa: Nakładem i drukiem M. Arcta, 1906. 506 s.
79. Krzyżanowski J. Historia Literatury Polskiej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. 654 s.
80. Kubala L. Szkice historyczne II. Lwów: Nakładem Księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1880. 326 s.
81. Kukulski L. Wstęp // A. M. Fredro. Przysłowia Mów Potocznych. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. S. 5-10.
82. Kurdybacha Ł. Staropolski ideał wychowawczy. Lwów: Skł. Gł. w Księg. A. Krawczyńskiego, 1938. 168 s.

83. Lipiński E. A. M. Fredro — Ideolog Kultury Przemysłowej // Studia nad historią polskiej myśli ekonomicznej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956. S. 285-321.
84. Łoś J. Pamiętniki Łosia towarzysza chorągwi pancерnej Władysława margrabi Myszkowskiego, wojewody krakowskiego, obejmujące wydarzenia od 1646 r. do 1667 r., z rękopisu współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim, wydane. Kraków: Nakładem Księgarni Friedleina, 1858. 120 s.
85. Łoziński W. Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku. Tom I. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1957. 362 s.
86. Łukaszewicz L. Rys dziejów piśmiennictwa polskiego. Poznań: Nakładem i czczeniem N. Kamieńskiego i Spółki, 1860. 834 s.
87. Markiewicz M. Historia Polski. 1492-1795. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. 760 s.
88. Mecherzyński K. Historia wymowy w Polsce. Tom III. Kraków: Nakładem księgarza Józefa Czecha, 1860. 410 s.
89. Michałowski J. Księga Pamiętnicza. Kraków: Drukarnia C.K. Uniwersytetu, 1864. 858 s.
90. Morawski T. Dzieje narodu Polskiego w krótkości zebrane. Tom III. Poznań: Nakładem Księgarni Jana Konstantego Żupańskiego, 1877. 610 s.
91. Nadolski B. Wybór mów staropolskich. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. 364 s.
92. Nowak-Dłużewski J. Poezja Związku Święconego i rokoszu Lubomirskiego. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1953. 316 s.
93. O tłumaczeniu Maxym i uwag moralnych Xięcia de la Rochefoucauld, w Wilnie nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1812, w małym formacie, str. 132 // Pamiętnik Naukowy. Tom I. Warszawa: U N. Glucksberga, Księgarnia i Typografia Królewskiego Uniwersytetu, 1819. S. 30-86.
94. Ochmann-Staniszevska S. Dynastia Wazów w Polsce. Warszawa: PWN, 2006. 352 s.

95. Ochmann-Staniszevska S. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648-1668: Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały. Tomy 1-3. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989-1991. 266 s., 272 s., 372 s.
96. Ochmann-Staniszevska S., Staniszevski Z. Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana Kazimierza Wazy. Prawo – doktryna – praktyka. Tom 1. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. 596 s.
97. Ogonowski Z. Nad Pismami A.M. Fredry w Obronie Liberum Veto // Filozofia Polityczna w Polsce XVII Wieku i Tradycje Demokracji Europejskiej. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1992. S. 9-57.
98. Olejnik K. Rozwój polskiej myśli wojskowej do końca XVII wieku. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1976. 284 s.
99. Orzeł i półksiężyc. 600 lat polskiej publicystyki poświęconej Turcji. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 2014. 416 s.
100. Oświęcim S. Stanisława Oświęcima Dyaryusz. 1643-1651. Kraków: Akademia Umijętności, 1907. 438 s.
101. Partyka J. Czy Autor Przysłów Mów Potocznych Był Sarmatą? // Napis. Seria VIII. Warszawa: Wydawnictwo DIG, 2002. S. 25-35.
102. Pelc J. Słowo i obraz. Na pograniczu literatury i sztuk plastycznych. Kraków: Universitas, 2002. 416 s.
103. Pietrzyk-Reeves D. Ład Rzeczypospolitej. Polska myśl polityczna XVI wieku a klasyczna tradycja republikańska. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. 468 s.
104. Piianecki H. J. [Dedykacja] // Militarium, seu axiomatum belli ad harmoniam togae accommodatorum libri duo. Liber II. Lipsiae: Typis Iacobaerianis, 1757. S. VIII.
105. Piszczkowski M. Staropolska Literatura Moralna // Ruch Literacki. N 6. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1931. S. 225-231.
106. Piszczkowski M. Moraliści staropolscy. Lwów: Drukarnia Urzędnicza, 1933. 142 s.

107. Płachcińska K. Jak obiecywać, by nic nie obiecać — odpowiedzi Andrzeja Maksymiliana Fredry udzielone delegatom wojsk na sejmie w 1652 roku // *Acta Universitatis Lodziensis, Folia Litteraria Polonica*, 3(25). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. S. 153-164.
108. Płachcińska K. Retoryka lekceważania – odpowiedź Andrzeja Maksymiliana Fredry posłom kozackim na sejmie w 1652 roku // *Retoryka w Polsce: wiek XVII. Część I*. Warszawa: DIG, 2015. S. 27-38.
109. Przyboś K. Andrzeja Maksymiliana Fredry "rachunek opieki" z lat 1659–1664 // *Studia Historyczne*. Tom 45, z. 1. Kraków: Wydawnictwo PAN, 2002. S. 69-78.
110. Przyboś K. Fredrowie herbu Bończa domus antiqui moris virtusisque cultrix // *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*. Tom III (XIV). Warszawa: Wydawnictwo DIG, 1997. S. 75-116.
111. Przyboś K. Kandydatura Piasta w literaturze politycznej w bezkrólewiu po abdykacji Jana Kazimierza // *Studia Historyczne*. R. XIV, z. 4. Kraków: Wydawnictwo PAN, 1971. S. 493-508.
112. Przyboś K. Projekt Reformy Pieniądza Andrzeja Maksymiliana Fredry z 1666 Roku // *Przemyskie Zapiski Historyczne*. R. VI-VII. Przemyśl: Polskie Towarzystwo Historyczne w Przemyślu, 1990. S. 223-238.
113. Przyboś K. Propaganda w Służbie Rokoszu Lubomirskiego. W Sprawie Autorstwa "Echa Żałosnego" z 1666 Roku // *Przemyskie Zapiski Historyczne*. R. VI-VII. Przemyśl: Polskie Towarzystwo Historyczne w Przemyślu, 1990. S. 121-138.
114. Radziwiłł A.S. Pamiętniki Albrychta Stanisława x. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego. Tom II. Poznań: U braci Scherków, 1839. 488 s.
115. Raubo G. Światło przyrodzone: rozum w literaturze polskiego baroku. Poznań: Wydawnictwo UAM, 2006. 272 s.
116. Rynduch Z. Andrzej Maksymilian Fredro: Portret literacki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1980. 228 s.

117. Rynduch Z. Andrzeja Maksymiliana Fredry "Vir consilii" jako podręcznik retoryki barokowej // Pamiętnik Literacki. LXVI, z. 3. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. S. 176-190.
118. Rynduch Z. Funkcja Przysłów w Prozie Andrzeja Maksymiliana Fredry // Retoryka a Literatura. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. S. 153-165.
119. Rynduch Z. Poezja i proza w prozie - Z zagadnień artyzmu prozy Andrzeja Maksymiliana Fredry // Poezja. N 5/6. Warszawa: RSW "Prasa-Książka-Ruch", 1975. S. 174-178.
120. Rynduch Z. Sądy o języku i stylu w twórczości Andrzeja Maksymiliana Fredry // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Polska XVI. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, 1979. S. 163-174.
121. Rynduch Z. Ze studiów nad twórczością Andrzeja Maksymiliana Fredry // Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Prace Historyczno-literackie. N1. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1972. S. 5-23.
122. Rysiewicz M. Sarmacki Republikanizm Inaczej Odczytany. Andrzej Maksymilian Fredro Jako obrońca Liberum Veto // Studia z Filozofii Polskiej. Tom 5. Bielsko-Biała, Kraków: Scriptum, 2010. S. 281-299.
123. Skarga P. Kazania sejmowe. Wrocław: Oficyna Wydawnicza FOKA, 2010. 176 s.
124. Skrodzki M. Andrzej Maksymilian Fredro - polski Machiavelli? // Nowożytnicze Zeszyty Historyczne. Z. 3. O kształt Europy Środkowo-Wschodniej. Materiały z III Ogólnopolskiej Studenckiej Konferencji Naukowej Historyków Nowożytników. Kraków: AT Group, 2011. S. 77-92.
125. Skrzydylka W. Do czytelnika o wydaniu niniejszem // Przysłowia Mów Potocznych Alex.Max.Fredra. Tom 1. Paryż: Księgarnia Luxemburska, 1867. S. I-VI.
126. Skrzydylka W. Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 329-342.

127. Skrzydylka W. Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy) // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 6. Lwów, 1873. S. 426-432.
128. Skrzydylka W. Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy) // Przegląd Lwowski. Rok 3, tom 5, zeszyt 7. Lwów, 1873. S. 513-518.
129. Stankiewicz W. O małym pospolitym ruszeniu: kilka współczesnych refleksji // Zeszyty Naukowe Akademii Obrony Narodowej. N 1 (98). Warszawa: Wydawnictwo Akademii Obrony Narodowej, 2015. S. 182-204.
130. Starnawski J., Zawadzki R. Witanie Króla J. Mci Jana Kazimierza imieniem Koła Poselskiego po ekspedycyjej i zwycięstwie beresteckim // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. Tom 41, zeszyt 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyślu, 2005.
131. Starnawski J. Chór muz greckich na chwałę Andrzeja Maksymiliana Fredry // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. Tom 43, zeszyt 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyślu, 2007. S. 53-58.
132. Starnawski J. Franciszka Glinki Anagrammata ku czci Andrzeja Maksymiliana Fredry // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. Tom 43, zeszyt 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyślu, 2007. S. 59.
133. Starnawski J. Kilka uwag o oddziaływaniu Salustiusza na dawnych pisarzy polskich; Z dziejów sławy Tacyta w dawnej Polsce // Antyk w Polsce. Cz. 1. Łódź: Wydawnictwo UŁ, 1992. S. 87-97, 163-177.
134. Starnawski J. Wierszowana Saga Rodu Fredrów z 1670 r. // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. Tom 42, z. 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyślu, 2006. S. 39-55.
135. Starnawski J. Zapomniany konterfekt Andrzeja Maksymiliana Fredry // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. Tom 44, zeszyt 2. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyślu, 2008. S. 51-52.
136. Starowolski S. Reformacja obyczajów polskich. Kraków: Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1859. 240 s.
137. Sternbach L. Paremiografia Polska w XVII Wieku. Sprawozdania PAU. Cz. II, N 3. Kraków: Nakład PAU, 1933.

138. Stopa F. Pisarz o dwóch obliczach (Andrzej Maksymilian Fredro) // Przegląd Współczesny. Tom XXXIX. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1931. S. 399-413.
139. Syrokomla W. Od tłumacza // Jędrzeja Maksymiliana Fredro, Dzieje Narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyuszem, królem Polskim a potem Francuzkim. Petersburg i Mohylew: Nakładem Bolesława Maurycego Wolffa, 1855. S. I-V.
140. Szajnocha K. Dwa lata dziejów naszych. 1646. 1648. Tom II. Część I. Warszawa: Nakładem redakcji Gazety Polskiej, 1900. 480 s.
141. Szewczyk-Haake K. „Czasy ginącego piękna”. Pozytywistycznej historii literatury kłopoty z barokiem // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka 19 (39). Poznań, 2012. S. 31-45.
142. Szujski J. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Tom 3. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1864. 498 s.
143. Ślęk L. Ars dissimulandi i jej funkcje // Między teatrem a literaturą. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2004. S. 413-416.
144. Tarnowski S. Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. Tom IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 158-262.
145. Tazbir J. Fredro Andrzej Maksymilian // Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1971. S. 88-89.
146. Tracz-Tryniecki M. Wstęp // A. M. Fredro. Scriptorum. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2014. S. 19-115.
147. Urbański P. Stoicyzm i neostoicyzm w kulturze polskiej // Humanitas i christianitas w kulturze polskiej. Warszawa: Wydawnictwo Weriton, 2009. S. 161-202.
148. Wimmer J. Andrzej Maksymilian Fredro jako projektodawca reform wojskowych // O naprawę Rzeczypospolitej XVII–XVIII wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. S. 109-124.

149. Wiśniewska H. Intelktualizacja językowa w "Przysłowiaoh // przestrogach" Andrzeja Maksymiliana Fredry (1620-1679) // Rocznik Przemyski. Tom 29/30. Przemysł: Polskie Towarzystwo Historyczne w Przemysłu, 1994. S. 315-327.
150. Wiśniewska H. Rozkwit paremiografii w XVII wieku // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, 18, sectio FF. Lublin, 2000. S. 3-16.
151. Wójcicki K. Fredro // Encyklopedia Powszechna Orgelbranda. Tom IX. Warszawa: Nakład, druk i własność S. Orgelbranda, 1862. S. 299-300.
152. Zarębska T. Początki polskiego piśmiennictwa urbanistycznego. Warszawa, Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. 476 s.
153. Zdanowicz A. Rys Dziejów Literatury Polskiej. Tom I. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1874. 760 s.
154. Życie Andrzeia Maxymiliana Fredra // Andrzeia Maxymiliana Fredra, kasztelana lwowskiego, Potrzebne konsyderacye około porządku woiennego i pospolitego ruszenia... Warszawa: U XX. Sebolarum Piarum, 1789. S. IX-XVI.